

БЕЛАРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ

БЕЛАРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВО

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

LAW

Издаётся с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит три раза в год

2

2025

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

БАЛАШЕНКО С. А. – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

E-mail: balashenko@bsu.by

Заместитель главного редак- тора

ШИДЛОВСКИЙ А. В. – кандидат юридических наук, доцент; декан юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

E-mail: shidlovsky@bsu.by

Ответственный секретарь

ШАХРАЙ И. С. – доктор юридических наук, доцент; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

E-mail: shakhrai@bsu.by

Ванг Г. Чжэцзянский университет, Ханчжоу, Китай; Тулейнский университет, Новый Орлеан, США; Городской университет Гонконга, Гонконг, Китай.

Василевич Г. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Елюбаев Ж. С. Палата юридических консультантов «Казахстан бар асоушиэйшн», Алма-Ата, Казахстан.

Каменков В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Карпович Н. А. Конституционный Суд Республики Беларусь, Минск, Беларусь.

Келли К. Р. Арканзасский государственный университет, Джонсборо, США.

Крюссман Т. Университет глобального развития, Грац, Австрия; Грацкий университет им. Карла и Франца, Грац, Австрия; Центр глобальной Европы Кентского университета, Брюссель, Бельгия.

Макарова Т. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Матье Б. Университет Париж 1 Пантеон-Сорbonna, Париж, Франция.

Мацкевич И. М. Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия.

Мещанова М. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Некрошиюс В. Институт гражданского процесса и римского права Вильнюсского университета, Вильнюс, Литва.

Скаков А. Б. Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Хельманин У. Потсдамский университет, Потсдам, Германия.

Чуприс О. И. Администрация Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь.

Шидловский А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

BALASHENKO S. A., doctor of science (law), full professor; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: balashenko@bsu.by

Deputy editor-in-chief

SHIDLOVSKY A. V., PhD (law), docent; dean of the faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: shidlovsky@bsu.by

Executive secretary

SHAKHRAY I. S., doctor of science (law), docent; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: shakhrai@bsu.by

Chupris O. I. Administration of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.

Hellmann U. University of Potsdam, Potsdam, Germany.

Kamenkov V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Karpovich N. A. Constitutional Court of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.

Kelley C. R. Arkansas State University, Jonesboro, USA.

Kruessman T. University of Global Development, Graz, Austria; University of Graz, Graz, Austria; Global Europe Centre, University of Kent, Brussels, Belgium.

Mackevich I. M. University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Makarova T. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Mathieu B. University Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France.

Miashchanava M. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Nekrosius V. Institute of Civil Procedure and Roman Law, Vilnius University, Vilnius, Lithuania.

Shidlovsky A. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Skakov A. B. L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Vasilevich G. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Wang G. Zhejiang University, Hangzhou, China; Tulane University, New Orleans, USA; City University of Hong Kong, Hong Kong, China.

Yelyubayev Zh. S. Chamber of Legal Advisers «Kazakhstan Bar Association», Almaty, Kazakhstan.

АД РЭДАКЦЫИ ОТ РЕДАКЦИИ EDITORIAL

У 2025 г. юрыдычны факультэт Беларускага дзяржунага ўніверсітэта адзначае 100-гадовы юбілей. З гэтай нагоды мне вельмі прыемна вітаць і віншаваць нашых паважаных студэнтаў, выпускнікоў розных гадоў, выкладчыкаў і супрацоўнікаў факультэта, добрых сяброў, без супрацоўніцтва з якімі факультэт не выглядаў бы так годна.

Юрыдычны факультэт – гэта важная частка нашага жыцця. На ім мы набылі выдатную прафесію, сфарміравалі характар і актыўную грамадзянскую пазіцыю, адчулі энергію маладых сэрцаў, знайшлі лепшых сяброў, спазналі першае каханне!

Нам пашчасціла быць нашчадкамі законатворцаў, аўтараў небывалага ўзроўню Сярэдневякоўя, нашчадкамі вялікай гісторыі і помнікаў права.

Статуты Вялікага Княства Літоўскага – першыя канстытуцыі, якія былі надрукаваны на старабеларускай мове, мелі вялікае значэнне для фарміравання агульнаеўрапейскай і сусветнай прававой думкі. У іх упершыню ў гісторыі на такім узроўні гарантаваліся права ўсіх жыхароў. Асобна ў статутах замацоўваліся права жанчын, ім надавалася права мець маёмысць, прызначалася смяротнае пакаранне за згвалтаванне жанчыны. За злачынствы ў адносінах да нацыянальных і рэлігійных меншасцей прадугледжвалася такое ж пакаранне, як за злачынствы ў адносінах да вышэйшых саслоўяў. У шэрагу артыкулаў статуты замацоўваюць за пушчамі статус прыродных тэрыторый з асобай аховай. Некаторыя жывёлы, птушкі ахоўваюцца як асаблівая прыродная каштоўнасць.

Нашы продкі пакінулі пасля сябе багатую спадчыну, якой мы карыстаемся і ганарымся. На Беларусі ніколі не было рабства. Здаецца, што гэта асаблівасць і сёння мае вялікі ўплыў на гісторычнае, культурнае і рэлігійнае развіццё грамадства.

Адзін юрыдычны факультэт – гэта толькі структурная адзінка, а ўсе факультэты і інстытуты разам утвараюць Універсітэт, у якім навучаецца больш за 30 тыс. студэнтаў.

Для чалавека сто гадоў – гэта сталы ўзрост, але факультэт заўсёды застаецца маладым. Калі мы ўсе разам, наш сярэдні ўзрост ніколі не перавышае 22 гады.

Сто гадоў для факультэта – гэта перыяд для росквіту магчымасцей і дасягнення новых вышынь пры захаванні і памнажэнні слáўных традыцый.

У юбілейныя дні мы звычайна падводзім вынікі. У жыцці нашай альма-матар былі перыяды ўздымаў і цяжкія часы: стваралася юрыдычнае школа і адбываліся рэпрэсіі, гримела вайна, распадаўся СССР, будавалася незалежная дзяржава. Пры гэтым нашы выпускнікі, студэнты, выкладчыкі заўсёды аддана працаўвалі на карысць роднай краіны і абаранялі Айчыну. У нас могуць быць розныя погляды, адчуванні, пачуцці, але мы будзем адданымі сваёй краіне.

Я ўпэўнены, што самы важны вынік дзейнасці нашай альма-матар – гэта лепшыя студэнты, якія бачаць сваю будучыню менавіта ў нашай краіне, гэта вы, нашы выпускнікі, прафесіяналы з вялікай літары, выдатныя выкладчыкі, для якіх факультэт – гэта жыццё!

Выкладчыкі і студэнты Мінскага юрыдычнага інстытута стаялі ля вытокаў стварэння Мінскага падполя, былі ўдзельнікамі складаных аперацый, ліквідацыі ката беларускага народа – гаўляйтара В. Кубэ. Імёны А. А. Сакаловай, М. Б. Осіпавай, В. С. Жудро, многіх іншых патрыётаў упісаны залатымі літарамі ў гісторыю факультэта, нашай краіны і ніколі не будуць забыты.

На юрыдычным факультэце БДУ пасля ўсіх нягод і ліхалецця Вялікай Айчыннай вайны склаўся

үнікальны прафесійны калектыў найвышэйшага ўзроўню, у які ўвайшлі такія вядомыя навукоўцы, як А. А. Галаўко, І. І. Гарэлік, В. А. Дарогін, С. Р. Драбязка, І. М. Ігнаценка, С. В. Курылёў, А. Ц. Лейзераў, Я. А. Мацвіенка, М. М. Меркушаў, Г. А. Павецьеў, В. В. Сарокіна, В. Ф. Чыгір, В. А. Шкурко, В. М. Шпілёў, М. Р. Юркевіч, І. А. Юхі і інш.

Ужо ў час навейшай гісторыі, пасля Вялікай Айчыннай вайны, яны заклалі неразбуральны падмурак нашага факультэта. Сёння і заўсёды гэтыя навукоўцы застаюцца з намі.

Вельмі прыемна выказаць падзяку замежным сябрам, якія знаходзяць магчымасць прыняць актыўны

ўдзел у нашых навуковых, адукацыйных мерапрыемствах, праектах і ўрачыстасцях.

Ад усяго сэрца віншую нас з такім сладкім юбілеем і выказваю шчырую падзяку калектыву факультэта за адданую працу, а юрыдычнаму супольніцтву – за падтрымку і разуменне!

Жадаю ўсім нам поспехаў у прафесійнай дзейнасці, асабістага шчасця, дабрабыту, любові і кахання! Спадзяёмся, што нашы дзеяці і ўнукі таксама выберуць для сябе юрыдычны факультэт БДУ!

З Днём нараджэння, родны юрыдычны факультэт!

C. A. Балашэнка¹

¹Сяргей Аляксандравіч Балашэнка – доктар юрыдычных навук, прафесар; прафесар кафедры экалагічнага і аграрнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Сергей Александрович Балащенко – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Siarhei A. Balashenko, doctor of science (law), full professor; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: balashenko@bsu.by

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 340

СТУДЭНТЫ, ВЫКЛАДЧЫКІ, ВЫПУСКНІКІ МІНСКАГА ЮРЫДЫЧНАГА ІНСТИТУТА – УДЗЕЛЬНІКІ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ (да 80-годдзя Вялікай Перамогі)

А. В. ШЫДЛОЎСКІ^{1*}, Л. Л. ГОЛУБЕВА^{1*}, Т. І. ДОЎНАР^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анататыя. Вызначаеца ўнёсак студэнтаў, выкладчыкаў, выпускнікоў Мінскага юрыдычнага інстытута ў барацьбу з нямецка-фашысцкімі захопнікамі і атрыманне Вялікай Перамогі. Паказваеца ключавая роля вядомых вучоных – дактароў юрыдычных навук, прафесараў юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, якія ўдзельнічалі ў Вялікай Айчыннай вайне, у станаўленні і развіціі юрыдычнай навуки і адукацыі Беларусі.

Ключавыя слова: Мінскі юрыдычны інстытут; юрыдычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта; удзельнікі Вялікай Айчыннай вайны; дактары юрыдычных навук; прафесары.

Образец цитирования:

Шыдлоўскі АВ, Голубева ЛЛ, Доўнар ТІ. Студэнты, выкладчыкі, выпускнікі Мінскага юрыдычнага інстытута – удзельнікі Вялікай Айчыннай вайны (да 80-годдзя Вялікай Перамогі). *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;2:6–15.

EDN: OTCPEX

For citation:

Shidlovsky AV, Golubeva LL, Dovnar TI. Students, lecturers, graduates of the Minsk Law Institute – participants of the Great Patriotic War (to the 80th anniversary of Great Victory). *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;2:6–15. Belarusian.

EDN: OTCPEX

Авторы:

Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, доцент; декан юридического факультета.
Людмила Леонидовна Голубева – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета.
Таисия Ивановна Доўнар – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета.

Authors:

Andrey V. Shidlovsky, PhD (law), docent; dean of the faculty of law.
shidlovsky@bsu.by
Lyudmila L. Golubeva, PhD (law), docent; head of the department of theory and history of state and law, faculty of law.
golubevaLL@bsu.by
Taisiya I. Dovnar, doctor of science (law), full professor; professor at the department of theory and history of state and law, faculty of law.
dovnarti@bsu.by

СТУДЕНТЫ, ПРЕПОДАВАТЕЛИ, ВЫПУСКНИКИ
МИНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА – УЧАСТНИКИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(к 80-летию Великой Победы)

А. В. ШИДЛОВСКИЙ¹⁾, Л. Л. ГОЛУБЕВА¹⁾, Т. И. ДОВНАР¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Определяется вклад студентов, преподавателей, выпускников Минского юридического института в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками и одержание Великой Победы. Показывается ключевая роль известных ученых – докторов юридических наук, профессоров юридического факультета Белорусского государственного университета, которые участвовали в Великой Отечественной войне, в становлении и развитии юридической науки и образования Беларуси.

Ключевые слова: Минский юридический институт; юридический факультет Белорусского государственного университета; участники Великой Отечественной войны; доктора юридических наук; профессора.

STUDENTS, LECTURERS, GRADUATES OF
THE MINSK LAW INSTITUTE – PARTICIPANTS
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
(to the 80th anniversary of Great Victory)

A. V. SHIDLOVSKY^a, L. L. GOLUBEVA^a, T. I. DOVNAR^a

^aBelarusian State University, 4 Nizeliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: L. L. Golubeva (golubevaLL@bsu.by)

Abstract. The article is devoted to the study of the contribution of students, graduates, and lecturers of the Minsk Law Institute to the fight against the nazi invaders and to achieving the Great Victory. The article shows the key role of famous doctors of law, professors of the faculty of law of the Belarusian State University, participants of the Great Patriotic War in the formation and development of legal science and education in Belarus.

Keywords: Minsk Law Institute; faculty of law of the Belarusian State University; participants of the Great Patriotic War; doctors of law; professors.

Уводзіны

Згодна з арт. 15 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь «дзяржава забяспечвае захаванне гістарычнай праўды і памяці аб герайчным подзвігу беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны». Менавіта 9 мая, 22 чэрвеня і 3 ліпеня па ўсёй краіне шануюць памяць нашых суайчыннікаў, якія загінулі ў Вялікай Айчыннай вайне ад нямецка-фашистскіх захопнікаў. Сярод іх ахвяры і баявых дзеянняў, і страшнага генасыду. Мы абавязаны помніць подзвіг народа, здзейснены ў гады Вялікай Айчыннай вайны, ушаноўваць памяць тых, хто прайшоў слаўны баявы шлях і наблікаў Вялікую Перамогу, выхоўваць у моладзі павагу да герайчму беларускага народа ў гады вайны на прыкладзе подзвігу дзядоў і бацькоў, студэнтаў, выпускнікоў, выкладчыкаў Мінскага юрыдычнага інстытута (МЮІ). У Вялікай Айчыннай вайне вырашаўся лёс нашай краіны, будучыня сусветнай цывілізацыі, прагрэсу і дэмакратыі. Гэта вайна была агульнанароднай вайной савецкага народа за свабоду і незалежнасць.

З першых дзён Вялікай Айчыннай вайны студэнты, выпускнікі, выкладчыкі МЮІ актыўна ўключыліся ў барацьбу з нямецка-фашистскімі захопнікамі. Некаторыя з іх, застаўшыся на акупіраванай тэрыторыі, змагаліся з ворагам у падпольных арганізацыях і партызанскіх атрадах, іншыя ваявалі на фронце.

На юрыдычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта 5 мая 1986 г. быў адкрыты музей [1, с. 4], на адным са стэндаў якога змешчаны надпіс «Они сражались в действующей армии. В институте не вернулись». Гэты стэнд расказвае аб студэнтах МЮІ, што пайшлі на фронт і аддаў яшчэ за Радзіму. Другі стэнд носіць назыву «Огненный выпуск». У гады Вялікай Айчыннай вайны загінулі многія студэнты, выпускнікі, выкладчыкі МЮІ. Сёння іх прозвішчамі названы вуліцы сталіцы і іншых гарадоў і пасёлкаў рэспублікі.

Праца Л. П. Максімавай «Юридический факультет Белорусского государственного университета: история и современность» была выдадзена ў 1998 г. [2]. У кнізе даследующа этапы станаўлення і развіцця

юрыдычнага факультэта БДУ, звяртаеца ўвага на ге-
раічны подзвіг студэнтаў, выпускнікоў, выкладчыкаў
МЮІ ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

Кніга Л. П. Максімавай «Огненный выпуск. Факты.
Документы» была надрукавана ў 2010 г. [1]. Выданне
прысвечана студэнтам, выпускнікам, выкладчыкам
МЮІ, іх герайчнай барацьбе супраць нямецка-фашис-
цкіх захопнікаў на тэрыторыі акупіраванай Беларусі.

Аднак, на жаль, на сённяшні дзень не існуе змястоў-
най навуковай працы пра подзвіг студэнтаў, выклад-

чыкаў, выпускнікоў МЮІ і юрыдычнага факультэта
БДУ ў Вялікай Айчыннай вайне, дзе былі б падра-
бязна прааналізаваны жыццё і праца былых удзель-
нікаў Вялікай Айчыннай вайны, якія зрабілі значны
ўнёсак у развіццё юрыдычнага факультэта, універсі-
тэцкай юрыдычнай навукі і адукацыі Беларусі. Мно-
гія з гэтых людзей з'яўляюцца вядомымі вучонымі.
Яны сталі заснавальнікамі юрыдычных навуковых
школ, а іх дзейнасць сёння паспяхова працягваюць
нашчадкі.

Асноўная частка

У 1941 г. Вялікая Айчынная вайна прыпыніла
дзейнасць МЮІ [3, с. 58]. Дзяржаўныя экзамены, ня-
гледзячы на пачатак вайны, былі праведзены, і ўсе
студэнты паспяхова скончылі навучанне. Дакумен-
ты Дзяржаўнай экзаменацыйнай камісіі засталі-
ся ў інстытуце. Даведка пра тое, што экзамены за-
вяршыліся, была заверана дырэктарам інстытута
А. М. Штэйнгартам [1, с. 11–13].

Студэнты і выкладчыкі інстытута (у тым ліку дырэк-
тар А. М. Штэйнгарт, намеснік дырэктара М. А. Гель-
фер, прафесар С. М. Гофман, загадчык кафедры судо-
вага права В. Г. Гінсбург, выкладчык крыміналістыкі
М. С. Штэйнгауз, выкладчык асноў бухгалтарска-
га ўліку Б. С. Ішаглоў, выкладчык палітэканоміі
А. П. Скуман, кіраўнік семінара па крымінальным
праве В. К. Пракудовіч, дацэнты М. Ц. Баран, П. Е. Ру-
банчык, Б. Я. Бабіцкі, Л. А. Рудзіцкі і інш.) 22 чэрвя-
ня 1941 г. выйшлі на мітынг. Яны заяўлі пра сваю
гатоўнасць аддаць усе сілы ў барацьбе з ворагам,
а калі спатрэбіцца, то і жыццё [1, с. 9–10].

У першыя дні вайны вучэбны корпус інстытута
быў спалены. Бібліятэку і вучэбнае аbstаліяванне
МЮІ вывезлі ў Германію, студэнцкія інтэрнаты і жы-
лія дамы навуковых супрацоўнікаў разбурылі.

Многія студэнты, выпускнікі і выкладчыкі з са-
мага пачатку ўключыліся ў барацьбу з захопнікамі.
У Мінску і яго прыгарадах дзейнічала больш за
50 падпольных груп і арганізацый. У ліпені – жніўні
1941 г. у сталіцы пачала дзейнічаць падпольная па-
трыятычная антыфашистская група выкладчыкаў
і студэнтаў МЮІ «Группа преподавателей і студэнтаў
юридычнага інстытута» [1, с. 25–26] пад кіраўні-
цтвам яго выпускніцы, асістэнта кафедры маркізма-
ленізма М. Б. Осіпавай (1909–1999). Явчай ква-
тэрай быў студэнцкі інтэрнат (вул. Заслаўская, 33)
[4, с. 27], куды часта прыходзілі партызаны і члены
іншых падпольных груп і арганізацый, што дзей-
нічалі ў Мінску і прыгарадах. Спачатку ў склад пад-
польнай групы ўваходзілі 7 чалавек, пазней – 26.
Удзельнікамі групы былі выкладчыкі М. Ф. Малако-
віч, А. А. Сакалова, І. Г. Некрашэвіч, Н. Н. Крэчатовіч,
студэнты Р. Бромберг, М. Столаў, Г. Ліпская, Ф. Злот-
кіна. М. Б. Осіпава з'яўлялася сувязной партызанскіх
атрадаў М. М. Нікіціна, Дзімы, атрада «Мясцовая»,
брыгады дзядзі Колі.

Гаўляйттар В. Кубэ – нацысцкі генеральны камі-
сар у акупіраванай Беларусі – быў забіты 22 верасня
1943 г. у выніку выбуху міны, якую М. Б. Осіпава пе-
радала Е. Г. Мазанік. 29 кастрычніка 1943 г. М. Б. Осі-
павай было прысуджана званне Героя Савецкага
Саюза. Марыя Барысаўна ўзнагароджана ордэнамі
Леніна, Айчыннай вайны 1-й ступені, Працоўнага
Чырвонага Сцяга, шматлікімі медалямі.

Пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны
М. Б. Осіпава была дэпутатам Вярхоўнага Савета
БССР (1947–1963), членам Вярхоўнага Суда БССР,
Беларускай рэспубліканскай камісіі садзейнічання
Савецкаму камітэту абароны міру. М. Б. Осіпава
стала ганаровым грамадзянінам Мінска і Нурэка
(Таджыкістан).

Выпускніца факультэта права і гаспадаркі БДУ
(1927), кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры
крымінальнага працэсу МЮІ (адначасова работнік
абласной праクратуры) А. А. Сакалова (1906–1942),
якая з'яўлялася членам падпольнай групы М. Б. Осі-
павай, была замучана фашыстамі ў турме і расстра-
ляна. 17 красавіка 1942 г. быў смяротна парапенены
кіраўнік падпольнага руху на тэрыторыі Беларусі,
студэнт 3-га курса МЮІ В. С. Жудро (1917–1942),
20 красавіка ён памер. В. С. Жудро пасмяротна ўзна-
гароджаны ордэнам Айчыннай вайны 1-й ступені.

Студэнты і выпускнікі МЮІ з першых дзён вай-
ны актыўна змагаліся з ворагам. Сярод іх палітрук
А. Д. Азарноў (1917–1942), кіраўнік падпольнай ма-
ладзёжнай групы ў вёсцы Навінкі Слуцкага раёна
Мінскай вобласці, сувязная партызанская атрада
Н. М. Акуліч (1914–1942), член падпольнай аргані-
зацыі М. Б. Осіпавай, кіраўнік падпольнай групы
Р. М. Бромберг (1916–?), ваенны следчы ваеннай пра-
куратуры ваенна-марской базы, памочнік ваеннага
пракурора флота А. П. Вяроўкін (1921–?), удзельнік ба-
бруйскага падполля і партызанская руху С. С. Гарко-
віч (1915–1944), намеснік камандзіра партызанская
брыгады імя Г. К. Жукава П. В. Дудкоўскі (1917–1997),
палітработнік Б. З. Каган (1919–1941), партызан
яўрэйскага партызанская атрада № 106 А. Я. Ленч-
нер (1923–?), кіраўнік падпольнай камсамольскай
маладзёжнай арганізацыі ў в. Казімірава Ф. Д. Мак-
сімаў (1921–1942), ваенны следчы праクратуры
417-й стралковай дывізіі М. П. Мельнік (1919–1943),

следчы ваеннаій пракуратуры Э. З. Мінін (1920–1942), член падпольнай камсамольскай арганізацыі «Адам» і падпольнай арганізацыі М. Б. Осіпавай Г. Ц. Песнякевіч (1919–1976), партызан атрада імя М. І. Кутузава 1-й брыгады імя К. С. Заслонава А. П. Пузырны (1921–1944), член антыфашисцкай падпольнай арганізацыі ў Магілёве, партызан палка К. М. Белаусава Д. А. Рэпін (1914–1942), член падпольнай арганізацыі М. Б. Осіпавай, партызан атрада М. М. Нікіціна М. Э. Столаў (1922–1942), разведчык, радыст, старшы сяржант 6-га танкавага корпуса А. А. Тарлер (1921–2003), следчы ваеннаій пракуратуры С. Л. Прасаловіч, намеснік камандзіра партызанскага атрада «25 лет Октября» па разведцы і контрразведцы В. П. Сахараў, А. М. Фралоў (1921–1943), М. І. Эпштэйн (1917–1943), А. А. Янушкевіч (1918–1941), К. П. Ярмоленка (1945–1972), В. І. Бугаеў (1915–1943), У. Ф. Дашибкоўскі (1916–1944), М. В. Марцючэнка (1917–1943), Л. І. Мітрафанаў (1921–1941), У. І. Срэценскі (1916–1942), Б. А. Плоткін, У. З. Смарчак і інш.

Выкладчыкі МЮІ, з першых дзён вайны застаўшыся на акупіраванай тэрыторыі, змагаліся з ворагам у падпольных арганізацыях, партызанскіх атрадах, ваявалі на фронце. Сярод іх загадчык кафедры палітэканоміі МЮІ, намеснік дырэктара МЮІ, дацэнт М. Ц. Баран (1898–1972), загадчык кафедры гісторыі партыі МЮІ Г. М. Гейфман (1906–1945), выкладчык МЮІ М. К. Каржанеўскі (1904–1943), выкладчык МЮІ М. Ф. Малаковіч (1903–1943), дацэнт МЮІ П. Я. Рубінчык (1904–?) і інш.

Многія ўдзельнікі Вялікай Айчыннай вайны пасля яе заканчэння займалі высокія дзяржаўныя пасады. Так, А. Г. Бондар, выпускнік МЮІ 1935 г., з першых дзён Вялікай Айчыннай вайны з'яўляўся членам падпольнага абкама КП(б)Б і намеснікам камандзіра Мінскага партызанскага злучэння па разведцы Мінскай, Палескай і Бабруйскай абласцей. У лютым 1944 г. ён быў адкліканы з фронту і прызначаны Старшынёй Вярхоўнага Суда БССР. У 1945 г. А. Г. Бондар быў абраны сакратаром Прэзідіума Вярхоўнага Савета БССР. Па сумяшчальніцтву ў 1945–1948 гг. ён працаваў загадчыкам кафедры крымінальнага права МЮІ¹. У 1949–1967 гг. А. Г. Бондар працаваў пракурорам БССР, з 1967 па 1984 г. – Старшынёй Вярхоўнага Суда БССР. Неаднаразова ён абіраўся дэпутатам Вярхоўнага Савета СССР (1950, 1954, 1958), дэпутатам Вярхоўнага Савета БССР (1947, 1951, 1963, 1967). А. Г. Бондар узнагароджаны ордэнамі Леніна (1949), Кастрычніцкай Рэвалюцыі (1974), Чырвонага Сцяга (1943), Дружбы народаў (1978), Чырвонай Зоркі (1942), двумя ордэнамі Працоўнага Чырвонага Сцяга (1945, 1967) і шматлікімі медалямі, мае званне заслужанага юрыста БССР (1968).

Выпускнік МЮІ 1941 г. П. В. Дудкоўскі працаваў намеснікам, першым намеснікам пракурора БССР

і адначасова з'яўляўся начальнікам следчага ўпраўлення ў 1962–1964 гг. А. Я. Ленчнер пасля вайны 36 гадоў працаваў у Мінскай абласной калегіі адвакатаў. Г. Ц. Песнякевіч пасля вайны быў юрысконсультам у Белкаапсаюзе. В. П. Сахараў займаў пасаду пракурора Гродзенскай вобласці да мая 1969 г. А. А. Тарлер працаваў адвакатам Палацкай юрыдычнай кансультатыўнай.

Пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны Г. А. Церехаў (скончыў МЮІ ў 1933 г.) выконваў абавязкі Галоўнага транспартнага пракурора, працаваў начальнікам па наглядзе за следствам у органах Камітэта дзяржаўнай бяспекі Пракуратуры СССР. Ён уваходзіў у склад следчай групы пракуратуры СССР па справе Л. Берый і яго супольнікаў (1954). Г. А. Церехаву прысуджаны званні заслужанага юрыста РСФСР (1976) і ганаровага работніка пракуратуры (1982).

Яшчэ адзін выпускнік МЮІ, К. П. Ярмоленка, служыў у органах ваеннаій пракуратуры Узброеных Сіл СССР, займаў пасаду ваеннага пракурора Архангельскага гарнізона.

Пастанова СНК БССР № 594 «Аб узнаўленні дзеянасці Беларускага дзяржаўнага юрыдычнага інстытута ў г. Мінску» была прынята 20 верасня 1944 г.² 11 снежня 1944 г. ва ўстанове пачаліся заняткі. Згодна з загадамі Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР ад 7 кастрычніка 1954 г. № 1048 «О реорганизации Минскага юридическага інститута в юридический факультэт Белорусскага государственного университета» МЮІ быў пераўтвораны ў юрыдычны факультэт БДУ.

Пасля заканчэння вайны некаторыя былыя франтавікі сталі студэнтамі юрыдычнага факультэта БДУ, працягнулі навучанне ў аспірантуры або адразу сталі выкладчыкамі на факультэце. Многія з іх абаранілі кандыдацкія, доктарскія дысертатыўныя, сталі заснавальнікамі юрыдычных навуковых школ Беларусі. У гэтым кантэксце варта згадаць наступныя імёны: Я. П. Андрэеў (1924–2003), С. П. Бякешка (1923–2001), Г. А. Варабей (1934–2012), А. А. Галаўко (1925–2014), І. І. Гарэлік (1921–2008), М. М. Гапановіч (1919–1979), В. А. Дарогін (1912–1995), С. Р. Драбязка (1922–2019), А. В. Дулаў (1924–2018), К. В. Кічыгіна (1923–2002), С. В. Курылёў (1919–1968), А. Ц. Лейзераў (1922–2007), І. А. Матусевіч (1927–2000), Я. А. Мацвіенка (1925–1998), Г. А. Павецеў (1909–1971), Я. Ф. Плюта (1902–1988), В. К. Пракудовіч, В. Л. Пруднічэнка (1923–?), Л. А. Рудзіцкі (1901–1953), Я. М. Тагуноў (1925–2012), І. С. Цішкевіч (1919–2001), В. Ф. Чыгір (1924–2024), В. С. Швяцкоў (1919–1988), В. А. Шкурко (1919–1998), М. Р. Юркевіч (1928–2017), І. А. Юхно (1921–2004) [5, с. 194–204] і інш.

У 2011 г. выйшла ў свет кніга «Професора, наценыя ордена!» [6]. Выданне прысвячана ветэранам Вялікай Айчыннай вайны, прафесарам, дактарам

¹Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 1110. Воп. 1. Спр. 18.

²Там жа. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1.

навук А. А. Галаўко, С. Р. Драбязка, А. В. Дулаву, В. Ф. Чыгіру, М. Р. Юркевічу, якія ў той час яшчэ працавалі на юрыдычным факультэце БДУ і былі заснавальнікамі прававых школ у айчыннай юрыдычнай навуцы. Згаданыя навукоўцы ўваходзілі ў залаты фонд кадраў факультэта і ўніверсітэта.

Грунтоўная даследаванні сталаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці праводзіў удзельнік Вялікай Айчыннай вайны І. А. Юх. Іосіфа Аляксандравіча прызвалі ў армію ўжо ў 1939 г. Ён прыйшоў усю вайну, некалькі разоў быў паранены. І. А. Юх ўзнагароджаны ордэнамі Чырвонай Зоркі, Айчыннай вайны 1-й ступені, медалём Францыска Скарыны і іншымі медалямі.

Іосіф Аляксандравіч скончыў МЮІ ў 1949 г. Ён падрыхтаваў і ў 1963 г. упершыню на юрыдычным факультэце пачаў чытаць курс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. І. А. Юх працаваў народным суддзей, малодшым навуковым супрацоўнікам Інстытута філософіі і права Акадэміі навук БССР, намеснікам старшыні юрыдычнай камісіі пры Савеце Міністраў БССР, дацэнтам кафедры грамадзянскага і грамадзянска-працэсуальнага права, загадчыкам кафедры гісторыі дзяржавы і права, прафесарам кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, намеснікам дэкана юрыдычнага факультэта БДУ.

Іосіф Аляксандравіч быў выдатным педагогам, які любіў выкладчыцкую працу. Ён выхаваў не адно пакаленне студэнтаў. Навуковец звяртаў увагу на прычыны замоўчвання і фальсіфікацыі ў мінульм беларускай гісторыі, тлумачыў, чаму ў айчыннай гісторыка-прававой навуцы ўзніклі белыя плямы, даказваў неабходнасць актывізаціі навуковыя даследаванні па многіх пытаннях айчыннай гісторыі дзяржавы і права і г. д. І. А. Юх ўдзельнічаў у распрацоўцы праекта Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 1994 г.

Іосіф Аляксандравіч абараніў доктарскую дысертацыю «Грамадска-палітычны лад і права Беларусі ў XVI ст.» у 1980 г., у 1981 г. ён атрымаў навуковае званне прафесара. І. А. Юх з'яўляецца аўтарам звыш 200 навуковых прац. Яго шматлікімі вучэбнымі дапаможнікамі («Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі» (1992), «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» (2000, 2004) і інш.) да гэтага часу карыстаюцца студэнты ўстаноў вышэйшай адукацыі Беларусі. Асаблівая важнасць навукова-творчай дзейнасці І. А. Юх заключаецца ў тым, што яго ідэі былі і зараз з'яўляюцца падставай для правядзення далейшых даследаванняў [7, с. 260–261]. Пад кіраўніцтвам Іосіфа Аляксандравіча абаронены 2 доктарскія і 10 кандыдацкіх дысертацый. Професар заснаваў навуковую школу «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі», якой кіраваў на працягу 40 гадоў.

Побач з І. А. Юх шмат гадоў на кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права працаваў удзельнік Вялікай Айчыннай вайны С. Р. Драбязка. Сцяпан Рыгоравіч узнагароджаны ордэнам Айчыннай вайны

2-й ступені і многімі медалямі. Пасля заканчэння МЮІ ў 1949 г. ён пачаў працаваць у гэтай установе. У 1973–1974 гг. С. Р. Драбязка займаў пасаду загадчыка кафедры тэорыі дзяржавы і права, у 1974–1988 гг. – загадчыка кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права.

Сцяпан Рыгоравіч абараніў доктарскую дысертацыю «Эфектыўнасць заканадаўства ў стварэнні матэрыяльна-тэхнічнай базы грамадства» ў Ленінградскім дзяржаўным універсітэце ў 1969 г. Навуковае званне прафесара ён атрымаў у 1971 г. С. Р. Драбязка з'яўляецца аўтарам звыш 250 навуковых прац, у тым ліку 7 манаграфій, 3 падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь. У 2009 г. быў надрукаваны падручнік «Общая теория права», у стварэнні якога ўдзельнічаў Сцяпан Рыгоравіч. Ён падрыхтаваў 1 доктара і 6 кандыдатаў юрыдычных навук. С. Р. Драбязка з'яўляецца заслужаным юрыстам Рэспублікі Беларусь. У 1972 г. прафесар заснаваў навуковую школу «Концептуально-теоретические закономерности развития и функционирования государства и права, правовое законодательство и закономерности его совершенствования» і кіраваў ёй у 1972–1989 гг., а таксама ў 2008–2019 гг.

У працах С. Р. Драбязкі надавалася шмат увагі удасканаленню дзяржаўнага апарата і права, забесьпячэнню суверэнітэту Рэспублікі Беларусь і іншым тэмам. Сцяпан Рыгоравіч удзельнічаў у распрацоўцы праектаў Канстытуцыі СССР 1977 г., Канстытуцыі БССР 1978 г., Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 1994 г., з'яўляўся старшынёй Дзяржаўнага экспртнага савета па сацыяльна-еканамічных праблемах і праблемах развіцця дзяржаўнасці Рэспублікі Беларусь, членам Цэнтральнай камісіі па выбарах і правядзенні рэспубліканскіх рэферэндумаў.

Удзельнік Вялікай Айчыннай вайны В. А. Дарогін узнагароджаны ордэнамі і медалямі. У 1933 г. ён скончыў Ленінградскі юрыдычны інстытут. У 1947–1954 гг. Васіль Аляксандравіч працаваў намеснікам дырэктара МЮІ па навуковай і вучэбнай работе, у 1954–1972 гг. – загадчыкам кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта БДУ, у 1959–1964 гг. – дэканам юрыдычнага факультэта БДУ. В. А. Дарогін – аўтар звыш 50 навуковых прац.

Значны ўнёсак у развіццё навукі канстытуцыйнага і адміністрацыйнага права зрабілі удзельнікі Вялікай Айчыннай вайны А. А. Галаўко, А. Ц. Лейзераў, Я. М. Тагуноў і Г. А. Варабей. Яны закладалі асновы навуковай школы канстытуцыйнага права, праводзілі навуковыя даследаванні канстытуцыйнага, адміністрацыйнага, фінансавага заканадаўства Беларусі, сістэмы дзяржаўнай улады, мясцовага кіравання і самакіравання, узаемаадносін дзяржавы і асобы, прававога статусу грамадзяніна і інш. Іх навуковыя ідэі выкарыстоўваліся пры падрыхтоўцы важнейшых нарматыўных прававых актаў, у тым ліку канстытуцый і кодэксаў.

А. А. Галаўко ўзнагароджаны трывалымі ордэнамі, у тым ліку ордэнам за вызваленне Мінска ад нямецка-фашистскіх захопнікаў, ордэнам Чырвонай Зоркі, медалямі, Ганаровай граматай Вярхоўнага Савета БССР. Ён прымаў удзел у Парадзе Перамогі ў Маскве 24 чэрвеня 1945 г. Анатоль Аляксандравіч скончыў Харкаўскі юрыдычны інстытут у 1950 г. У 1954–1959 гг. ён працаваў старшим навуковым супрацоўнікам Інстытута філософіі і права Акадэміі навук БССР, у 1959–1965 гг. – дацэнтам кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, у 1965–1990 гг. – загадчыкам кафедры дзяржаўнага права і савецкага будаўніцтва, у 1990–2012 гг. – прафесарам кафедры канстытуцыйнага права юрыдычнага факультэта БДУ [6]. У 1973 г. А. А. Галаўко абараніў доктарскую дысертацию «Арганізацыйна-прававыя праблемы ў дзейнасці Саветаў па кіраўніцтву калгасным будаўніцтвам». Навуковае званне прафесара ён атрымаў у 1974 г. Анатоль Аляксандравіч падрыхтаваў 35 кандыдатаў юрыдычных навук (9 з іх з'яўляюцца грамадзянамі замежных краін) і 8 дактароў юрыдычных навук. А. А. Галаўко – аўтар каля 400 навуковых прац, многія з якіх з'яўляюцца дастаткова вядомымі (манаграфіі «Человек, личность, гражданин» (1982), «Теоретические основы демократии» (2003) і інш.). З яго ўдзелам былі выдадзены падручнікі «Советское строительство» (1979), «Административное право Республики Беларусь» (1997) і інш. Анатоль Аляксандравіч быў членам двух спецыялізаваных саветаў па абароне дысертаций, узначальваў Навукова-кансультатыўны савет пры Канстытуцыйным Судзе Рэспублікі Беларусь, прымаў удзел у рабочых групах па падрыхтоўцы праектаў Канстытуцыі СССР 1977 г., Канстытуцыі БССР 1978 г., Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 1994 г. А. А. Галаўко – заслужаны юрист Рэспублікі Беларусь.

Удзельнік Вялікай Айчыннай вайны А. Ц. Лейзераў узнагароджаны ордэнам Айчыннай вайны 2-й ступені, двумя ордэнамі Чырвонай Зоркі, медалямі. У 1963–1977 гг. ён займаў пасаду дацэнта, у 1988–2005 гг. – прафесара кафедры канстытуцыйнага права юрыдычнага факультэта БДУ. А. Ц. Лейзераў з'яўляўся членам Камісіі па распрацоўцы праекта Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 1994 г. (1993–1994 гг.), членам Навукова-кансультатыўнага савета пры Канстытуцыйным Судзе Рэспублікі Беларусь. Аркадзь Цевелевіч абараніў доктарскую дысертацию «Тэарэтычныя праблемы ўдасканалення дэмакратычных пачаткаў у фарміраванні і дзейнасці мясцовых Саветаў дэпутатаў (сацыяльна-прававы аспект)» у Маскоўскім дзяржаўным універсітэце ў 1988 г. Навуковае званне прафесара ён атрымаў у 1990 г. А. Ц. Лейзераў з'яўляецца аўтарам каля 300 навуковых прац.

Удзельнік вялікай Айчыннай вайны Я. М. Тагуноў узнагароджаны ордэнамі Чырвонай Зоркі і Айчыннай вайны 2-й ступені, медалямі. У 1966–1997 гг. ён займаў пасаду дацэнта кафедры дзяржаўнага пра-

ва і савецкага будаўніцтва, кафедры канстытуцыйнага права юрыдычнага факультэта БДУ. У 1953 г. Я. М. Тагуноў абараніў кандыдацкую дысертацию «Пракурорскі нагляд за захаваннем сацыялістычнай законнасці ў дзейнасці мясцовых Саветаў дэпутатаў працоўных» у Маскоўскім юрыдычным інстытуце. Ён з'яўляецца аўтарам 80 навуковых прац.

Доўгі час на кафедры канстытуцыйнага права працаваў Г. А. Варабей, якому ў 1941 г., калі пачалася Вялікая Айчынная вайна, не споўнілася яшчэ і 7 гадоў. У 1944–1945 гг. ён быў сынам палка, выхаванцам музычнага ўзвода 51-га стралковага запаснога палка. У 1965 г. Г. А. Варабей скончыў юрыдычны факультэт БДУ. У 1971–1988 гг. ён працаваў дацэнтам, намеснікам дэкана юрыдычнага факультэта БДУ, у 1997–2004 гг. – суддзёй Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. Георгію Аляксандравічу прысвоены вышэйшыя кваліфікацыйныя класы суддзі і званне заслужанага юриста Рэспублікі Беларусь. У 1979 г. ён абараніў кандыдацкую дысертацию «Кантрольныя функцыі Прэзідыта Вярхоўнага Савета саюзной рэспублікі». Г. А. Варабей з'яўляецца аўтарам звыш 100 навуковых работ.

Неацэнны ўнёсак у развіццё навукі грамадзянскага права зрабіў удзельнік Вялікай Айчыннай вайны В. Ф. Чыгір. Ён узнагароджаны ордэнамі Айчыннай вайны 2-й ступені (1972), 1-й ступені (1985) і шматлікімі медалямі. Васіль Фёдаравіч у 1949 г. скончыў МЮІ, у 1952 г. – аспірантуру інстытута. У 1970 г. у БДУ ён абараніў доктарскую дысертацию «Жыллёвія права-адносіны» у 1973 г. атрымаў навуковае званне прафесара. У 1971–1993 гг. В. Ф. Чыгір працаваў загадчыкам кафедры грамадзянскага і сямейнага (з 1991 г. грамадзянскага) права, у 1973–1983 гг. – дэканам юрыдычнага факультэта БДУ, у 1993–2018 гг. – прафесарам кафедры грамадзянскага права юрыдычнага факультэта БДУ [7, с. 244–245]. В. Ф. Чыгір – аўтар звыш 550 навуковых прац, у тым ліку 20 манаграфій, сярод якіх «Прыватизация жилья» (1993), «Юридические лица» (1994), «Кредиты и субсидии на приобретение и оплату жилья» (1996), «Физические и юридические лица как субъекты гражданского права» (2000), «Договор аренды жилого помещения» (2001), «Сроки. Исковая давность» (2005), «Сделки в гражданском праве» (2006), «Юридические лица (коммерческие и некоммерческие организации) Республики Беларусь» (2012) і інш. Яго публікацыі ахопліваюць практычна ўсю праблематыку грамадзянскага права: прававое становішча суб'ектаў грамадзянскага права, здзелкі, іскавую даўнасць, рэчавае права, дагаворнае права, жыллёвае права, права інтэлектуальнай уласнасці і інш. Пад кіраўніцтвам ці з удзелам Васіля Фёдаравіча падрыхтаваны і апублікаваны вядомыя падручнікі і вучэбныя дапаможнікі для студэнтаў па грамадзянскім, сямейным і жыллёвым праве. Професар В. Ф. Чыгір з'яўляўся кіраўніком аўтарскага калектыву, аўтарам многіх глаў і адказным рэдактарам

першага ў Беларусі навучальнага дапаможніка «Гражданское право» ў 3 тамах (1975, 1977, 1978), першага падручніка «Гражданское право» ў 2 частках (2000, 2002), падручніка «Гражданское право» ў 3 тамах (2008, 2010, 2011), многіх каментарыяў да Грамадзянскага кодэкса Рэспублікі Беларусь.

Васіль Фёдаравіч быў членам рабочай групы па падрыхтоўцы Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 1994 г., рабочай групы па падрыхтоўцы праекта Грамадзянскага кодэкса БССР 1964 г., Жыллёвага кодэкса БССР 1983 г., рабочай групы па падрыхтоўцы Мадэльнага грамадзянскага кодэкса (рэкамендацыйнага заканадаўчага акта для краін СНД) і праекта Грамадзянскага кодэкса Рэспублікі Беларусь 1998 г. У 1994–1998 гг. ён з'яўляўся старшынёй экспернага савета па юрыдычных навуках Вышэйшай атэсцатынай камісіі Рэспублікі Беларусь. Шмат гадоў В. Ф. Чыгір узначальваў савет па абароне доктарскіх дысертаций па юрыдычных навуках пры БДУ. Васіль Фёдаравіч заснаваў навуковую школу прыватнага права, падрыхтаваў 1 доктара і больш за 20 кандыдатаў юрыдычных навук. У 1971 г. В. Ф. Чыгіру было прысвоена званне заслужанага юрыста БССР.

Удзельнік Вялікай Айчыннай вайны Я. П. Андрэеў узнагароджаны двумя ордэнамі і медалямі. У 1958 г. ён скончыў юрыдычны факультэт БДУ. У 1995–2000 гг. Яўгеній Пятровіч працаваў дацэнтам кафедры грамадзянскага права юрыдычнага факультэта БДУ. У 1972 г. ён абараніў кандыдацкую дысертацию «Праваздольнасць і дзеяздольнасць непаўнагодзяшніх па савецкім грамадзянскім праве».

Вялікі ўнёсак у станаўленне і развіццё навукі грамадзянскага працэсуальнага права Беларусі зрабілі ўдзельнікі Вялікай Айчыннай вайны, дактары юрыдычных навук, прафесары С. В. Курылёў і М. Р. Юркевіч. С. В. Курылёў узнагароджаны ордэнам Чырвонай Зоркі і чатырма медалямі, у тым ліку двумя медалямі «За адвагу». Ён з'яўляўся даследаваннем пытанняў тэорыі даказвання і ўстанаўлення ісціны ў савецкім правасуддзі, доказаў у грамадзянскім працэсе і інш. Сяргей Васільевіч з'яўляецца аўтарам звыш 30 навуковых прац. Ён прымаў удзел у работе па кадыфікацыі заканадаўства БССР у 1960-я гг., працаваў у складзе рабочай групы па падрыхтоўцы Грамадзянска-працэсуальнага кодэкса БССР 1964 г. С. В. Курылёў з'яўляўся членам Грамадскага савета па прававых пытаннях пры Прэзідыуме Вярхоўнага Савета БССР, членам Навукова-метадычнага савета Вярхоўнага Суда БССР.

Ордэнамі Чырвонага Сцяга (1943) і Вялікай Айчыннай вайны 2-й ступені (1985), юбілейнымі медалямі ўзнагароджаны М. Р. Юркевіч. Скончыўшы МЮІ ў 1950 г., ён амаль усё жыццё працаваў на юрыдычным факультэце БДУ: у 1974–1978 гг. і у 1981–1994 гг. быў загадчыкам кафедры грамадзянскага працэсу і працоўнага права юрыдычнага факультэта БДУ, у 1994–2016 гг. – прафесарам гэтай кафедры. У 1967 г.

у Маскоўскім дзяржаўным універсітэце ён абараніў доктарскую дысертацию «Шлюб і яго прававое регуляванне ў СССР (па матэрыялах Беларускай ССР)». Навуковае званне прафесара Мікалай Рыгоравіч атрымаў у 1970 г. Ён з'яўляецца аўтарам звыш 200 навуковых прац, у тым ліку 7 аднаасобных і 10 калектыўных манаграфій. Пад яго навуковым кірауніцтвам былі падрыхтаваны больш за 20 кандыдатаў юрыдычных навук.

У перыяд 1994–2005 гг. М. Р. Юркевіч узначальваў Міжнародны арбітражны суд пры Беларускай гандлёва-прамысловай палаце. Мікалай Рыгоравіч быў галоўным рэдактарам створанага ім часопіса «Прамысловая-гандлёвае права», уваходзіў у групу па распрацоўцы праекта Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 1994 г. Пад яго кірауніцтвам падрыхтаваны першапачатковы тэкст праекта Грамадзянска-працэсуальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь 1998 г. і праекта Закона Рэспублікі Беларусь ад 9 ліпеня 1999 г. № 279-З «Аб міжнародным арбітражным (трацейскім) судзе». М. Р. Юркевіч быў членам спецыялізаванага Савета НАН Беларусі. У 1996 г. яму было прысвоена званне заслужанага юрыста Рэспублікі Беларусь, у 2004 г. – ганаровага работніка юстыцыі, у 2005 г. – ганаровага работніка гаспадарчага суда. Стварэнне навуковай школы грамадзянскага працэсуальнага права звязана з імем доктара юрыдычных навук, прафесара С. В. Курылёва, а яе станаўленне – з імем доктара юрыдычных навук, прафесара М. Р. Юркевіча.

Удзельнік Вялікай Айчыннай вайны Г. А. Павецьеў за венныя заслугі ўзнагароджаны ордэнамі Чырвонай Зоркі, Айчыннай вайны 1-й ступені, медалямі «За абарону Ленінграда» і «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.». У 1948 г. у Акадэміі грамадскіх навук пры ЦК УКП(б) ён абараніў кандыдацкую дысертацию «Прававое регуляванне падрыхтоўкі кваліфікаваных рабочых кадраў для сацыялістычнай прамысловасці». У 1945–1946 гг. і 1948–1954 гг. Г. А. Павецьеў з'яўляўся пасаду дырэктара МЮІ, у 1954–1962 гг. – прадзектара БДУ па навуковай работе, у 1950–1971 гг. – загадчыка кафедры грамадзянскага права і працэсу юрыдычнага факультэта БДУ. Гаўрыл Аляксеевіч быў членам урадавай камісіі па кадыфікацыі заканадаўства, Навукова-метадычнага савета пры Вярхоўным Судзе БССР і Метадычнага савета пры Пракуратуре БССР, Рэспубліканскага камітэта прафсаюза работнікаў школ, ВНУ і навуковых устаноў, рэктарам Грамадскага ўніверсітэта прававых ведаў. Пад яго навуковым кірауніцтвам абаронены шэраг кандыдацкіх дысертаций. Г. А. Павецьеў з'яўляецца аўтарам звыш 25 навуковых прац.

Ля вытокай навуковай школы крымінальнага права стаялі ўдзельнікі Вялікай Айчыннай вайны І. І. Гарэлік, І. С. Цішкевіч, В. А. Шкурко. І. І. Гарэлік быў узнагароджаны ордэнам Айчыннай вайны 2-й ступені і медалямі. У 1944 г. ён скончыў Ленінградскі

юрыдычны інстытут, у 1947 г. – аспірантуру гэтай установы. У 1947–1992 гг. працаваў на кафедры крымінальнага права МЮІ, юрыдычнага факультета БДУ (спачатку дацэнтам, пазней прафесарам). У 1965 г. у Ленінградскім дзяржаўным універсітэце Іосіф Ісакавіч абараніў доктарскую дысертацию «Злачынствы, небяспечны для жыцця і здароўя (пастаўленне ў небяспеку і пакіданне ў небяспечы)». Навуковае званне прафесара ён атрымаў у 1966 г. І. І. Гарэлік падрыхтаваў 3 кандыдатаў юрыдычных навук. Ён з'яўляецца аўтарам звыш 80 навуковых прац, у тым ліку «Квалифікация преступлений, опасных для жизни и здоровья» (1973), «Применение уголовного законодательства о судебной практике БССР» (1982), аўтарам і рэдактарам першага тома двухтомнага падручніка «Уголовное право БССР» (1978). Працяглы час Іосіф Ісакавіч быў членам Навукова-кансультатыўнага Савета пры Вярхоўным Судзе БССР, удзельнічаў у падрыхтоўцы праекта Крымінальнага кодэкса БССР 1960 г. Акрамя таго, ён зрабіў унёсак у распрацоўку Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь 1999 г.

Удзельнік Вялікай айчыннай вайны І. С. Цішкевіч у 1948 г. скончыў МЮІ, у 1951 г. – аспірантуру інстытута, пасля таго прайшоў усе этапы выкладчыцкай кар'еры. У 1965–1988 гг. ён працаваў загадчыкам кафедры крымінальнага права юрыдычнага факультета БДУ, некалькі гадоў выконваў абавязкі дэкана юрыдычнага факультета БДУ. У 1969 г. у БДУ Іван Станіслававіч абараніў доктарскую дысертацию «Абарона ад грамадска небяспечнага замаху і меры па затрыманні злачынца». Навуковае званне прафесара ён атрымаў у 1971 г. І. С. Цішкевіч падрыхтаваў 6 кандыдатаў юрыдычных навук [7, с. 238–239]. Ён з'яўляецца аўтарам звыш 120 навуковых прац, у тым ліку «Приготовление и покушение по советскому уголовному праву» (1958), «Условия и пределы необходимой обороны» (1969), «Квалификация хищения имущества» (1996) і інш. Іван Станіслававіч удзельнічаў у выданні вучэбных дапаможнікаў па крымінальным праве (1997), падрыхтоўцы праекта Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь 1999 г. Шмат гадоў ён з'яўляўся членам Навукова-кансультатыўнага Савета пры Вярхоўным Судзе БССР. І. С. Цішкевічу прысвоена званне заслужанага юрыста БССР.

Удзельнік Вялікай Айчыннай вайны В. А. Шкурко ўзнагароджаны ордэнам Айчыннай вайны 1-й ступені, некалькімі медалямі. З 1962 г. ён працаваў дацэнтам кафедры крымінальнага права і працэсу юрыдычнага факультета БДУ. У 1965–1972 гг. Васіль Адамавіч займаў пасаду дэкана юрыдычнага факультета БДУ. У наступныя гады працаваў дацэнтам, прафесарам кафедры крымінальнага права юрыдычнага факультета БДУ. У 1953 г. у Ленінградскім дзяржаўным універсітэце ён абараніў кандыдатскую дысертацию «Барацьба са службовай нядбайнасцю па савецкім крымінальным праве».

В. А. Шкурко падрыхтаваў 3 кандыдатаў юрыдычных навук. Васіль Адамавіч – аўтар звыш 60 навуковых прац, у тым ліку 7 манаграфій, 12 падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў, аўтар некалькіх выданняў на навукова-практычных каментарыяў да Крымінальнага кодэкса БССР 1960 г. [7, с. 249–250].

Удзельнік Вялікай Айчыннай вайны В. С. Швяцоў узнагароджаны ордэнам Айчыннай вайны 2-й ступені, двумя ордэнамі Чырвонай Зоркі, медалямі. У 1967 г. абараніў кандыдатскую дысертацию па прамлемах прававога рэгулявання пакарання ў выглядзе накіравання ў дысцыплінарны батальён. З 1972 г. В. С. Швяцоў працаваў дацэнтам кафедры крымінальнага права юрыдычнага факультета БДУ [7, с. 249].

Значны ўнёсак у развіццё навукі крымінальнага права зрабіла ўдзельніца Вялікай Айчыннай вайны К. В. Кічыгіна. Яна ўзнагароджана ордэнам Айчыннай вайны 2-й ступені і медалямі. Кацярына Васільеўна ў 1949 г. скончыла юрыдычны інстытут у Свярдлоўску, у 1961 г. – аспірантуру Інстытута дзяржавы і права Акадэміі навук БССР. Там жа ў 1961 г. яна абараніла кандыдатскую дысертацию «Крымінальная адказнасць за парушэнне правіл бяспекі руху і эксплуатацыі аўтамотранспарту або гарадскога электратранспорту». У 1961–1993 гг. Кацярына Васільеўна працавала дацэнтам на кафедры крымінальнага права юрыдычнага факультета БДУ. К. В. Кічыгіна – аўтар звыш 30 навуковых прац [7, с. 171–172].

На кафедры крымінальнага права МЮІ працаваў выпускнік факультета права і гаспадаркі БДУ 1929 г., інвалід Вялікай Айчыннай вайны В. К. Пракудовіч, які займаў высокі дзяржаўны пасады: намесніка Прокурора БССР, Народнага камісара юстыцыі БССР, Міністра юстыцыі Рэспублікі Беларусь. Ён зрабіў значны ўнёсак у развіццё навукі крымінальнага права.

Старшым выкладчыкам кафедры крымінальнага права юрыдычнага факультета БДУ працавала В. Л. Пруднічэнка, партызанка атрада імя П. Е. Казанакова.

На развіццё навукі крымінальнага працэсу значна паўплывалі ветэраны Вялікай Айчыннай вайны С. П. Бякешка, М. М. Гапановіч, Я. А. Мацвіенка, Я. Ф. Плюта. С. П. Бякешка ў 1950 г. скончыў МЮІ. У 1955 г. у Маскоўскім дзяржаўным універсітэце ён абараніў кандыдатскую дысертацию «Абарона ў стадіі судовага разбріальніцтва ў савецкім крымінальным працэсе». Доўгі час С. П. Бякешка працаваў дацэнтам кафедры крымінальнага працэсу і працурорскага нагляду юрыдычнага факультета БДУ, у 1969–1974 гг. займаў пасаду загадчыка кафедры крымінальнага працэсу, намесніка дэкана юрыдычнага факультета БДУ.

Удзельнік Вялікай Айчыннай вайны М. М. Гапановіч адзначаны б дзяржаўнымі ўзнагародамі СССР. У 1949 г. ён скончыў МЮІ, у 1960 г. – аспірантуру

Інстытута дзяржавы і права Акадэміі навук БССР, абараніў кандыдацкую дысертацию па крымінальным працэсе. З 1964 г. Мікалай Мікалаевіч працаваў дацэнтам кафедры крымінальнага працэсу і крыміналістыкі (у 1972–1979 гг. кафедры крыміналістыкі) юрыдычнага факультета БДУ. Ён з'яўляеца аўтарам шэрагу навуковых прац, у тым ліку 4 манаграфій і 2 вучэбных дапаможнікаў. Без адрыву ад вучэбнага працэсу падрыхтаваў доктарскую дысертацию «Выкарыстанне ў крымінальным судаводстве апазнавальны здольнасці чалавека», аднак трагічная смерць не дазволіла таленавітаму вучонаму і педагогу абараніць яе.

Яшчэ адзін таленавіты вучоны – Я. А. Мацвіенка – у 1951–1954 гг. працаваў выкладчыкам МЮІ, у 1954–1988 гг. – дацэнтам, загадчыкам кафедры крымінальнага працэсу і пракурорскага нагляду юрыдычнага факультета БДУ. У 1951 г. у Інстытуце права Акадэміі навук СССР ён абараніў кандыдацкую дысертацию «Судовае следства ў крымінальным працэсе». У 1953 Яўгеній Аляксандравіч атрымаў вучоне званне дацэнта, у 1978 г. – вучонае званне прафесара. Ён з'яўляеца аўтарам 60 навуковых прац.

Узнагароджаны двумя ордэнамі Чырвонай Зоркі і Айчыннай вайны, дванаццацю медалямі Я. Ф. Плюта ў 1937 г. скончыў Харкаўскі юрыдычны інстытут. У 1960–1985 гг. ён працаваў выкладчыкам, дацэнтам кафедры крымінальнага працэсу юрыдычнага факультета БДУ.

Неацэнны ўнёсак у развіццё крыміналістыкі Беларусі зрабіў удзельнік Вялікай Айчыннай вайны А. В. Дулаў, які быў узнагароджаны ордэнамі Айчыннай вайны 1-й і 2-й ступеняў, медалямі СССР. У 1951 г. ён скончыў юрыдычны факультэт Ленінградскага дзяржаўнага ўніверсітэта. У 1958–2017 гг. Андрэй

Васільевіч працаваў дацэнтам, прафесарам кафедры крыміналістыкі юрыдычнага факультета БДУ, а ў 1972–1990 г. – загадчыкам гэтай кафедры. А. В. Дулаў займаўся шматлікімі праблемнымі аспектамі крыміналістыкі, у тым ліку тэарэтычнымі пытаннямі судовай экспертызы, папярэдняга следства, судовай пісіхалогіі, судовай этикі і інш. Ён з'яўляеца аўтарам каля 600 навуковых прац, у тым ліку кніг «Судебная пісіхалогія» (1970, 1975), «Псіхологіческій анализ на предварительном следствіи» (1973), «Тактыческіе операции при расследаваніи преступлений» (1979), якія выкарыстоўваліся ва ўсіх юрыдычных установах вышэйшай адукацыі СССР. У 2005 г. была надрукавана манаграфія «Основы формирования теории криминалистического доказывания», якую А. В. Дулаў напісаў сумесна з А. С. Рубісам. Андрэй Васільевіч падрыхтаваў звыш 50 кандыдатаў і дактароў юрыдычных навук. Навуковец узнагароджаны ганаровымі граматамі Вярховнага Савета БССР. Ён з'яўляеца лаўрэатам прэміі імя У. І. Пічэты, мае званне заслужанага дзеяча навукі Рэспублікі Беларусь.

На кафедры крыміналістыкі доўгі час працавала і спрыяла яе развіццю І. А. Матусевіч, якая за ўдзел у Вялікай Айчыннай вайне была ўзнагароджана медалямі. У гады вайны яна з'яўлялася сувязной партызанскаага атрада «Беларусь». У 1950 г. Ірына Антонаўна скончыла МЮІ, у 1963–1995 гг. працавала выкладчыкам, старшым выкладчыкам, дацэнтам кафедры крымінальнага працэсу і крыміналістыкі юрыдычнага факультета БДУ (з 1972 г. кафедры крыміналістыкі). У 1968 г. яна абараніла кандыдацкую дысертацию «Вывучэнне асобы абвінавачваемага ў працэсе папярэдняга расследавання злачынстваў». І. А. Матусевіч – аўтар каля 30 навуковых прац.

Заключэнне

Студэнты, выпускнікі, выкладчыкі МЮІ з першых дзён Вялікай Айчыннай вайны сталі актыўнымі ўдзельнікамі баявых дзеянняў і партызанскаага руху. Сваімі дзеяннямі яны набліжалі перамогу, якая стала магчымай толькі дзякуючы подзвігу ўсяго шматнацыянальнага савецкага народа. Мы павінны захоўваць памяць пра яго! Павінны выхоўваць моладзь, студэнтаў юрыдычнага факультета БДУ на прыкладах подзвіга студэнтаў, выпускнікоў, выкладчыкаў МЮІ, многія з якіх пасля заканчэння вайны сталі знамітымі навукоўцамі, займалі высокія дзяржаўныя пасады, чым аказалі істотны ўплыў на станаўленне і развіццё беларускай дзяржаўнасці ў пасляваенны перыяд, а таксама юрыдычнай навукі і адукацыі Беларусі.

Заснавальнікамі юрыдычных навуковых школ сталі І. А. Юх, С. Р. Драбязка, А. А. Галаўко, А. Ц. Лейзераў, Я. М. Тагуноў і Г. А. Варабей, В. Ф. Чыгір, С. В. Курылёў, М. Р. Юркевіч, І. І. Гарэлік, І. С. Цішкевіч, В. А. Шкурко, А. В. Дулаў і інш.

Усе яны з'яўляліся членамі саветаў па абароне дысертаций, былі экспертамі і апанентамі на абаронах дысертаций, актыўна займаліся падрыхтоўкай маладых вучоных-юрыстаў. Пры іх навуковымі кансультаванні і кіраўніцтве былі абаронены шматлікія кандыдацкія і доктарскія дысертациі.

Удзельнікі Вялікай Айчыннай вайны зрабілі вялікі ўнёсак не толькі ў юрыдычную навуку і адукацыю, але і ў правапрымяняльную практыку, у тым ліку ў працэсі кадыфікацыі заканадаўства ў 1960-я гг. і 1990-я гг., ва ўдасканаленне дзейнасці дзяржаўнага апарату, распрацоўку новых форм і сродкаў забеспячэння заканнасці як неабходнай умовы фарміравання праваў дзяржавы і грамадзянскай супольнасці.

Подзвіг студэнтаў, выпускнікоў, выкладчыкаў МЮІ, іх навуковая і дзяржаўная дзейнасць у пасляваенны перыяд з'яўляюцца прыкладам для наступных пакаленняў юрыстаў. Памяць пра гэтых асоб ушанавана ў музеі юрыдычнага факультета БДУ, у іх гонар рэгулярна праводзяцца міжнародныя навукова-

практычныя канферэнцыі. Так, адбыліся канферэнцыі, прысвечаныя юбілейным датам або памяці прафесараў С. Р. Драбязкі, А. В. Дулава, В. Ф. Чыгіра, С. В. Курылёва, І. С. Цішкевіча, М. Р. Юркевіча, І. А. Юхі. Апошняя з іх, прысвечаная 100-годдзю з дня нараджэння доктара юрыдычных навук, прафесара, заслужанага юрыста БССР В. Ф. Чыгіра адбылася ў верасні 2024 г., яшчэ пры жыцці прафесара.

У рамках праекта «Наследие права» выдадзены навуковыя працы прафесараў А. А. Галаўко [8], І. І. Га-

рэліка [9], С. Р. Драбязкі [10], А. В. Дулава [11], С. В. Курылёва [12], І. С. Цішкевіча [13], В. Ф. Чыгіра [14], М. Р. Юркевіча [15].

У далейшым у парадку пераемнасці для развіцця юрыдычнай навукі і адукацыі Беларусі, беларускай дзяржаўнасці калектыў юрыдычнага факультэта БДУ будзе абапірацца на навуковыя ідэі, традыцыі, якія заклалі ўдзельнікі Вялікай Айчыннай вайны, дактары і кандыдаты юрыдычных навук, прафесары, дацэнты.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Максимова ЛП. *Огненный выпуск. Факты. Документы*. Минск: Издательский центр БГУ; 2010. 159 с.
2. Максимова ЛП. *Юридический факультет Белорусского государственного университета: история и современность*. Минск: БГУ; 1998. 224 с.
3. Шыдлоўскі АВ, Доўнар ТІ, Голубева ЛЛ, Міхалёва ТМ, Пухаў АА. *Юрыдычны факультэт: высокая запатрабаванасць дзяржавай і грамадствам. У: Кароль АД, рэдактар. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт: нарысы гісторыі і сучасны стан*. Мінск: БДУ; 2021. с. 57–74.
4. Максимова ЛП. *Alma mater юристов Беларуси: история и современность юридического факультета Белорусского государственного университета*. Минск: Право и экономика; 2001. 171 с.
5. Балащенко СА, Васілевіч ГА, Довнар ТІ. *Історыя становлення і развітія прававой науки і юридических научных школ Беларусі. В: Абламейко СВ, Злененкова АІ, рэдакторы. Научные школы БГУ в воспоминаниях и размышлених профессоров*. Минск: БГУ; 2023. с. 185–204.
6. Величко В. *Професора, наденьте ордена!* Минск: БГУ; 2011. 43 с.
7. Балащенка СА, рэдактар. *Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны*. Мінск: БДУ; 2015. 263 с.
8. Головко АА. *Избранные труды*. Минск: ЮрСпектр; 2018. 496 с. (Наследие права).
9. Горелик ИИ. *Избранные труды*. Минск: ЮрСпектр; 2021. 480 с. (Наследие права).
10. Дробязко СГ. *Избранные труды*. Минск: ЮрСпектр; 2022. 656 с. (Наследие права).
11. Дулов АВ. *Избранные труды*. Минск: ЮрСпектр; 2024. 520 с. (Наследие права).
12. Курылев СВ. *Избранные труды*. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право»; 2012. 607 с. (Наследие права).
13. Тышкевич ИС. *Избранные труды*. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право»; 2014. 484 с. (Наследие права).
14. Чигір ВФ. *Избранные труды*. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право»; 2014. 560 с. (Наследие права).
15. Юркевіч НГ. *Избранные труды*. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право»; 2015. 592 с. (Наследие права).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 31.07.2025.
Received by editorial board 31.07.2025.

Конституционное право и административное право

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК 342.92

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТРАСЛЕВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

A. V. КАРАМЫШЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. В контексте законодательства Республики Беларусь и иных государств рассмотрены теоретико-прикладные вопросы административного процесса и административного процессуального права. Определена их интегративная функция, методологическая связь с судопроизводством по административным (публичным) спорам. Охарактеризованы недостатки линейной диверсифицированной платформы административных процедур и производств. Обозначены ключевые параметры систематизации административного процесса в виде отраслевой субсидиарной модели общей административной процедуры и специальных административных процедур на началах процессуальной консолидации.

Ключевые слова: административный процесс; административная процедура; административное процессуальное право; административное решение; ненормативный правовой акт; методологическое обеспечение; консолидация.

Образец цитирования:
Карамышев АВ. Административный процесс: методологические аспекты отраслевой идентификации. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;2:16–25.
EDN: OWPHRW

For citation:
Karamyshev AV. Administrative process: methodological aspects of legal identification. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;2:16–25. Russian.
EDN: OWPHRW

Автор:
Александр Владимирович Карамышев – кандидат юридических наук; доцент кафедры государственного управления юридического факультета.

Author:
Aliaksandr V. Karamyshev, PhD (law); associate professor at the department of state administration, faculty of law.
karamyshev-1963@mail.ru

ADMINISTRATIVE PROCESS: METHODOLOGICAL ASPECTS OF LEGAL IDENTIFICATION

A. V. KARAMYSHEV^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines theoretical and applied issues of administrative process and administrative procedural law in the context of the legislation of the Republic of Belarus and other countries. Their integrative function, including the methodological connection with legal proceedings on administrative (public) disputes is defined. The shortcomings of the linear diversified platform of administrative procedures and proceedings are characterised. The key parameters of systematisation of the administrative process in the form of a sectoral subsidiary model of general and special administrative procedures on the basis of procedural consolidation are designated.

Keywords: administrative process; administrative procedure; administrative procedural law; administrative decision; non-normative legal act; methodological support; consolidation.

Введение

Теоретико-методологическое и нормативное обеспечение процессуальной основы административного права в их системной связи формируют исключительно важный фактор современного государственного (публичного) управления, административного правоприменения. В постсоветских республиках он стал без преувеличения ключевым звеном административной реформы, что выразилось в принятии в начале 2000-х гг. законов об административной процедуре (административном производстве), административно-процессуальных кодексов, общих административных кодексов. В Республике Беларусь этот трансформационный цикл начался с введением в действие Закона Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур» (далее – Закон об основах административных процедур). Главное внимание при этом было сконцентрировано на модернизации, структурировании масштабного административно-функционального (в общепринятом понимании публично-сервисного) блока. Как результат, в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 (далее – Концепция правовой политики), констатирована достигнутая необходимая степень нормативной и практической «консолидации административных процедур».

С получением этого важного результата системное решение фундаментальных и операционных вопросов процедурно-процессуального обеспече-

ния административной сферы не ограничивается. Научная разработанность и востребованность отечественных норм процессуального права в целом и административно-процессуальных норм в частности в правовом государстве относится к числу важных актуальных показателей цивилизованного развития демократических институтов гражданского общества [1, с. 168]. Актуальным остается тезис о том, что управленический процесс не получил в законодательстве Республики Беларусь необходимого системного регулирования. Это обстоятельство затрудняет уяснение его характеристик и выделение *типовидов*^{1*} процессуальных действий, совершаемых органами государственного управления [2, с. 5].

Главный вектор, как представляется, здесь задает проблематика выстраивания интегрированной, «сквозной» правовой платформы, определяющей стадийную интерактивную динамику подготовки и принятия индивидуального административно-правового акта, а также последующей его проверки. В этом контексте важную методологическую составляющую образуют вопросы унификации и специализации административных процедур (производств), субсидиарного взаимодействия общей и специальной административных процедур на уровне принципов и юридических конструкций. Не менее важно определение элементов, связующих административную процедуру и судебное производство по делам, которые возникают из административных и иных публичных правоотношений.

Основная часть

Как и любая отрасль права, административное право имеет процессуальную компоненту. Реально административно-правовые отношения всегда воспринимаются только как процессуальные [3, с. 315]. Без административного (управленческого) процесса,

который является юридической формой реализации государственного управления, исполнительной власти, невозможно законное, справедливое и эффективное осуществление управленческой деятельности [4, с. 93]. Концептуально-методологический,

^{1*}Здесь и далее курсив мой – А. К.

нормативно-правовой и правоприменительный блоки являются важнейшими факторами реализации процедурно-процессуальной системы, опосредующей функционирование исполнительной власти, государственного (публичного) управления. Концентрация внимания на системных вопросах административного процесса важна для решения выделенной в Концепции правовой политики проблемы повышения качества правоприменения на основе действенной активации принципов права.

С точки зрения реального перехода к новой парадигме от многолетнего не синтезируемого в практическую материю теоретического дискурса вокруг понятия административного процесса для акцентированного обозначения и формирования действенного процессуально-правового феномена важное значение имеет вопрос его отраслевой идентификации. Основанность на европейской правовой модели и ее реципиенте – обширном постсоветском законодательстве – создает все предпосылки, чтобы постулировать в качестве комплексного, интегративного регулятора административное процессуальное право.

В исследованиях ученых тех стран, где отсутствует базовый регулятор, отраслевая сформированность данного института определяется в большей мере экстенсивными показателями. Так, отмечается, что административно-процессуальное право по объему регулируемых отношений охватывает потребности многих материальных отраслей права. Для данной большой группы однородных административно-процессуальных норм характерна высокая степень внутренней организации, соответствующая уровню самостоятельной и самодостаточной отрасли права, что дает веские объективные основания рассматривать обособившуюся группу однородных административно-процессуальных норм в качестве самостоятельной отрасли права [1, с. 164]. В этом же ключе высказано мнение, что формирующий отрасль системный базовый закон должен быть общим, ограниченным в прямом действии, составленным преимущественно из бланкетных отсылок к многочисленным отраслевым нормативным правовым актам об административных процедурах [5, с. 105].

Отечественными авторами обозначены разные позиции по вопросу отраслевой идентичности административного процесса. Некоторые исследователи предлагают, например, «в одном процессуальном нормативном акте объединить неюрисдикционные производства (основные процедурные правила деятельности органов исполнительной власти по принятию индивидуальных актов, затрагивающих права граждан) и административное судопроизводство (правила рассмотрения административных споров общими судами и квазисудебными органами административной юстиции. Вторая часть кодекса может

быть посвящена процедуре обжалования неправомерных действий администрации и должностных лиц» [6, с. 115]. В противовес этому мнению постановка вопроса о выделении самостоятельной процессуальной отрасли права или законодательства признана ошибочной. Тем не менее решение проблемы видится в системном правовом регулировании наиболее типичных управлеченческих производств [2, с. 10–11]. Однако для налаживания такого регулирования необходимо располагать системно-отраслевой процессуальной методологией, не направленной на рассредоточение производств, а синтезирующей их в базовом законе (кодексе).

В контексте современной парадигмы административный процесс материализуется как взаимосвязанная внесудебная и судебная правоприменительная деятельность по разрешению административных дел, осуществляемая в процессуально-правовых формах административного производства и административного судопроизводства и регулируемая специальной отраслью права – административно-процессуальным правом [7, с. 501].

Иная концепция представлена в формулировке, размещенной на официальной площадке «Правовой форум Беларусь»: административный процесс – урегулированная административно-процессуальными нормами деятельность органов государственного управления (должностных лиц) по разрешению индивидуальных административных дел в порядке реализации функций исполнительной власти^{2*}.

Как видим, административное судопроизводство выпадает из широкого (системного) понимания административного процесса и, соответственно, предмета административного процессуального права. Административный процесс комплектуется «административно-процедурными производствами» и «юрисдикционными производствами» органов государственного управления.

Следует отметить, что и данная формула административного процесса выступает как частная, не задействованная в юридическом обороте. В такой артикуляции административный процесс и административное процессуальное право не получают устойчивого закрепления в отечественной научной методологии и преподавании административного права. Консервируется неполная формула наличия в структуре административного права «совокупности норм, регулирующих порядок реализации прав и обязанностей (процессуальная подотрасль административного права)» [8, с. 26; 9, с. 23]. Характерно, что представляемая таким образом подотрасль в учебной литературе не синтезирована. Общие положения об административно-правовых нормах, административно-правовых отношениях формулируются в контексте материального права,

^{2*}Правовой форум Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://forumpravo.by/forums/information/?id=202> (дата обращения: 10.04.2025).

где процессуальные нормы и отношения только обозначаются с первичной их характеристикой. Этот момент отражается и на прикладной подаче материала об административных «процедурах» и «производствах», административном и судебном контроле. Можно говорить о том, что проблематика административного процесса концентрируется в производстве по делам об административных правонарушениях.

С позиции системно-методологического императива необходимо отметить следующее. Административный процесс является одним из узловых компонентов научной специальности 12.00.14 «Административное право и административный процесс» и охватывает весь комплекс проблем теоретического исследования данного правового феномена: понятие, историю становления, правовое регулирование, сущность и виды административно-процессуальной деятельности; административно-процессуальные нормы и правоотношения; современные информационные технологии в административном процессе; административный процесс в зарубежных странах. Административная процедура здесь прямо не названа, хотя именно с ней следует связывать основное содержание административного процесса. При этом нужно подчеркнуть, что оформленный в законодательстве институт административных процедур фактически имеет материально-правовое содержание и соответствующее этому позиционирование в научной специальности.

В процессуальном блоке как подэлемент выделен административный процесс по делам об административных правонарушениях. В данном контексте необходимо методологически корректно (нерасширительно) трактовать формулировку ст. 1.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, согласно которой «административный процесс – определенный настоящим Кодексом порядок деятельности его участников по делу об административном правонарушении».

В то же время важный юрисдикционный блок, предметом которого является судебный контроль в государственном управлении, отнесен к научной специальности 12.00.15 «Гражданский процесс; хозяйственный процесс; арбитражный процесс», задача которой – исследование «особенностей рассмотрения дел с участием государственных органов»^{3*}. Такое разграничение определяет существенную специфику, создает дискретность в освоении проблематики административного процесса, в то время как важен именно системный (кумулятивный) подход. Он может быть выражен, например, такой характерной формулой: принцип исследования обстоятельств дела по долгу службы (исследовательский принцип или инквизиционный принцип) в административ-

ной процедуре непрерывно продолжается в административно-судебном производстве [10, с. 28].

В связи с вышесказанным стоит отметить, что заданная в законодательстве «автономизация» процессуальных блоков определила особенности отечественного юстиционного (гражданского и хозяйственного) законодательства, что выразилось в различиях в понятийном определении предмета оспаривания, формулировках конструкций доказывания и инквизиционной функции суда в административном (публичном) споре. Также нельзя не отметить, что данный процессуальный блок в хозяйственном (экономическом) судопроизводстве урегулирован непосредственно законом, в гражданском судопроизводстве (в обход правонаследительной нормы) – постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 декабря 2009 г. № 11 «О применении судами, законодательства, регулирующего защиту прав и законных интересов граждан при рассмотрении жалоб на неправомерные действия (бездействие) государственных органов, иных организаций и должностных лиц» (далее – Постановление № 11).

При этом декларированный инквизиционный принцип методологически не обеспечен ввиду дефицита административно-правовой методологии. Так, воспроизводя норму закона об общем судебном контроле за законностью и обоснованностью решений, действий (бездействия) и специальном контроле за законностью, Постановление № 11 не определяет критерии для них. Специалистами в области административного права это обстоятельство оставлено без внимания, равно как и сама правовая норма. В комментариях представителей гражданско-процессуальной науки встречаем резонное указание на очевидно неудачную конструкцию нормы в части отсылки к прямому нормативному регулированию второго вида контроля и одновременно рекомендацию (с позиций административистики схематичную) связывать данный контроль только с теми случаями, когда соответствующий акт принимается органом (должностным лицом) исключительно на основе его правоприменительного усмотрения, чтобы суд своей деятельности его не подменил [2, с. 85].

В Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС) спорная норма не вошла. Ее заменило указание конкретных вопросов, подлежащих выяснению судом. В частности, суд обязан проверить соблюдение требований законодательства, устанавливающих основания для принятия (издания) оспариваемого ненормативного правового акта, совершения оспариваемых действий (бездействия), если такие основания предусмотрены законодательством, а также проверить соответствие содержания оспариваемого ненормативного правового акта, совершенных оспариваемых действий (бездействия)

^{3*}Паспорт специальности 12.00.15 «Гражданский процесс, хозяйственный процесс, арбитражный процесс» [Электронный ресурс]. URL: <https://vak.gov.by/node/1124> (дата обращения: 10.04.2025).

законодательству, регулирующему спорные отношения. Выяснение этих вопросов производится в целях проверки нарушения прав и законных интересов субъектов, в том числе из-за существенного дефекта усмотрения. В свою очередь, методология усмотрения – важная составляющая административно-правовой доктрины и методологии. Законы об административной процедуре содержат дефиницию усмотрения и подкрепляют данную формулу принципами, рамочными условиями.

Важная особенность инквизиционного судопроизводства сосредоточена в несвязанности суда основаниями и доводами (мотивами), изложенными в заявлении, жалобе. Данное правило характеризует саму сущность административной юстиции, и этот постулат закреплен в Постановлении № 11, КГС. Процессуальная компонента обозначенной формулы выражается в активной роли суда (сверх допустимой для него «активности» в состязательном процессе) в вопросах доказывания, материальная компонента определяется самим характером (глубиной) судебного контроля и оценки оспариваемого акта, действия (бездействия). Взаимосвязь, синергия этих составляющих не может реализоваться вне связи с правовой методологией, синтезированной в административном процессе. Принятие Кодекса гражданского судопроизводства актуализирует данную проблематику.

Характеризуя блок материально-правового контроля административного акта, важно отметить следующее. Закон об основах административных процедур, несмотря на свое название, имеет специальную структуру и специальную сферу регулирования, при этом он не охватывает широкий круг административных и иных публичных правоотношений. Соответственно, понятие «административное решение», созвучное административному акту, в той специальной дефиниции, в которой оно представлено в законе (решение уполномоченного органа, принимаемое при рассмотрении заявления заинтересованного лица) трансформируется в специфически прикладное. В результате методологическое значение дефиниции и понятия нивелируется.

При отсутствии в законодательстве содержательного понятия административного акта в КГС перенесена специальная юридико-техническая конструкция «ненормативный правовой акт», сформулированная (надо отметить, не без некоторых изъянов) для целей Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о нормативных правовых актах). Со своей стороны, кодекс также придает ей специальный характер конфликтогенного феномена. Очевидно, что такая конструкция не способна в необходимой мере соответствовать административно-правовой методологии и практике. Характерно, что она не задействована в учебных источниках по административному праву, использующих понятие индивидуального правово-

го акта управления (также методологически небезупречное).

Тем не менее конструкция «ненормативный правовой акт» отражает важную проблему в контексте административно-процессуальной методологии и поэтому заслуживает внимания. Закон о нормативных правовых актах и КГС по-разному интерпретируют существенный вопрос процессуальной обеспеченности акта. Закон акцентировано обуславливает его принятие соблюдением «установленной процедуры». Это положение важно трактовать соответственно парадигме, т. е. широко: связывать его не только с нормотворческой процедурой, но и с административной процедурой в формате Закона об основах административных процедур и иными административными производствами, актуализируя их процедурный алгоритм.

В свою очередь, кодекс отсылает к «установленному порядку» принятия ненормативного правового акта. Принимая во внимание текущее состояние законодательства, такую формулу можно допустить с существенной оговоркой о том, что любой порядок имеет (должен иметь) ту или иную процедурную схему, определяемую в итоге базовыми принципами административного процесса. Однако нельзя согласиться с тем, что кодекс, возлагая на суд обязанность проверять соблюдение порядка принятия акта, делает следующую оговорку: «если такой порядок установлен». Как представляется, здесь возникает правовая неопределенность, имеющая в основе сущностную методологическую причину. Эта неопределенность не может не сказаться на рассмотрении споров. В будущем она потребует исправления.

С позиций методологии необходимо обратить внимание и на иные ситуации, обусловленные несбалансированностью, незавершенностью процессуального механизма. Соответственно, теоретико-прикладные конструкции и здесь могут дезориентировать. В связи с вышесказанным комментария заслуживает, например, укоренившееся деление административно-процессуальных отношений на административно-процедурные, осуществляемые органами государственного управления при разрешении бесспорных, неконфликтных административных дел, и административно-юрисдикционные отношения, связанные с разрешением административных споров [7, с. 503].

Признавая определенную научно-прикладную пользу данной конструкции, при этом ориентируясь на общепринятую практическую модель, необходимо все же сделать замечание. Группировка выстроена при отсутствии (отмеченном самими ее авторами) системного процедурно-процессуального законодательства. Такого плана законодательство, как показывает его содержание, не размежевывает административно-процедурный («неконфликтный») и административно-юрисдикционный («конфликтный») блоки. Они динамично сопряжены в двуидовой (неформальной

(ординарной) и формальной(осложненной)) общей административной процедуре и некоторых ее специальных формах. Для методологического обеспечения данного блока можно использовать понятие «комплексная правовая процедура» [11, с. 97].

При отсутствии процедурно-процессуального законодательства деление правоотношений на «административно-процедурные» и «административно-юрисдикционные» наряду с другими классификациями (комбинаторного порядка) было условно допустимым в пределах широкого методологического дискурса. На фоне современного солидаризированного праворегулирования такого рода экстенсивный фактор утрачивает свое значение. Приведенная, например, по инерции казахскими авторами обозначенная дихотомическая модель правоотношений [12, с. 49] уже диссонировала с положениями Закона Республики Казахстан от 27 ноября 2000 г. № 107-II «Об административных процедурах», содержавшего главу 4 «Процедуры защиты прав и законных интересов граждан». Тем более такая модель не соотносится с положениями Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

В контексте структурирования административного процесса требует критического анализа проблема набора «административных процедур» и «административных производств». На наш взгляд, деление на процедуры и производства во многом является результатом доминирования в научном дискурсе не качественного (структурного), а количественного подхода, который сам по себе является методологически уязвимым. К тому же, он далек от реального, типично-нормативно-процедурного контента. По этому поводу не без критики отмечено, что «в связи с многообразием точек зрения на структуру административного процесса сложно определить даже приблизительно количество выделяемых учеными видов административных производств» [13, с. 11]. В связи с этим еще раз подчеркнем, что административно-процедурная упорядоченная компонента (рецепция германской модели) получила материальное воплощение в постсоветской административистике в формате законов об административной процедуре (административном производстве) либо административных процедурно-процессуальных кодексов. В результате проблема «больших чисел» принципиально снята.

Нужно отметить, что отечественными авторами также обращается внимание на «неоднозначное» решение вопроса о видах административных производств [8, с. 269]. Тем не менее белорусская административистика традиционно оперирует количественным критерием, связывая его с «характером индивидуально-конкретных дел» [8, с. 269; 9, с. 220]. По этой причине, образно говоря, наблюдается прежняя «раскройка процессуальной (процедурной)

материи» на бесконечное множество административных производств. С принятием Закона об основах административных процедур и сопутствующего нормативного массива это число увеличилось за счет объемных перечней таких процедур (производств), которые к тому же являются ничем иным, как материально-правовыми конструкциями.

В представленном в комментариях наборе производств обратим внимание на следующие: производство по изданию правовых актов управления, регламентарное производство, лицензионное производство, регистрационное производство, разрешительное производство, производство по обращениям граждан и юридических лиц, производство по осуществлению административных процедур [8, с. 269–270].

Несколько иная группировка представлена на правовом форуме Беларуси: 1) административно-процедурное производство (лицензирование, регистрационное производство, правотворческое производство); 2) юрисдикционное производство (производство по предложениям, заявлениям и жалобам граждан, производство по делам о дисциплинарных проступках, производство по делам об административных правонарушениях)^{4*}.

Очевидно, что такого рода наполнения методологически не выверены. Так, производства по изданию правовых актов управления как такового не существует. Оно беспредметно, абстрактно. Для выделения (обоснования) некоторых других производств также нет отличительных процессуальных (процедурных) критериев. Объективно эти категории административных дел умещаются в типовую (общую и специальную) процедурную схему, которая должна регулироваться «комплексным базовым законом», что повсеместно реализовано в административном праве (процедурно-процессуальном законодательстве). На такой платформе и должен критически верифицироваться тезис об административных производствах как «обоснованных совокупностях однородных действий» [9, с. 220].

В этом контексте показателен процесс трансформации, произошедший с лицензионным производством в рамках законодательства об административных процедурах. В п. 2 действовавшего ранее постановления Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2012 г. № 156 об утверждении единого перечня административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей указывалось, что оно не распространяется на отношения, связанные с лицензированием отдельных видов деятельности. Более того, п. 12 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденного

^{4*} Правовой форум Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://forumpravo.by/forums/information/?id=202> (дата обращения: 14.04.2025).

Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2020 г. № 450, устанавливал, что в нормативных правовых актах, не регулирующих вопросы лицензирования в целом, как правило, не должны содержаться нормы, определяющие его порядок и условия. В действующем постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 24 сентября 2021 г. № 548 «Об административных процедурах, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования» такая норма отсутствует, а перечень, в свою очередь, содержит ряд лицензионных «процедур».

Тем не менее, не отказываясь полностью от идеи обособленности лицензионного производства, с принятием Закона Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании» (далее – Закон о лицензировании) ст. 3 Закона об основах административных процедур дополнили п. 5¹ (сейчас п. 7). Согласно этой новелле «если законодательными актами в сфере лицензирования установлены иные правила, чем те, которые содержатся в настоящем Законе, то применяются нормы законодательных актов в сфере лицензирования».

Данный пункт сформулирован аналогично п. 8 указанной статьи о примате международного договора над нормами Закона об основах административных процедур. Таким образом, в обоих случаях предполагается коллимирующее соотношение (полное замещение) процедурных порядков, отличное от субсидиарного взаимодействия общей и специальной норм (применения в неурегулированной части). Представляется, что некорректно применять коллизионную формулу к соотношению норм Закона об основах административных процедур и Закона о лицензировании.

Вышесказанное подтверждает и сам характер процедурного наполнения Закона о лицензировании. Нормы глав 4 и 5, по сути, имеют материальное содержание. Процедурный элемент в них представлен фрагментарно. В частности, обозначен порядок подачи заявлений. Непосредственно их рассмотрение как процедура (процедурная стадия) зафиксирована только указанием сроков. Принципиальные аспекты взаимодействия соискателя и лицензирующего органа, в том числе соответствующей процессуальной фиксации, не решены, особенно при рассмотрении юрисдикционного вопроса об отказе в предоставлении лицензии соискателю. Аналогично они не решены в главе 9 рассматриваемого закона в отношении вопроса о приостановлении лицензии. В то же время установлено процессуальное требование о рассмотрении вопроса о прекращении лицензии в присутствии лицензиата. Только в этом сегменте лицензионного производства закон прямо закрепляет парадигмальный процессуальный (процедурный) императив – право быть выслушанным, не решая, однако, вопрос документирования.

Таким образом, лицензионное производство не выглядит полным, самодостаточным. Очевидно, дол-

жен быть задействован компенсационный механизм принципов и правил общей административной процедуры. Методология здесь дает альтернативу: применить либо «центробежную» субсидиарную формулу (общая норма применяется в части, не урегулированной специальной нормой), либо «центростремительную» субсидиарную формулу (специальная норма действует в части, не урегулированной общей нормой). Содержание норм Закона о лицензировании явно предполагает активацию последней.

Вопрос о субсидиарной связи с базовой административной процедурой важен и для других производств. В этом плане интерес представляют производства, обеспечивающие реализацию земельных правоотношений. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 января 2023 г. № 32 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З «Об изменении кодексов»» (далее – постановление № 32) введен в действие концентрированный блок таких производств с тем или иным процедурным наполнением. Все они призваны обеспечить учет и реализацию прав и законных интересов субъектов, заинтересованных в решении земельных вопросов, что предполагает наличие детально описанной процедурной компоненты. Этот факт декларируется уже в самих названиях нормативных правовых актов, устанавливающих «порядок рассмотрения» и «порядок принятия решений».

Как тот или иной порядок соотносится с принципами административной процедуры, административного процесса? На наш взгляд, при концентрации на правоприменительных действиях здесь не удалось уйти от избирательности, односторонности. Именно так обозначен, например, юрисдикционный алгоритм отказа в предоставлении земельного участка. Как следует из пунктов Положения о порядке изъятия и предоставления земельных участков, утвержденного постановлением № 32, определены две стадии данного юрисдикционного производства: подготовка структурным подразделением землеустройства местного исполнительного комитета информации о наличии оснований для отказа и принятие исполнкомом соответствующего решения. Процедурные вопросы участия заинтересованного лица в этих важных для него стадиях (подготовительной и решающей) при этом не отражены. Иными словами, формат разрешения конфликтогенного вопроса ограничен с точки зрения критерии открытым процедурой. Соответственно, обозначенную в нормативном документе возможность последующего обжалования отказа в реализации права на землю необходимо первично соотносить с процедурной (процессуальной) «диффузией».

В то же время земельное законодательство выделяет специальный юрисдикционный блок рассмотрения земельных споров и включает в него базовые процессуальные константы. Так, в соответствии

с положениями ст. 109 и 110 Кодекса Республики Беларусь о земле земельный спор рассматривается с участием надлежаще извещенных заинтересованных сторон и иных лиц. Они вправе знакомиться с материалами по предмету земельного спора, делать из них выписки или снимать копии, представлять документы и иные доказательства, заявлять ходатайства, давать устные и письменные объяснения, возражать против ходатайств и доводов другой стороны.

Положение о порядке рассмотрения земельных споров Минским городским, городскими (городов областного подчинения), районными исполнительными комитетами и образования комиссий по подготовке материалов по рассмотрению земельных споров, утвержденное постановлением № 32, дополнительно оговаривает процедурные вопросы, связанные с принятием комплекса подготовительных мер, включая дополнительную проверку, специальную проверку по земельному спору. Следует также отметить важное процессуальное правило о том, что создаваемая для рассмотрения земельного спора комиссия работает на принципах свободы обсуждения вопросов и гласности. Результаты работы комиссии оформляются протоколом, в котором отражаются содержание рассматриваемого вопроса (очевидно, ход слушания) и принятное по нему решение. В приведенных положениях восприняты базовые установки общей административной процедуры и урегулированы специфические аспекты.

Отдельного рассмотрения требуют акцентированно закрытые производства, например, таковыми являются порядок включения субъектов хозяйствования в список поставщиков (подрядчиков, исполнителей), временно (на 2 года) не допускаемых к участию в процедурах государственных закупок, и порядок досрочного исключения из данного списка. Данные юрисдикционные регламенты установлены ведомственным актом – Инструкцией о порядке формирования и ведения списка поставщиков (подрядчиков, исполнителей), временно не допускаемых к участию в процедурах государственных закупок, утвержденной постановлением Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 29 декабря 2018 г. № 92.

Рассмотрев производства в разных административных сферах, можно сделать общий вывод о том, что они не выполняют и в принципе не должны выполнять компенсационную функцию, обусловленную недостатками общей административной процедуры либо ее отсутствием. Зарубежное законодательство формирует иное соотношение. Так, согласно ст. 3 Закона Азербайджанской Республики от 21 октября 2005 г. № 1036-IIQ «Об административном производстве» специальными законами могут быть установлены положения, дополняющие предусмотренные данным законом положения, либо специальные правила, связанные с административным производ-

ством. Более акцентированную формулу содержит норма ст. 2 Административного кодекса Республики Молдова, в соответствии с которой определенные аспекты, касающиеся административной деятельности по специфическим областям, могут регулироваться специальными законодательными нормами, отступающими от положений кодекса, только если такое регулирование является крайне необходимым и не противоречит принципам кодекса.

Может ли выполнять такую функцию Закон об основах административных процедур? При анализе его содержания очевидной становится его существенная специфика в системном и юридико-техническом плане по сравнению с зарубежным законодательством. Специфику имеет и само его название («Об основах...»). Фактически закон формулирует общие, линейные элементы процедуры. Являясь «компактным» в структурно-содержательном отношении, он также имеет особую сферу применения, что констатируется отечественными специалистами в области административного права: «В основу белорусского законодательства положен узкий подход к понятию административных процедур как особых действий юридически значимого характера по работе с отдельными видами заявлений» [9, с. 223]. Другими словами, на основе закона создана специфически отформатированная «административная процедура», предполагающая специальное целевое ее использование: для обеспечения на заявительной основе определенного (весьма обширного) перечня юридических действий, в современном понимании государственных (административных) услуг (лицензионных, регистрационных, удостоверяющих, согласующих, разрешительных и др.).

При этом сами процедурные действия (алгоритмы взаимодействия участников) определены сжато, они не достигают необходимой эксплиcitности. Иное содержание имеют дефиниции понятия «административная процедура» в зарубежном законодательстве. Например, согласно Административному кодексу Республики Молдова административное производство – это имеющая внешние последствия деятельность органов публичной власти, направленная на рассмотрение условий для издания индивидуального административного акта, его подготовку и издание, рассмотрение условий для заключения административного договора, его подготовку и заключение или рассмотрение условий для принятия меры, относящейся сугубо к публичной власти, ее подготовку и принятие.

Особенностью отечественного законодательства является и то, что от «процедурных основ» (и от процедурной систематизации как таковой) прямо или косвенно (по умолчанию) обособлены широкие сферы административных отношений. Прежде всего это касается общей сферы, регулятором которой выступает Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических

лиц». Данный закон является своего рода реновацией Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. № 534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан». Для обращений введено несколько общеустановочных критериев, формирующих определенный порядок их рассмотрения. При этом такая форма, как личный прием, в большей части используемая заявителями в конфликтных ситуациях, при всей ее открытости не имеет регламента, аналогичного процедурному слушанию дела.

Само понятие «процедура» в законе и связанном с ним законодательстве не используется, хотя оно адекватно рассмотрению в публичном порядке не только заявлений, тем более жалоб, но и предложений, адресованных государственным органам, иным государственным и негосударственным субъектам, оказывающим административные и публичные услуги. Для последнего вида обращений убедительным примером являются предложения, которые могут быть выдвинуты местным собранием жителей в соответствии с Законом Республики Беларусь от 12 июля 2000 г. № 411-З «О республиканских и местных собраниях». Для реализации данных инициатив закон и был принят. Рассмотрение таких предложений очевидно требует какой-то относительно формализованной процедуры, а не отсылки к общему (непроцедурному) порядку рассмотрения обращений граждан и юридических лиц. Так, согласно Административному процедурно-процессуальному кодексу Республики Казахстан такого рода обращения (сообщения, отклики, предложения, запросы) рассматриваются в порядке упрощенной процедуры, отличие которой от общего регламента сводится, по сути, к особенностям ее прекращения.

Наряду с этой публичной сферой Закон об основах административных процедур сегментирует и другие «исключенные» административные сферы. При сложившейся конъюнктуре такое обосновление от специфического института административных процедур может показаться рациональным и оправданным. Однако принципиальное решение состоит не в специализации, а, как уже отмечалось, в процедурно-процессуальной консолидации. Это обстоятельство относится и к непоименованным административным сферам, где действует в той или иной степени структурированный «порядок», который объективно встраивается в субсидиарную процедурную модель.

В связи с этим важно обозначить, что Закон об основах административных процедур так или иначе

привнес в административную сферу модернизационную процедурную идею и определил базовый алгоритм. Тем самым он обозначил потенциальную способность формировать как опосредованные (декларативные), так и прямые (структурные) соединения с различными блоками административной деятельности. В законе приведен набор процедурных ориентиров, и по своей направленности они в той или иной мере могут способствовать оптимизации самой схемы администрирования во многих сферах, в том числе эффективно дополняя принципы, закрепленные в том или ином законе.

Как представляется, особую важность данная проблематика приобретает в свете Концепции правовой политики, в категоричной форме рекомендующей правоприменительной сфере усилить действенность принципов права. В целом нормы-принципы формируют административные сферы, отражая как общие для них императивы управления, так и специфические факторы. Базовые законы декларируют достаточно обширный перечень принципов разного уровня, реализуемых в конкретных нормах. Важную, по сути, связующую функцию в этой системе принципов должны выполнять принципы административной процедуры (административного процесса).

Значимость соблюдения этих фундаментальных принципов в защитном механизме прав и законных интересов и, соответственно, обязательность проверки судами их соблюдения подчеркивает Постановление № 11. Прежде всего к вышеупомянутым принципам относится принцип открытости административной процедуры, обеспечивающий для заинтересованных лиц возможность участия в рассмотрении дела. При этом важно, чтобы другие принципы, вытекающие из правовой сущности административной процедуры, были активизированы. Современную практику публичного администрирования характеризуют как «большое предложение» принципов разной направленности и разного уровня, так и высокий уровень их апробации.

Сопутствующим методологическим ориентиром здесь также может стать формула Кодекса гражданского судопроизводства, определяющая формат рассмотрения «с учетом сущности» производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. По большому счету эта формула является важной в связи с доминирующей парадигмой, выраженной в системном обеспечении административного процедурно-процессуального правового порядка.

Заключение

Публичное администрирование своей сложной структурой и динамикой актуализирует задачу формирования синтезированной процедурно-процессуальной платформы. Эта задача и ее решение объективно

материализуются в отраслевом генезисе административного процесса, административного процессуального права. Важно обеспечивать его системность, концентрированность. Методологически ошибочно

и практически неэффективно строить этот процесс, апеллируя к особенностям, вариантам. Подход такого плана является конъюнктурным, сдерживающим, нивелирующим его сущность и значимость формирования административного процессуального права. Корректным может быть лишь вопрос этапов процесса, их содержания и выверенной смены. Подтверждением вышесказанному служат все трансформации в постсоветских государствах, итогом которых стала отраслевая идентификация административного процесса, реализованная в систематизированном (кодифицированном) процедурно-процессуальном законодательстве.

Отечественная административно-процессуальная методология, следуя в целом общепринятой парадигме, тем не менее сконцентрировалась на институционализации служебного, скорее материального, чем процессуального, блока «административных процедур». Характеризуя в целом текущий этап процессуализации публичного управления, следует констатировать функционирование диверсифицированной, фрагментированной модели.

Решение задачи по формированию административно-процессуальной отрасли права в Республике Беларусь видится в этапном преобразовании существующей модели в консолидированную модель с доминантой общей административной процедуры и субсидиарно зависимыми от нее специальными процедурами (производствами). В этом процессе также важна интеграция с судебным производством по делам, возникающим из административных и публичных правоотношений, прежде всего в вопросах методологического обеспечения правомерного административного акта.

Текущий этап развития консолидированной административной процедуры как определяющего фактора правоприменения может обеспечиваться на базе Закона об основах административных процедур с необходимым ее расширением за счет аналогового привлечения процессуальных принципов и конструкций, формирующих парадигмальную сущность и операционный механизм данного правового феномена.

Библиографические ссылки

1. Севрюгин ВЕ. Административно-процессуальное право как самостоятельная отрасль российского права. В: Кобзарь-Фролова МН, редактор. *Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса. Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Лазаревские чтения – 2022»; 24 февраля 2022 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт государства и права РАН; 2022. с. 162–169.
2. Чуприс ОИ, Жигалко ЕВ, Кухарьков ЮВ, Петоченко ТМ, Постовалова ТА, Сивец СМ и др. *Административно-правовые споры в социальной сфере: теоретико-прикладные вопросы*. Чуприс ОИ, редактор. Минск: БГУ; 2016. 267 с.
3. Алексин АП, Кармoliцкий АА, Козлов ЮМ. *Административное право Российской Федерации*. Москва: Зерцало; 1997. 671 с.
4. Попов ЛЛ. Административные процедуры: проблемы теории, законодательства и практики. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016;5:92–99.
5. Старостин СА. О соотношении понятий «административный процесс», «административное производство», «административные процедуры». *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016;5:100–106.
6. Кивель ВН. Административно-правовая защита прав человека. В: Бибило ВН, редактор. *Право и демократия. Выпуск 9*. Минск: Право и экономика; 1998. с. 112–124.
7. Зеленцов АБ, Кононов ПИ, Стаков АИ. Административный процесс как вид юридического процесса: современные проблемы понимания и нормативно-правовой регламентации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2018;9(4):501–521. DOI: 10.21638/spbu14.2018.404.
8. Рябцев ЛМ, Чуприс ОИ, Телятицкая ТВ, Гвоздев ТВ, Крамник АН, Шишко ГБ и др. *Административное право*. Минск: Издательский центр БГУ; 2014. 607 с.
9. Гвоздев ДВ, Рябцев ЛМ, Чуприс ОИ, Василевич ГА, Крамник АН, Телятицкая ТВ и др. *Административное право*. Рябцев ЛМ, Чуприс ОИ, редакторы. Минск: Адукацыя і выхаванне; 2024. 558 с.
10. Брокер Л. Инквизиционный принцип в административном праве (административная процедура и административный процесс). *Вестник Института законодательства Республики Казахстан*. 2017;4:26–34.
11. Байтин МИ. Теоретические вопросы правовой процедуры. *Журнал российского права*. 2000;8:97–98.
12. Сарпеков РК, Шишимбаева СС. Административно-процедурные и административно-процессуальные отношения: понятие, особенности и их соотношение. *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. 2019;2:44–51.
13. Старилов ЮН. Административный процесс: «административная подделка ради легкости административных воздействий» или способ усиления судебного контроля над администрацией. *Полицейское право*. 2006;4:5–23.

Статья поступила в редакцию 12.06.2025.
Received by editorial board 12.06.2025.

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОБУСЛОВЛЕННЫХ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ

Л. А. КРАСНОБАЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется проблема признания и законодательного оформления административно-обязательственных отношений, возникающих в контексте предоставления публичных услуг. В рамках проведенного анализа предлагается определение административного договора, детально рассматриваются его содержание и специфические признаки. Также классифицируются виды обязательственных отношений, возникающих в данной сфере. С опорой на структурно-функциональный подход изучается содержание субъективного права на публичную услугу, которое интерпретируется как право требования. Обосновывается необходимость дальнейшего развития административного судопроизводства, обусловленная потребностью обеспечить эффективную защиту прав граждан и юридических лиц в рамках административно-правовых отношений.

Ключевые слова: административно-правовые отношения; административный договор; административное судопроизводство; государственное управление; субъективные права; публичные услуги.

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS OF LEGAL RELATIONS CAUSED BY THE PROVISION OF PUBLIC SERVICES

Л. А. КРАСНОБАЕВА^a

^aBelarusian State University, 4 Nizeliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This paper examines the problem of recognition and legislative registration of administrative-obligatory relations arising in the context of provision of public services. Within the framework of the conducted analysis, a definition of an administrative contract is proposed, its content and specific features are considered in detail. The types of obligatory relations arising in this area are also classified. Based on the structural-functional approach, a study of the content of the subjective right to a public service, which is interpreted as the right of claim, is conducted. As a result of the analysis, the need for further development of administrative proceedings is substantiated, which is due to the need to ensure effective protection of the rights of citizens and legal entities within the framework of administrative-legal relations.

Keywords: administrative-legal relations; administrative contract; administrative proceedings; public administration; subjective rights; public services.

Образец цитирования:

Краснобаева ЛА. Структурно-функциональный анализ правовых отношений, обусловленных предоставлением публичных услуг. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2025;2:26–33.

EDN: OENMLO

For citation:

Krasnobaeva LA. Structural and functional analysis of legal relations caused by the provision of public services. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;2:26–33. Russian. EDN: OENMLO

Автор:

Людмила Александровна Краснобаева – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры государственного управления юридического факультета.

Author:

Lydymila A. Krasnobaeva, PhD (law), docent; associate professor at the department of state administration, faculty of law.
krasnabayeva@bsu.by
<https://orcid.org/0009-0005-6309-968X>

Введение

Традиционно административно-правовые отношения рассматриваются как общественные отношения, складывающиеся по поводу государственного управления и в связи с его осуществлением. Однако отношения, обусловленные предоставлением публичных услуг, могут основываться не на подчинении, а на взаимодействии, из которого вытекают определенные обязательства. Отечественная административно-правовая наука заимствовала субординационную теорию правоотношений [1; 2, с. 105–144; 3, с. 34; 4, с. 19], в основе которой лежит концепция властных односторонних отношений, соответственно, аргументы о том, что в административно-правовом контексте стороны выступают как носители взаимных прав и обязанностей, по существу, остались без должного внимания.

Признание концепции государства-партнера как способа укрепить диалог и взаимное доверие между государством и человеком, государством и бизнесом требует переосмыслить юридическое содержание

субъективных прав граждан по отношению к государству. Речь идет о трансформации существующего подхода и рассмотрении гражданина как равноправного участника управлеченческих отношений, которые подчеркнуты в Концепции правовой политики Республики Беларусь, закрепляющей одно из важнейших направлений в деятельности белорусского общества: смещение «акцентов правового регулирования от покровительства государства к установлению партнерских отношений между государством, обществом и гражданами»¹.

Системный подход позволяет обозначить, что административно-правовое обеспечение реализации публичных услуг должно находить отражение в институционально-организационных и нормативных основах государственного регулирования публичными услугами, что влечет необходимость разработки законодательства, устанавливающего понятийно-категориальный аппарат и организационную структуру предоставления публичных услуг.

Основная часть

Структурно-функциональный анализ содержания правовых отношений, обусловленных предоставлением публичных услуг, и аксиоматический подход к признанию договора как универсального основания возникновения правоотношений предопределяют формирование административно-договорных отношений и обязательств. Данный тезис подтверждается развитием интеграционных отношений: ст. 66 и 67 Договора о Евразийском экономическом союзе предусматривается осуществление либерализации услуг с учетом международных принципов и стандартов путем гармонизации законодательства государств-членов. Более того, правом ЕАЭС устанавливаются рамочное регулирование ряда вопросов административных процедур, правовой режим и стандарты для национальных административных процедур, связанных с выдачей различных разрешений². Договор о Евразийском экономическом союз-

зе предусматривает понятие универсальных услуг, правовое регулирование экономических услуг общего значения³.

Справедлива мысль А. В. Винницкого о том, что «традиционное направление деятельности публичной администрации как предоставление государственных услуг, ранее регулируемое сугубо национальным законодательством, ныне подпадает под действие интеграционного права ЕАЭС, содержащего нормы либо прямого действия, либо непрямого действия» [5, с. 13].

Более того, административные правоотношения, обусловленные оказанием социальных услуг как вида публичных услуг, сходны с обязательственными правоотношениями частноправового характера: взаимные права и обязанности возникают у обеих сторон правоотношений. Вместе с тем не следует их отождествлять. Во-первых, в гражданском праве

¹О концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32300196> (дата обращения: 18.06.2025).

²Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций [Электронный ресурс] : Приложение № 16 к Договору о Евраз. эконом. союзе. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/13ae647de97b91e27fc376a7601927bbf5b2491a/ (дата обращения: 18.06.2024) ; Об утверждении Правил регулирования торговли услугами, учреждения и деятельности [Электронный ресурс] : Решение Высшего Евразийского экономического совета, 26 дек. 2016 г., № 24. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/941/reshenie-VEES-24.pdf> (дата обращения: 18.06.2025).

³Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций [Электронный ресурс] : Приложение № 16 к Договору о Евраз. эконом. союзе. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/13ae647de97b91e27fc376a7601927bbf5b2491a/ (дата обращения: 18.06.2025) ; Протокол о единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий [Электронный ресурс] : Приложение № 20 к Договору о Евраз. эконом. союзе. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/417/Prilozhenie_-20-Protokol-o-edinykh-printispakh-i-pravilakh-regulirovaniya-deyatelnosti-subektov-estestvennykh-monopolii.pdf (дата обращения: 18.06.2025) ; Протокол об обеспечении доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере электроэнергетики, включая основы ценообразования и тарифной политики [Электронный ресурс] : Приложение № 21 к Договору о Евраз. эконом. союзе. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/2b9/2b991af976053da75993b801cdb2dd3f.pdf> (дата обращения: 18.06.2025).

граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Во-вторых, субъекты гражданского права могут самостоятельно решать вопрос о вступлении в договорные отношения. В-третьих, проявлением принципа свободы договора является свобода изменения отдельных договорных условий. Наряду с этими условиями административное соглашение заключается органом государственного управления, который имеет право расторгнуть его в одностороннем порядке в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения услуги контрагентом, применить административные, экономические и иные санкции, а также обладает полномочиями контроля в отношении действий другой стороны договора. Таким образом, «при непредусмотренном возникновении соответствующих условий возможно одностороннее изменение договора органом управления в случае, если это не нарушает существенных условий договора и не противоречит нормам права» [6, с. 6].

Следует согласиться с мнением отдельных авторов, что «административный договор устанавливает имеющиеся в законодательстве права и обязанности, не изменяя и не создавая при этом новых правовых норм, т. е. содержит традиционное для всех правовых систем отношение “власть – подчинение”» [7, с. 199].

Таким образом, основанием для возникновения, изменения и прекращения правовых отношений по предоставлению публичных услуг являются и публичные договоры, и административные соглашения, т. е. в основе правоотношений лежат и частноправовой, и публично-правовой способы правового регулирования. Так, согласно ст. 396 Гражданского кодекса Республики Беларусь публичным признается договор, «заключаемый коммерческой организацией, в котором она обязуется предоставить товары, работы или услуги любому, кто к ней обратится, если это соответствует ее деятельности (например розничная торговля, связь, энергоснабжение и т. д.)».

Следует акцентировать внимание на том, что не форма, а цель, стоящая перед субъектом, детерминирует публичный характер договора. Кроме того, практически все виды деятельности, в рамках которых они заключаются, являются лицензируемыми, т. е. подпадают под действие административно-правовых норм. Поэтому можно утверждать, что на современном этапе речь идет не только о субординационных правоотношениях в административном праве, но и об активном развитии координационных правоотношений.

Если договор в цивилистической доктрине традиционно рассматривается в трех аспектах (как правоотношение, юридический факт и документ), то в публично-правовой сфере добавляются как минимум еще два аспекта (понимание договора как источника права [8, с. 73; 9, с. 22–28;] и формы управлеченской деятельности [10, с. 40; 11, с. 73; 12, с. 283]).

Существует множество определений административных договоров. Например, А. В. Демин предложил определение, отражающее суть российской теории административного права: «Административный договор – это управлеченское соглашение не менее двух субъектов административного права, заключенное на основе норм административного права в публичных целях, опосредующее горизонтальные (координационные) управлеченческие отношения, правовой режим которого содержит административно-правовые элементы, выходящие за рамки частного права» [9, с. 29].

Ряд ученых определяют административный договор через понятие «соглашение», как «основанное на нормах административного права соглашение между двумя или более формально равными субъектами, имеющее своим предметом совершение управлеченческих либо организационных действий, в котором хотя бы одна из сторон является органом государственного управления либо его законным представителем» [13, с. 161; 14, с. 86].

Мы придерживаемся точки зрения о синонимизации указанных понятий, исходя из трактовки определений, даваемых большинством юридических и экономических словарей, и самой природы соглашения как взаимной договоренности.

Вопрос о возможности использования договора в системе государственного управления дискутируется главным образом через призму правового положения субъектов, находящихся в состоянии юридического неравенства. Логика рассуждений противников управлеченских договоров проста: «договор имеет смысл лишь в условиях взаимодействия юридически равных субъектов» [15, с. 183].

В зависимости от основания возникновения все обязательственные правоотношения делятся на договорные (возникающие на основе заключенного договора) и внедоговорные (имеющие в качестве своего основания другие юридические факты) обязательства. Следует учитывать, что основанием возникновения административных обязательственных правоотношений могут быть акты органов государственного управления, в которых обязательства определяются самим содержанием. Например, согласно Декрету Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь», инвестиционный договор заключается на основании решения республиканского органа государственного управления, иной государственной организации, подчиненной Правительству Республики Беларусь, областного (Минского городского) исполнительного комитета, Совета Министров Республики Беларусь.

Таким образом, в качестве основания для возникновения обязательства выступает сложный юридический состав, включающий в себя правовой акт управления и заключенный на его основе договор.

Главной отличительной чертой административного договора о реализации публичных услуг является цель его заключения. Каузальность административных договоров до сих пор остается слабо изученным вопросом в науке административного права. Как отмечает А. С. Ротенберг, «на уровне договора абстрактный публичный интерес получает свое конкретное выражение, обозначая тот социально значимый результат, на достижение которого направлено совместное волеизъявление сторон» [15, с. 10].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что административный договор как соглашение, которым регулируются публично-правовые отношения, непосредственно направлен на реализацию потребностей граждан и организаций, его основная цель заключается в удовлетворении социально значимых потребностей членов общества и реализации публичных интересов, а также что договор является способом реализации формы публичной деятельности (публичной услуги).

Договорные отношения в сфере образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и других социальных сферах ставят под сомнение гражданско-правовую природу этих отношений. Государство гарантирует гражданам получение бесплатного дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования, бесплатной медицинской помощи, оказание бесплатных услуг в сфере социального обслуживания. При этом государственные органы управления и их учреждения обязаны оказывать социальные услуги в рамках осуществления своей основной деятельности в установленном государством объеме.

Следовательно, соответствующие отношения между учреждениями, оказывающими социальные услуги, являются административно-правовыми, так как они строятся по вертикали и имеют властно-подчиненный характер.

Качественное и эффективное регулирование рассматриваемых правоотношений возможно только с позиции понимания того, что виды соглашений, которые закреплены в правовых актах управления, представляют собой административно-договорные обязательства. Если субъект государственного управления, устанавливая ограничение пользования публичным учреждением, реализует свои права собственника, то речь идет о гражданских правоотношениях, если же волеизъявление субъекта государственного управления направлено на осуществление функций, то речь идет о публичных правоотношениях. Рассматриваемые правоотношения отличаются от цивилистических наличием непосредственного юридического эффекта исполнения административно-договорного обязательства для неопределенного круга лиц посредством удовлетворения публичных интересов.

В данном контексте административно-правовое обязательство представляет собой определенное правоотношение, в силу которого одно лицо обязано совершить в пользу другого лица определенное действие (услугу), а получатель услуги имеет право требовать от лица, предоставившего услугу, исполнения его обязанности.

Публичные услуги оказываются на основе договорных правоотношений. Эти правоотношения можно определить как урегулированные нормами административного права общественные отношения с обязательным участием субъекта, наделенного государственно-властными полномочиями, которые являются выраженными в субъективных правах, свободах и обязанностях, направленными на реализацию конкретных потребностей гражданина или организации, и отражают общественный интерес.

Правоотношения по их реализации возможно классифицировать на две группы. Первая группа правоотношений связана с наличием имущественных материальных благ (инвестиции, субсидии и т. д.), вторая группа правоотношений – с реализацией социальной услуги (образовательные услуги, медицинское, социальное обслуживание). Определение правовой природы первой группы правоотношений не представляет сложности, если законодатель предусмотрел административный правовой режим, в обратном случае отсутствие базового регулирования влечет несистематизированное внедрение в административную сферу иных норм права. Например, Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З «О концессиях» устанавливает правовые основы осуществления инвестиций на основе концессий в Республике Беларусь. Особенностью концессионного договора является субъектный состав, в котором одним из субъектов является государство. Закон не уточняет, распространяются ли на данный договор общие положения гражданского законодательства. Концессия – это система отношений между государством (концедентом) и частным юридическим или физическим лицом (концессионером), возникающая в результате предоставления концедентом концессионеру права пользоваться государственной собственностью по договору за плату на возвратной основе, а также права осуществлять виды деятельности, которые составляют исключительную монополию государства. Другими словами, государство оказывает заинтересованным субъектам публичную услугу, направленную на реализацию права пользования собственностью.

Что касается правоотношений, связанных с реализацией социальных услуг, то договорные отношения детерминированы наличием субъекта, являющегося представителем государства, которому делегированы соответствующие полномочия по предоставлению общественно значимого блага. Правовое положение субъектов договора здесь отличается

неравенством: орган государственного управления устанавливает обязательные условия по вопросу предоставления социальной услуги, а другая сторона вправе их принять или не заключать договор вообще.

С учетом вышесказанного выделим следующие существенные признаки административного договора:

- он основывается на нормах административного права;
- одним из его участников является орган государственного управления либо его уполномоченное лицо;
- административный договор является результатом взаимного согласования мнений его участников;
- данный документ рассчитан на определенный срок действия;
- отказ в одностороннем порядке от исполнения услуги, предусмотренной договором, одного из его участников не допускается;
- несоблюдение условий договора влечет наступление негативных юридических последствий;
- целью административного договора являются общественно полезный результат и социальный эффект;
- рассматриваемый документ основан на правовом акте управления.

Таким образом, вышеуказанные общественные отношения лежат в плоскости административного права, являются публично-правовыми, реализуются и охраняются государственными органами управления, обеспечиваются средствами частноправового регулирования и представляют собой административные обязательственные отношения, обусловленные публичными услугами. Несомненно, что все виды публичных услуг не могут быть реализованы административно-правовыми средствами, и их регулирование неизбежно входит в сферу частного права (например, страховые, риелторские или рекламные услуги).

На наш взгляд, существенными чертами договора, квалифицирующими его как административный, являются такие, как обязательное участие органа государственного управления, наличие организационно-управленческого характера содержания, наступление юридической (административной) ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение, существование права пользования властными полномочиями, т. е. права изменять в одностороннем порядке юридическое предписание (такого эквивалента для сферы частных договоров не существует).

Заключение административных договоров может осуществляться как непосредственно между государственными учреждениями, так и между государственным учреждением, наделенным соответствующей управленческой компетенцией, с одной стороны и юридическим или физическим лицом – с другой.

Если для гражданско-обязательственных правоотношений свойственен диспозитивный характер, то в административном праве невозможно отказаться от использования императивных норм, поскольку в них заключена социальная необходимость принуждения субъекта к определенному поведению. При этом следует учитывать, что в сфере налогового и таможенного права императивные нормы составляют основной массив.

Таким образом, административно-договорное правоотношение можно определить как урегулированное нормами административного права общественное отношение с обязательным участием субъекта, наделенного государственно-властными полномочиями.

Дискуссионным остается вопрос об ответственности сторон за нарушение административных договоров. В связи с этим можно обозначить, что стороны освобождаются от ответственности за частичное или полное невыполнение своих обязательств, если они докажут, что оно произошло в результате обстоятельств непреодолимой силы или юридического форс-мажора. При этом к форс-мажорным обстоятельствам, вынуждающим орган государственного управления отказаться от действий по оказанию услуг, следует отнести решения вышестоящих государственных органов (вышестоящих должностных лиц), забастовку, военные действия, временную приостановку действий государственного органа (полномочий должностного лица, от действий которого зависит оказание услуг), которые возникли после заключения договора и которые стороны не могли ни предвидеть, ни предотвратить.

Следует иметь в виду, что нарушение субординационных договоров (например, концессионных договоров) может повлечь имущественные санкции, а координационные соглашения предусматривать имущественные санкции не могут.

Анализ норм Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, предусматривающего административную ответственность за нарушение требований к порядку осуществления закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств (ст. 12.9), нарушение порядка закупок товаров (работ, услуг) при строительстве (ст. 12.10), нарушение требований к порядку осуществления закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств (ст. 12.27) и другие правонарушения, показывает, что указанные меры влекут ответственность за нарушения процедурного характера, которые связаны с нарушениями в сфере «додоговорных» отношений. Из этого можно сделать вывод, что наложение мер административной ответственности вызвано публичным характером, связано с реализацией публичных услуг, и меры «не вмешиваются» в сферу договорного регулирования, не влияют на гражданско-правовой характер.

Таким образом, публичные договоры и административные соглашения являются способами реализации

публичных услуг как формы осуществления публичной деятельности. Исследование административно-обязательственных правоотношений не ставит перед собой задачу разграничить гражданско-правовые договоры и административные соглашения и признать последние источником норм административного права. Оно имеет существенное значение для определения содержания субъективного права на публичную услугу и установления юридических обязанностей поставщиков услуг, поскольку содержание субъективных прав и юридических обязанностей получателей и поставщиков публичных услуг является структурным элементом административно-правовых отношений.

Изучение субъективных публичных прав в общем и реализация субъективного права на получение публичной услуги в частности имеют важное научно-теоретическое и прикладное значение, поскольку отражают отличительные черты в структуре административно-правовых отношений.

В теории права общепринятой является позиция, что субъективное право как структурный элемент правоотношения – это принадлежащая уравомоченному в целях удовлетворения его интересов мера дозволенного поведения, обеспеченная юридическими обязанностями других лиц [16, с. 114]. Согласимся с мнением, что полноценное развитие доктрины публичных субъективных прав «сдерживает доминирующий в науке административного права «управленческий подход»» [17, с. 12].

Мы придерживаемся позиции, что субъективное право на получение публичных услуг имеет исключительно административно-правовую природу, которая требует для своей реализации специального административно-правового механизма обеспечения.

Публично-правовая природа субъективного права предопределяется наличием обязанностей по удовлетворению индивидуальных интересов получателей услуг, поэтому совершенно очевидным является утверждение, что субъективное право может быть сформулировано в виде прямого указания в норме права на возможность требовать от органа предпринять определенное действие. Необходимо учитывать, что реализация права на получение публичной услуги осуществляется через нормы частного и публичного права. При этом нормы частного права характеризуются значительной диспозитивностью, а нормы публичного права обладают императивной нормативностью, не допускающей выбора в поведении участников правоотношений. Субъективное право подразумевает, что оно зависит от личного усмотрения правообладателя.

По нашему мнению, субъективное право на получение публичной услуги является правом требования, при этом данное право начинает развиваться не во время взаимодействия, а во время возникновения личной заинтересованности. В структуру субъективного права на получение публичных услуг входят следующие правомочия: право требовать от обязанной стороны совершения конкретных действий и право на защиту от нарушений со стороны обязанной стороны. Соответственно, указанным правомочиям корреспондируют обязанность стороны совершить административное действие (административную процедуру) и обязанность устранить нарушение.

Реализация субъективного права на получение публичной услуги предопределяет вопрос о защите, в связи с чем еще большую актуальность приобретает проблема юридической природы судопроизводства по рассмотрению и разрешению административных жалоб. По мнению Ю. А. Старилова, «если не видеть в ней государственно-правовой и индивидуальной потребности и значимости, тогда все попытки обеспечения легитимности публичной власти, публичного интереса в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина обречены на неудачу. Речь идет о том, что судебно-правовой защите должны подлежать все гарантированные государством права и свободы человека и гражданина» [18, с. 34]. Действующее законодательство не выработало однозначной позиции по данным вопросам, поскольку вопросы о субъективных публичных правах неразрывно связаны с системой правовых гарантий, обеспеченных административной юстицией.

Анализ правоприменительной практики стран СНГ выявил тенденцию к кодификации судебного контроля по делам публично-правового характера в рамках административного судопроизводства, который предусматривает универсальное средство судебной защиты. Так, в России и Казахстане основанием публично-правового спора является административный иск (административное исковое заявление). Согласно Кодексу Республики Узбекистан об административном судопроизводстве, Административно-процессуальному кодексу Кыргызской Республики административным иском является «процессуальный документ, поданный в суд с целью защиты публичных прав, восстановления нарушенных или оспариваемых прав, свобод или охраняемых законом интересов, вытекающих из публично-правовых отношений»⁴.

В научной литературе существует много дискуссионных определений административного иска, но все они сводятся к пониманию административного

⁴Кодекс Республики Узбекистан об административном судопроизводстве [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs3527365> (дата обращения: 18.06.2025) ; Административно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.kg/kodeksy/administrativno-processualnyj-kodeks-kyrgyzskoj-respubliki/> (дата обращения: 18.06.2025).

иска как процессуального требования к защите субъективных публичных прав или публично-правовых интересов.

Смысл обращения в административный суд в целях защиты права на получение публичных услуг состоит в том, чтобы не только признать неправомерными действия и решения, но и восстановить возможность реализации этого права. Кроме того, органы управления должны оказать содействие в осуществлении этого права. Видится вполне обоснованным обязательное участие прокурора при рассмотрении всех дел публично-правового характера.

Ученые выделяют принципиальные отличия административного иска от иных исковых заявлений. Во-первых, содержание административного иска предполагает публично-правовой спор. Во-вторых, рассматриваемый иск представляет собой требование о защите публичного права. В-третьих, стороной административного иска является субъект (должностное лицо, орган или организация), обладающий властной компетенцией. В-четвертых, при разрешении спора, заявленного административным иском, предполагается использование специальных процессуальных средств и механизмов, которые учитывают фактическое неравенство субъектов административно-правовых отношений и предусматривают особенности доказывания по делам, воз-

никающим из административных и иных публичных правоотношений. В-пятых, административный иск свидетельствует о возникновении разногласия между сторонами с противоположными юридическими интересами [19, с. 20].

Как указывает И. Н. Колядко, «использование института административного иска позволяет модернизировать используемые способы защиты, так как административный истец может притязать на применение императивно закрепленных способов защиты, а также тех видов положительных исков о присуждении, по которым должна устанавливаться обязанность государственного органа совершить определенные действия» [20, с. 49].

Таким образом, внесудебный порядок должен носить первичный характер, административная жалоба должна быть обязательным элементом процессуальных действий и служить юридическим фактом к возникновению публично-правового спора и субъективного права на реализацию публичной услуги.

Обоснованной видится точка зрения О. И. Чуприс, что «создание системы специализированного судебного рассмотрения административных дел не должно быть самоцелью, а должно стать завершающим этапом общего поступательного развития административной системы, сопровождающегося качественной реализацией прав и свобод граждан и юридических лиц» [21, с. 10].

Заключение

Структурно-функциональный анализ правовых отношений, обусловленных предоставлением публичных услуг, позволяет утверждать, что публичные договоры являются способами реализации публичных услуг как формы осуществления публичной деятельности, если они направлены на реализацию публичных (государственных) интересов. Сущность правоотношений, обусловленных предоставлением публичной услуги, сводится к тому, что выполнение конкретных государственных функций происходит на основе норм административного права посредством издания правового акта управления. Отношения на первом этапе являются административно-правовыми. На втором этапе решается вопрос о том, какие инструменты используются при предоставлении услуги (инструменты административного или гражданского права). Иными словами, при непосредственной реализации услуги используются нормы гражданского права, и отношения становятся гражданско-правовыми.

Правильное понимание и применение концепции сервисного подхода (а именно в его основе лежит предоставление публичных услуг) позволяет выйти за рамки исключительно частноправового метода регулирования административных правоотношений. Альтернативой двухэтапным правовым отношениям видится построение «одноступенчатых

правоотношений», которые вытекают из административного договора. Как следствие, признание административно-договорных отношений влечет за собой появление субъективного права на получение публичной услуги как комплекса прав и служит основой для применения императивных и диспозитивных норм в процессе реализации административно-правовых отношений. Также это право позволяет не только определить конкретные права и юридические обязанности участников, но и установить право требования от обязанной стороны совершения конкретных действий и право на защиту от нарушений со стороны обязанной стороны. Защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административно-правовых правоотношений, обусловленных предоставлением публичной услуги, а также мирное урегулирование споров, возникающих из таких административно-правовых правоотношений, требует закрепления административного судопроизводства как самостоятельного вида в судебной системе.

В целях практического правоприменения следует предусмотреть административную ответственность за нарушение законодательства об организации предоставления публичных услуг.

Библиографические ссылки

1. Васильева АФ. Теория правоотношений, складывающихся в сфере предоставления публичных услуг. *Государство и право*. 2010;7:90–94.
2. Козлов ЮМ. *Административные правоотношения*. Москва: Юридическая литература; 1976. 184 с.
3. Лупарев ЕБ, Добробаба МБ, Мокина ТВ. *Общая теория публичных правоотношений*. Москва: Юрлитинформ; 2011. 278 с.
4. Петров ГИ. *Советские административно-правовые отношения*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1972. 157 с.
5. Винницкий АВ. Право Евразийского экономического союза и российское административное законодательство: актуальные вопросы соотношения и взаимодействия. *Международное право и международные организации*. 2017;4:9–20. DOI: 10.7256/2454-0633.2017.4.25100.
6. Розенфельд ВГ. Современные проблемы формирования теории административного договора. *Правовая наука и реформа юридического образования*. 1995;3:6–51.
7. Тищенко СВ. Административный договор и его использование в деятельности исполнительных органов по охране окружающей среды. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2000;1:199–204.
8. Бахрах ДН. *Административное право*. Москва: Норма; 2008. 816 с.
9. Демин АВ. *Общие вопросы теории административного договора*. Красноярск: Красноярский государственный университет; 1998. 93 с.
10. Старилов ЮН. Административный договор: опыт законодательного регулирования в Германии. *Государство и право*. 1996;12:40–52.
11. Бахрах ДН, Демин АВ. Административный договор: вопросы теории. *Российский юридический журнал*. 1995;2:69–79.
12. Бодгаев ДБ. Юридическая природа и сущность административного договора. *Проблемы в российском законодательстве*. 2019;5:282–283.
13. Тихомиров ЮА. *Административное право и процесс*. Москва: Издательство Тихомирова М. Ю.; 2008. 696 с.
14. Алехин АП, Кармoliцкий АА, Козлов ЮМ. *Административное право Российской Федерации*. Москва: ЗЕРЦАЛО; 1998. 671 с.
15. Ротенберг АС. Административный договор [диссертация]. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации; 2006. 183 с.
16. Алексеев СС. *Общая теория права*. Москва: Проспект; 2008. 565 с.
17. Винницкий АВ. Учение о субъективных публичных правах: формирование, кризис и возрождение. *Право и политика*. 2018;12:12–26. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.12.28431.
18. Старилов ЮН. *От административной юстиции к административному судопроизводству*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета; 2003. 143 с.
19. Старилов ЮН. Новейшая административная юстиция в России: многотрудный путь к административному иску и специальной процессуальной форме. *Российская юстиция*. 2023;1:53–63. DOI: 10.52433/01316761_2023_01_53.
20. Зеленцов АБ. Понятие и виды административного иска. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2005;1:19–27.
21. Гвоздев ДВ. Особенности предмета и основания административного иска по законодательству Российской Федерации. *Административное право и процесс*. 2023;9:33–38. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-9-33-38.
22. Колядко ИН. Административный иск как средство унификации правосудия по гражданским и экономическим делам. В: Данилевич АА, Петрова ОВ, Самарин ВИ, редакторы. *Развитие судебной власти в Республике Беларусь. Материалы Международного круглого стола; 20 апреля 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2017. с. 45–50.
23. Чуприс ОИ, Жигалко ЕВ, Кухарьков ЮВ, Петоченко ТМ, Постовалова ТА, Сивец СМ и др. *Административно-правовые споры в социальной сфере: теоретико-прикладные вопросы*. Чуприс ОИ, редактор. Минск: БГУ; 2016. 267 с.

Статья поступила в редколлегию 19.06.2025.
Received by editorial board 19.06.2025.

СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНСТИТУЦИЙ: ТРЕНДЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Т. С. МАСЛОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются конституционные новеллы, свидетельствующие о содержательном расширении учредительных актов. Рассматриваются новые правовые конструкции, включая новые объекты конституционного регулирования. Анализ проводится на основе последних осуществленных конституционных реформ в некоторых государствах постсоветского пространства (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизстан, Узбекистан). Обращается внимание на усиление ценностного наполнения конституций, укрепление нравственных начал, национальных и самобытных черт, а также расширение положений, связанных с развитием научно-технического прогресса.

Ключевые слова: конституция; содержание конституции; постсоветские государства.

CONTENT OF MODERN CONSTITUTIONS: TRENDS IN THE POST-SOVIET SPACE

T. S. MASLOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines constitutional innovations that testify to the substantive expansion of constituent acts. New legal structures are considered, including new objects of constitutional regulation. The analysis is based on the latest constitutional reforms carried out in some post-Soviet states (Azerbaijan, Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan). Attention is drawn to the strengthening of the value content of constitutions, the strengthening of moral principles, national and original features, as well as the expansion of provisions related to the development of scientific and technological progress.

Keywords: constitution; content of the constitution; post-Soviet states.

Введение

Научная дискуссия относительно содержания конституции, ее оптимального объема, обязательных и возможных сфер конституционного регулирования, наличия в тексте учредительного документа «лишних» норм не теряет своей актуальности. Содержание конституции изменяется с течением времени путем внесения текстуальных поправок, а также в результате деятельности органов конституционного кон-

троля. Следует согласиться с Ю. Л. Шульженко в том, что если в конституции не будут отражаться существенные изменения, происходящие в общественной и государственной жизни, то она фактически может приобрести «характер исторического документа, не отражающего реальную действительность» [1, с. 9].

Современные конституции XXI в., к которым можно отнести как принятые, так и существенно обновленные

Образец цитирования:

Масловская ТС. Содержание современных конституций: тренды постсоветского пространства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2025; 2:34–39.

EDN: VVHCZK

For citation:

Maslovskaya TS. Content of modern constitutions: trends in the post-Soviet space. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2025;2:34–39. Russian.
EDN: VVHCZK

Автор:

Татьяна Станиславовна Масловская – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры конституционного права юридического факультета.

Author:

Tatiana S. Maslovskaya, PhD (law), docent; associate professor at the department of constitutional law, faculty of law. *maslovskayat@bsu.by*

основные законы, по сравнению с предшествующим поколением учредительных актов характеризуются определенными особенностями, в том числе особенностями их содержания. Сохраняя важнейшим объектом конституционного регулирования государство, современная конституция регулирует основы общественных отношений, включая экономическую, социальную, политическую системы общества, его духовную жизнь, правовой статус человека и гражданина, прямые и обратные взаимосвязи индивида, коллектива, государства, общества, путем применения государственной власти, используемой в конечном счете для создания и распределения социальных ценностей при сотрудничестве и состязании различных сил общества [2, с. 74].

Как свидетельствует опыт конституционных преобразований конца XX – первой четверти XXI в., в тексты

современных конституций включаются новые положения, расширяющие сферы и предмет конституционного регулирования. Во многом это обстоятельство обусловлено происходящими изменениями в экономической, политической, социальной жизни общества, возникновением новых явлений и вызовов, развитием научно-технического прогресса. Вследствие указанных факторов на уровень конституционного регулирования выносятся новые положения, требующие изучения и анализа. Учитывая многообразие существующих конституционных моделей, проводимых конституционных реформ в различных регионах мира, в контексте данного исследования научный интерес представляет анализ последних конституционных изменений в некоторых государствах постсоветского пространства.

Основная часть

Содержание и объем конституционного регулирования в разных государствах отличается с учетом времени принятия конституции, принадлежности к определенной правовой семье, правовых традиций, особенностей исторического, политического развития государства, уровня развития общества, существующих и используемых научных концепций и др. С одной стороны, в круг общественных отношений, урегулированных конституцией, обязательно включаются два блока: 1) конституционный статус личности (иногда только права и свободы человека и гражданина, гарантии их реализации); 2) организация публичной власти (на горизонтальном и вертикальном уровнях). С другой стороны, обновление конституций, вызванное объективными предпосылками (изменение и усложнение общественных отношений), требующими конституционализации с учетом современных вызовов, демонстрирует содержательное расширение конституционного регулирования. Т. Я. Хабриева подчеркивает, что «расширение предмета конституционного регулирования не только на политические, но и на экономические, социальные, духовно-нравственные, экологические отношения привело к появлению в теории права таких понятий, как «экономическая конституция», «экологическая конституция», «социальная конституция» [3, с. 36].

Безусловно, современные конституции богаче по содержанию, нежели действующие старые конституции. Как справедливо отмечает В. Е. Чиркин, современные конституции «становятся документами государства и общества». Современная конституция «расширяет объект регулирования и придает ему комплексный, системный характер. С этим связано изменение юридического содержания конституции, появление новых конституционных институтов, неизвестных ранее» [4, с. 23].

Конституционализация новых объектов выступает характерной чертой современных конституций XXI в. Отметим, что новые объекты конституционного регулирования исследуются автором настоящей статьи с 2012 г. [5; 6].

Следствием новеллизации конституций выступают увеличение объема конституционного текста и его детализация, во многом обусловленная расширением предмета конституционного регулирования, включением в тексты учредительных актов новых правовых конструкций. В тексты конституций включаются положения общего характера (новые нормы-принципы, нормы-цели), а использование конкретных норм расширяется. Так, в результате последних конституционных преобразований на постсоветском пространстве в тексты конституций были включены новые принципы: принцип социальной ответственности (Беларусь, 2022 г.), принципы всеобщности, справедливости и солидарности поколений (Россия, 2020 г.), принцип солидарности (Узбекистан, 2023 г.), принцип конституционно-правовой ответственности государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц перед народом (Кыргызстан, 2021 г.), принцип принадлежности народу земли и ее недр, воды, растительного и животного мира, других природных ресурсов (Казахстан, 2022 г.) и др. Многие из перечисленных принципов отражают запрос социума на справедливость, имеют коллективистские начала, объединительный потенциал, являются направленными на укрепление единства народа, а также на упрочение связи государства и народа.

Каждая конституция, по утверждению Т. Я. Хабриевой, «характеризуется определенной ценностной ориентацией, исходит из положений, признаваемых не только творцами конституции, но и народом страны в качестве идеалов данной цивилизации, в той или иной форме закрепляет их» [3, с. 37].

В последнее время для многих государств СНГ характерно расширение и уточнение каталога конституционных ценностей. Наряду с иными ценностями в конституциях закрепляются с использованием различных формул традиционные семейные ценности. Например, в Конституции Республики Беларусь брак трактуется как союз женщины и мужчины, в Конституции Российской Федерации – как союз мужчины

и женщины, Конституция Кыргызской Республики гласит, что «семья создается на основе добровольного вступления в брак мужчины и женщины», Конституция Республики Узбекистан закрепляет, что «брак основывается на традиционных семейных ценностях народа». По утверждению О. И. Чуприс, защита традиционных ценностей в Беларуси поднимается на новый уровень путем определения брака как союза женщины и мужчины, закрепления приоритета воспитания детей в семье, поскольку так удастся избежать замены традиционных понятий чуждыми псевдодемократическими идеалами, которые подрывают государство изнутри [7]. Таким образом, укрепление нравственных начал выступает конституционным ответом на этот вызов.

Укрепление ценностной составляющей конституции направлено на усиление коллективистских и объединяющих начал, что выступает формирующейся тенденцией конституционной модернизации в странах СНГ. Так, в результате последних конституционных изменений в учредительных актах нашли отражение такие ценности, как мир, гражданское согласие, благополучие граждан, социально справедливое общество (Беларусь), межконфессиональное и межнациональное согласие, достойная жизнь граждан, социальная справедливость, солидарность (Узбекистан), процветание государства (Беларусь, Узбекистан). Таким образом, мир, безопасность, согласие, благополучие, социальная справедливость в современных условиях выступают важнейшими конституционными ценностями. Наряду с провозглашенными традиционными ценностями они являются объединяющим началом.

В конституциях ряда государств расширяются и усиливаются положения о национальной самобытности. Так, в учредительные акты государств (как правило, в их преамбулы) включаются положения о сохранении национальной самобытности, опоре на культурные и духовные традиции (Беларусь), сохранении верности традициям предков, следовании заветам Манаса Великодушного жить в единстве, мире и согласии, в гармонии с природой (Кыргызстан). Кроме того, Кыргызстан является единственным государством на постсоветском пространстве, где конституционно воссозданы традиционные суды – суды аксакалов. Поправкой к Конституции Российской Федерации 2020 г. в нее были включены положения о русском языке как языке государствообразующего народа, культуре как уникальном наследии многонационального народа, сохранении этнокультурного и языкового многообразия, веры в Бога, т. е. конституционно был formalизован социокультурный код.

Следует отметить, что в новую Конституцию Кыргызской Республики 2021 г. была включена глава III «Духовно-культурные основы общества», в которой закрепляется обязанность государства заботиться о развитии культуры народа Кыргызстана, сохраняя обычай и традиции, не ущемляющие права и свободы человека, охранять историческое, материальное

и духовное наследие народа, обеспечивать межэтническое и межконфессиональное согласие (ч. 1, 3, 4 ст. 21). Более того, почитание старших и уважение к младшим конституционно закрепляется как священная традиция народа (ч. 2 ст. 21). Таким образом, конституционный текст демонстрирует не только распространение конституционного регулирования на духовно-культурные отношения, но и усиливает национальные самобытные черты.

Обратим внимание на то, что усиление самобытности содержания конституций некоторых постсоветских государств проявляется также в конституционизации статуса новых представительных органов (например, Народного Курултая в Кыргызстане).

Ряд постсоветских конституций включает в свои тексты нормы о патриотизме, исторической правде и исторической памяти (Беларусь, Россия), что является объединяющим началом. Используя различные конституционные формулы, государства акцентируют внимание на обеспечении сохранения исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (Беларусь), почитании памяти защитников Отечества, обеспечении защиты исторической правды (Россия). Отметим, что закрепление отдельных конституционных ценностей формально воплощается в положениях обязывающего характера. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 54 Конституции Республики Беларусь сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа и патриотизм признаются долгом каждого гражданина. Как справедливо отмечает Г. А. Василевич, этот долг можно рассматривать как священную обязанность передавать из поколения в поколение те сведения о героической борьбе против гитлеровских захватчиков за свободу и независимость, которыми обладают участники войны, их дети и внуки [8, с. 16].

Историческая память – это память об историческом прошлом и его приоритетах [9, с. 213]. Выделение ключевых исторических событий в качестве важнейших эпизодов коллективной памяти имеет огромное значение, поскольку выступает одной из основ, объединяющих народ. Великая Отечественная война является значимым эпизодом в белорусской истории, в исторической памяти белорусского народа она сохраняется как судьбоносное и символическое событие. Таким образом, сохранение памяти о Великой Отечественной войне усиливает связь с прошлым и одновременно выступает важнейшим условием дальнейшего развития государственности.

Наблюдается усиление социальной составляющей конституций ряда государств (Беларусь, Россия, Узбекистан). Например, количество норм социальной направленности в Конституции Республики Узбекистан в редакции 2023 г. увеличивается в три раза. Среди таких норм закрепление обязательств государства по снижению уровня бедности, обеспечению жильем социально уязвимых слоев населения, привязке размеров пенсий и пособий к минимально-

му потребительскому бюджету (а не к прожиточному минимуму, как в прежней редакции). Следует обратить внимание на введенное в 2023 г. в Основной Закон Республики Узбекистан оригинальное положение о труде учителя, который признается основой развития общества и государства, формирования и воспитания здорового, гармонично развитого поколения, сохранения и приумножения духовного и культурного потенциала народа (ч. 1 ст. 52). В Конституцию Российской Федерации в 2020 г. включается положение об уважении труда граждан, обязанность государства гарантировать минимальный размер оплаты труда, составляющей не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (ч. 5 ст. 75). В Конституции Кыргызской Республики 2021 г. установлена обязанность государства заботиться о повышении статуса педагогических работников (ч. 2 ст. 22).

Таким образом, в ряде конституций акцентируется внимание на роли труда, распределении социальных благ, усилении защиты уязвимых слоев населения, социальной справедливости, солидарности.

Расширение конституционного регулирования осуществляется посредством включения в тексты учредительных актов как законодательных положений, так и принципиально новых норм. Как отмечает Т. Я. Хабриева, перевод положений законов на конституционный уровень, их «вхождение» в конституцию – новое явление для российской конституционной практики, уже получившее в доктрине название конституционной легитимации законодательных норм [10, с. 21–22]. Отметим, что данный инструмент использовался не только в процессе обновления российской Конституции в 2020 г. В частности, в 2022 г. в белорусскую Конституцию с опорой на действующие законодательные акты были включены положения об инновациях (ч. 4 ст. 51, ч. 5 ст. 107), персональных данных (ч. 2 ст. 28), государственно-частном партнерстве (ч. 5 ст. 107). Эти положения выступают новыми для конституционного регулирования, но не являются таковыми в рамках законодательного регулирования. Введение в ранг конституционных норм отдельных законодательных положений усиливает их значение и трансформирует их юридическую силу. В Конституции Российской Федерации в 2020 г. появились положения, относящиеся к научно-технологическому развитию, добровольной (волонтерской) деятельности.

Включение в конституционный текст положений об инновациях, научно-технологическом развитии является отражением современных приоритетов как государственного и общественного развития в целом, так и конституционного развития в частности. Оно демонстрирует определенное смещение акцентов в государственной политике – повышение роли науки и инноваций, которые выступают «локомотивом» научно-технического прогресса. «Машинистом» этого «локомотива» является человек творческий. Это важный элемент концептуального видения развития государства на основе интеллектуального фак-

тора. Белорусская стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» определяет модель развития государства «Беларусь интеллектуальная». В соответствии с ней высокоинтеллектуальный человек – это творец, постоянно повышающий свои компетенции, иными словами, человек работающий, проявляющий творческую активность. При этом он должен быть ответственным. Введенная в Конституцию Республики Беларусь в 2022 г. норма о социальной ответственности подтверждает данный тезис. Более того, в результате конституционных преобразований 2022 г. был усилен акцент на интеллектуальное развитие человека как важнейший приоритет государственной политики. С учетом того, что дальнейшее развитие научно-технического прогресса основывается, в первую очередь, на высоком уровне интеллекта, новая статья 32¹ Конституции Республики Беларусь возлагает на государство обязанность способствовать не только духовному и физическому, но и интеллектуальному развитию молодежи, создавать необходимые условия для ее свободного и эффективного участия в общественной жизни, реализации потенциала молодежи в интересах всего общества.

Обратим внимание на фундаментальное положение ч. 1 ст. 21 Конституции Кыргызской Республики 2021 г., определяющее, что «развитие общества и государства опирается на научные исследования, современные технологии и инновации». Представляется, что подобные основополагающие нормы желательно включать в тексты современных конституций. В то же время, помимо общих положений, связанных с научными исследованиями, предпочтительным является обогащение конституций положениями, которые можно назвать «конституционной реакцией», конституционным ответом на новшества, появившиеся в результате научных достижений, развития науки и технологий.

В отдельных конституциях появляются новаторские положения, связанные с конституционализацией отношений в сфере развития атомной энергетики. Примером выступает положение ч. 3 ст. 46 Основного Закона Республики Беларусь, в первую очередь относящееся к функционированию белорусской атомной электростанции, которое закрепляет два стратегических момента, уточняя приоритеты современного этапа развития: исключительно мирный характер атомной энергетики, а также ее безопасное производство и использование. Таким образом подчеркиваются приоритетные конституционные ценности – мир и безопасность.

Эволюция современной конституции идет по пути постепенного перехода от лаконичных конституционных конструкций к их детализации в определенных случаях – в конституциях появляется все больше конкретных норм. Примером могут служить внесенные в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации положения о проведении индексации пенсий не реже одного раза в год, о гарантировании государством минимального размера оплаты труда, составляющего не менее величины прожиточного

минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (ст. 75).

В конституциях стран постсоветского пространства находят отражение фундаментальные положения, относящиеся к конституционному статусу личности. Так, в Конституцию Азербайджанской Республики в 2016 г. были внесены дополнения, устанавливающие, что человеческое достоинство защищается и уважается, а злоупотребление правами не допускается (ст. 24). В отдельных случаях в конституции вносятся положения, вытекающие из научных открытий и учитывающие риски, которые влекут за собой некоторые из них. Например, в Конституции Республики Армения 1995 г. в редакции 2015 г. закрепляется, что в областях медицины и биологии в частности запрещаются евгенические опыты, превращение органов и тканей человека в источник прибыли, репродуктивное клонирование человека (ч. 3 ст. 25). Представляется, что современная конституция должна реагировать на развитие научно-технического прогресса, по возможности предотвращать определенные последствия, которые могут возникнуть в результате новых открытий.

Распространена практика введения норм, устанавливающих наряду с общими дополнительные гарантии защиты прав и свобод отдельных категорий населения (в частности, инвалидов, детей, молодежи). Например, в Конституцию Азербайджанской Республики в 2016 г. были внесены изменения, предусматривающие гарантии лицам с физическими и умственными недостатками: «Лица с физическими и умственными недостатками пользуются всеми правами и несут обязанности, закрепленные в настоящей Конституции, за исключением прав и обязанностей, осуществление которых осложняется в силу их ограниченных возможностей» (ст. 25). В конституциях ряда постсоветских государств дополняются и усиливаются правозащитные механизмы. Это обстоятельство связано с введением поста Уполномоченного по правам человека (Казахстан), Уполномоченного по правам ребенка (Киргизстан), закреплением возможности подать конституционную жалобу (Беларусь, Казахстан, Узбекистан). Таким образом отражается общая тенденция укрепления правового характера государства. Помимо этого, вводятся нормы о запрете смертной казни (Казахстан, Узбекистан).

Кроме традиционных объектов конституционного регулирования (основы конституционного статуса личности, основы организации и деятельности системы государственных органов и др.), в качестве самостоятельного объекта можно выделить цифровую сферу. О конституционно-правовой природе цифровой сферы и объективной необходимости ее конституционализации автор высказывался в 2019 г. [11].

Объем конституционной регламентации данной сферы зависит не только от технологического уровня развития государства, но и от его готовности регулировать эту быстро развивающуюся сферу. В настоящее время наблюдается фрагментарная конституционная регламентация положений, относящихся к цифровой

сфере. Так, некоторые постсоветские конституции в результате последних конституционных преобразований обогащаются положениями об информационных технологиях, обороте цифровых данных (Россия), обеспечении доступа к интернету (Узбекистан), охране государством цифровой безопасности (Киргизстан), персональных данных (Беларусь, Узбекистан). Отметим, что в Основном Законе Республики Беларусь закрепляется положение о создании государством условий для защиты персональных данных, а также безопасности личности и общества при их использовании (ч. 2 ст. 28). Конституция Республики Узбекистан фиксирует право каждого на защиту своих персональных данных, а также право требовать исправления недостоверных данных, уничтожения данных, собранных о нем незаконным путем или более не имеющих правовых оснований (ч. 3 ст. 31). При этом в текстах учредительных документов отсутствуют положения о цифровом достоинстве, цифровом неравенстве, искусственном интеллекте, больших данных, алгоритмах, цифровых платформах и пр. Было бы целесообразным на первом этапе определить параметры цифровой личности, цифрового общества и цифрового государства посредством закрепления общих принципов с возможной последующей их детализацией на уровне конституции.

В конституциях закрепляются новые объекты не только конституционного, но и правового регулирования, которые представляют собой конституционное начало для дальнейшего правового регулирования. Некоторые из них, по мнению автора, можно именовать конституционными инновациями, что выступает проявлением конституционной модернизации [12].

Принципиально новым объектом конституционного регулирования является гражданское общество. Анализ положений конституций XXI в. показывает, что термин «гражданское общество» достаточно редко встречается в учредительных актах. На постсоветском пространстве данный объект был закреплен в результате последних конституционных реформ в Основном Законе Республики Беларусь (2022 г.), Основном Законе Киргизской Республики (2021 г.), Основном Законе Российской Федерации (2020 г.), Основном Законе Республики Узбекистан (2023 г.). Регламентация гражданского общества на конституционном уровне в Конституции Республики Беларусь осуществляется посредством определения состава Всебелорусского народного собрания (оно, в свою очередь, также является новым объектом конституционного регулирования и нуждается в отдельном изучении), в Конституции Российской Федерации – посредством закрепления полномочия Правительства осуществлять меры по поддержке гражданского общества, в Конституции Киргизской Республики – посредством закрепления полномочия Кабинета Министров обеспечивать эффективное взаимодействие с гражданским обществом. Следует отметить, что в новой редакции Конституции Республики Узбекистан 2023 г. появилась новая глава XIII «Институты гражданского общества», включенная в раздел третий «Общество

и личность», в которой определяется, что «институты гражданского общества, в том числе общественные объединения и другие негосударственные некоммерческие организации, органы самоуправления граждан, средства массовой информации, образуют основу гражданского общества» (ч. 1 ст. 69), и закрепляются основы деятельности общественных объединений, включая политические партии, профсоюзы, религиозные организации.

В последние пять лет при ослаблении влияния глобализационных процессов на конституционное развитие постсоветских государств (за исключением отдельных стран) конституции, сохраняя общие базовые принципы (народный суверенитет, разделение властей и др.), все более четко проявляют специфические, оригинальные черты. В литературе отмечается, что «конституционные реформы XXI в. демонстрируют уникальный всплеск самобытности» [10, с. 18].

Заключение

В рамках данной статьи внимание обращается лишь на отдельные новеллы конституций постсоветского пространства, содержание конституционных изменений в указанном регионе, безусловно, требует дальнейшего детального изучения.

Опыт конституционных преобразований подтверждает тезис о том, что содержание современных конституций обогащается за счет включения новых правовых конструкций, расширяющих сферы и предмет конституционного регулирования. Это обстоятельство во многом обусловлено происходящими изменениями в обществе и государстве, новыми вызовами, в том числе развитием научно-техниче-

Данный тезис относится и к ряду постсоветских государств (Беларусь, Россия и др.). По справедливому утверждению О. И. Чуприс, изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь 2022 г. олицетворяют самобытность Основного Закона [13].

С одной стороны, обновление постсоветских конституций, предопределенное объективными предпосылками изменения общественных отношений, которые требуют конституционализации с учетом современных вызовов, свидетельствует о содержательном расширении конституционного регулирования. С другой стороны, опыт последних проведенных в некоторых государствах постсоветского пространства конституционных реформ дает основания утверждать, что конституции становятся более узнаваемыми применительно к конкретной стране, вводят оригинальные правовые конструкции, усиливая свои самобытные черты.

Библиографические ссылки

1. Шульженко ЮЛ. О понятии «правовая охрана Конституции». *Государство и право*. 2002;7:5–12.
2. Хабриева ТЯ, Чиркин ВЕ. *Теория современной конституции*. Москва: Норма; 2005. 320 с.
3. Хабриева ТЯ. *Конституционная реформа в современном мире*. Москва: Наука; 2016. 320 с.
4. Чиркин ВЕ, редактор. *Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование*. Москва: Норма; 2011. 656 с.
5. Масловская ТС. Некоторые направления конституционных изменений в зарубежных странах на современном этапе. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2012;3:54–62.
6. Масловская ТС. Новые направления конституционных реформ в зарубежных странах (динамика последних пяти лет). *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2016;4:82–88.
7. Чуприс ОИ. Предпосылки принятия и сущность основных положений Концепции правовой политики Республики Беларусь. *Государство и право*. 2023;11:170–177.
8. Василевич ГА. Новеллы белорусской конституции как фактор устойчивого развития государства. *Право.ру*. 2022;2:14–23.
9. Миклашевич ПП, Чуприс ОИ, Василевич ГА, редакторы. *Конституция Республики Беларусь: научно-практический комментарий*. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь; 2024. 544 с.
10. Хабриева ТЯ, Клишас АА. *Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организаций и функционирования публичной власти»*. Москва: Норма; 2020. 240 с.
11. Масловская ТС. Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия. *Конституционное и муниципальное право*. 2019;9:18–22.
12. Масловская ТС. Новые объекты конституционного регулирования (на примере обновленной Конституции Республики Беларусь). В: Ящук ТФ, редактор. *Правоприменение в публичном и частном праве. Материалы Международной научной конференции; 24 марта 2023 г.; Омск, Россия*. Омск: Издательство Омского государственного университета; 2023. с. 185–190.
13. Чуприс ОИ. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности. *Право.ру*. 2022;2:5–13.

ФИНАССОВОЕ ПРАВО И НАЛОГОВОЕ ПРАВО

FINANCE LAW AND TAX LAW

УДК 347.73, 343.37

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕЗУМПЦИИ ПРАВОТЫ ПРОВЕРЯЕМОГО СУБЪЕКТА (НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА)

А. А. ПИЛИПЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируются теоретические и прикладные аспекты применения презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика), предусматривающей принятие решения в его пользу в случае неясности или нечеткости предписаний актов законодательства. Делается вывод о первичности применения рассматриваемой презумпции по сравнению с запросами налогоплательщиков по разъяснению налогового законодательства. Предлагаются изменения законодательства, направленные на оптимизацию правового регулирования презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика).

Ключевые слова: налогоплательщик; презумпция; презумпция правоты налогоплательщика; письменные разъяснения; контрольные мероприятия.

Образец цитирования:

Пилипенко А.А. Дискуссионные вопросы применения презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика). *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;2:40–45.
EDN: SWBQVP

For citation:

Pilipenka AA. Controversial issues of application of the presumption of rightness of the audited entity (taxpayer). *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;2:40–45. Russian.
EDN: SWBQVP

Автор:

Александр Анатольевич Пилипенко – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры государственного управления юридического факультета.

Author:

Aleksandr A. Pilipenka, PhD (law), docent; associate professor at the department of state administration, faculty of law. pilipenko-bsu@mail.ru

CONTROVERSIAL ISSUES OF APPLICATION OF THE PRESUMPTION OF RIGHTNESS OF THE AUDITED ENTITY (TAXPAYER)

A. A. PILIPENKA^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article analyses theoretical and applied aspects of application of the presumption of the rightness of the audited entity (taxpayer), which provides for the adoption of a decision in the event of ambiguity or vagueness of the provisions of legislative acts in its favour. A conclusion about the primacy of application of the presumption in question compared to taxpayers' requests for clarification of tax legislation is made. Changes in legislation aimed at optimising the legal regulation of the presumption of the rightness of the audited entity (taxpayer) are proposed.

Keywords: taxpayer; presumption; presumption of the rightness of the taxpayer; written explanations; control measures.

Введение

В контексте создания оптимальной модели взаимоотношений налогоплательщиков и контролирующих органов важное значение имеют презумптивные начала, в том числе презумпция правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика).

Попытки введения данной презумпции в правовую материю белорусской действительности предпринимались на начальном этапе кодификации налогового законодательства, о чем долгое время свидетельствовали лакуны в п. 6 ст. 2 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК) в редакции до 1 января 2019 г. С 1 января 2010 г. вступил в силу Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 510), что позволило совместить положения данного нормативного правового акта и НК, в который были внесены соответствующие изменения, направленные на дополнение п. 7 ст. 3 частью второй следующего содержания: «В случае неясности или нечеткости предписаний актов налогового законодательства государственными органами и должностными лицами решения должны приниматься в пользу

плательщиков». Ранее элементы данной презумпции были закреплены в подп. 1.2 п. 1 Директивы Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2 «О демократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения», в котором устанавливалось, что при принятии решений, затрагивающих права и законные интересы граждан, следует неукоснительно соблюдать требования законодательства. В случае неясности или нечеткости предписаний правового акта решения должны приниматься исходя из максимального учета интересов граждан. В рамках декларируемой либерализации экономических отношений на современном этапе развития Беларусь подп. 9.1 п. 9 Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» также закрепил правило, согласно которому в случае неясности или нечеткости предписаний актов законодательства суды, другие государственные органы и организации, должностные лица принимают решения в пользу субъектов предпринимательской деятельности и граждан.

Основная часть

Отметим, что с 1 января 2019 г. (со вступлением в силу новой редакции НК) презумпция правоты налогоплательщика обрела обновленные правовые черты. Так, если до вышеуказанной даты, как отмечалось выше, решения в пользу налогоплательщиков должны были приниматься в случае неясности или нечеткости предписаний актов налогового законодательства, то в настоящее время императивность ч. 2 п. 6 ст. 3 НК распространяется на случаи выявления пробелов в налоговом законодательстве (правовом регулировании), внутренних противоречий в актах налогового законодательства либо иных недостатков, создающих правовую неопределенность. Таким образом, ответственность за дефекты законодательного регулирования не

может быть переложена на налогоплательщиков. Эти дефекты не должны служить основой для дистанцирования контролирующими органами от обязательного применения презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика). Более того, упомянутое дистанцирование является незаконным в силу существования императивных положений подп. 1.1 п. 1 ст. 108 НК об обязанности налоговых органов и их должностных лиц действовать в строгом соответствии с законодательством. Данная обязанность корреспондирует с правом налогоплательщиков требовать от должностных лиц налоговых органов соблюдения актов налогового законодательства при совершении ими действий в отношении плательщиков (подп. 1.8 п. 1 ст. 21 НК). Таким образом,

каждое противоречивое (сомнительное) решение, принимаемое не в пользу налогоплательщика, будет приводить к необоснованному обогащению государства и, соответственно, подрывать доверие к нему и действиям его представителей. В настоящее время создана соответствующая палитра нормативных установлений презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика), призванная создать благоприятные условия для предпринимательской деятельности.

Презумпция правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика) является составной частью презумпции невиновности. Однако в контрольной (надзорной) деятельности классическая рецепция презумпции невиновности проверяемого субъекта (налогоплательщика) из административного и уголовного законодательства невозможна по причине неприменения к ним мер юридической ответственности в рамках Указа № 510 и НК и, соответственно, определения виновности (невиновности) в совершении правонарушения (преступления). Более подробно презумпция невиновности будет рассмотрена ниже. Терминологическая взаимосвязь вышеуказанных презумпций в силу их согласованности и дополненности позволяет использовать принцип правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика) в рамках прикладного конструирования принципа правовой определенности, который согласно правовой позиции Конституционного Суда Республики Беларусь предполагает ясность, точность, не-противоречивость и логическую согласованность правовых норм¹. Следует обратить внимание на различное системное структурирование вышеуказанных принципов в налоговом законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации. Если п. 5 ст. 6 НК только постулирует установление налога посредством определения существенных элементов налогообложения, что свидетельствует о нормативном размежевании принципа определенности и принципа правоты налогоплательщика, то ч. 1 п. 6 ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК России) закрепляет нормативное правило, в соответствии с которым акты законодательства о налогах и сборах должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал перечень налогов (сборов), которые он должен платить, а также время и порядок их оплаты. Это, в свою очередь, позволяет вести речь о более сущностной доминанте применения п. 6 ст. 3 НК России, в соответствии с которой все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сборов).

Появление презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика) во многом обусловлено причинами объективного характера, предопределенные сложными процессами становления и развития налогового законодательства. Как отмечает Г. А. Гаджиев, «очевидная сложность динамических связей налогового законодательства с изменчивой экономической действительностью создает проблемы и противоречия правовых норм» [1, с. 19]. М. В. Каравесова постулирует следующее: «Презумпция правоты налогоплательщика весьма актуальна во все времена, ибо налоговое законодательство постоянно меняется и является слишком сложным. Естественно, в налоговом законодательстве весьма часто появляются противоречивые, неясно сформулированные нормы» [2, с. 75].

Историческая и современная юридическая наука (в том числе и финансово-правовая) в качестве футурологической аксиологической парадигмы рассматривают ясность и непротиворечивость законодательства как его имманентные свойства, восходящие к известному правилу, сформулированному еще древнеримскими юристами: *leges intellegi ab omnibus debent* (законы должны быть понятны каждому). В свое время И. А. Покровский отмечал, что одно из первых и самых существенных требований, которые предъявляются к праву развивающейся человеческой личностью, является требование определенности правовых норм. Если каждый отдельный человек должен подчиняться праву, если он должен приспособливать свое поведение к его требованиям, то очевидно, что первым условием упорядоченной общественной жизни является определенность этих требований. Всякая неясность в этом отношении противоречит самому понятию правопорядка и ставит человека в весьма затруднительное положение: неизвестно, что исполнять и к чему приспособливаться. И естественно, что чем быстрее развивается индивидуальная самодеятельность, тем быстрее растет эта потребность в определенности права. Индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят. Логически право на определенность правовых норм есть одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности, которое только себе можно представить. Без него, в сущности, вообще ни о каком «праве» не может быть речи [3, с. 89].

Современное научное осмысление вышеуказанных тезисов в налоговой сфере происходит в аналогичном направлении [4, с. 13]. Однако данное направление имеет свои ограничения в силу невозможности

¹ О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О введении в действие Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь, внесении изменений и дополнений в Общую часть Налогового кодекса Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Беларусь и их отдельных положений по вопросам налогообложения» [Электронный ресурс] : Решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 23 дек. 2009 г., № Р-412/2009 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

создать идеальное законодательство, что постулируется большинством представителей финансово-правовой науки. Как полагает А. В. Демин, «добиться абсолютной определенности закона объективно невозможно, любые нормы всегда носят лишь относительно определенный характер» [5, с. 154]. О. О. Журавлева считает, что «норма права всегда абстрактна и зачастую неполна» [6, с. 52]. Отдельные исследователи рассматривают неопределенность правовых норм с точки зрения юридической техники: «Нельзя не признать и того, что порой тексты налоговых актов написаны таким образом, будто их авторы специально ставили перед собой цель, чтобы рядовые граждане ничего в этих текстах не поняли» [7, с. 148]. Другие авторы объясняют такую неопределенность общим низким уровнем разработанности законодательства. Так, по мнению, О. В. Панюшова, «различное понимание налоговых норм налогоплательщиками (плательщиками сборов, налоговыми агентами) и налоговыми (финансовыми) органами – показатель низкого качества налогового законодательства» [8, с. 7].

С точки зрения проникновения в глубину рассматриваемого явления более важным представляется не постулирование неопределенности налогового законодательства как его основы, а научно-прикладное осмысление последствий такой неопределенности, одним из которых является использование произвольного усмотрения должностными лицами контролирующих органов в процессе правоприменения соответствующих правовых норм [5, с. 149; 9, с. 96–97; 10, с. 36]. Как отмечает А. В. Демин, «неопределенность содержания правовой нормы допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе реализации права, что приводит к разногласиям, произволу, правовым конфликтам» [11, с. 149]. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации законы о налогах должны содержать четкие и понятные нормы, поскольку расплывчатость налоговой нормы может привести к несогласующемуся с принципом правового государства произвольному и дискриминационному ее применению государственными органами и должностными лицами в их отношениях с налогоплательщиками, что повлечет нарушение принципа юридического равенства граждан перед законом. Формальная определенность налоговых норм предполагает их достаточную точность, чем обеспечивается их правильное понимание и применение².

Терминологически для характеристики дефектов законодательства в системной взаимосвязи с применением презумпции правоты используются, как правило, следующие понятия: «неустранимые со-

мнения», «противоречия», «неясность», «нечеткость». При этом законодатель (в том числе белорусский (в первую очередь, в рамках Указа № 510)) не раскрывает вышеуказанные дефиниции, что можно признать определенным недостатком в силу отсутствия адекватной нормативной коммуникации с другими категориями и существования соответствующих сложностей в правоприменении. Кроме того, пассивное поведение законодателя по рассмотрению данного вопроса обусловлено объективными причинами (невозможность с помощью законодательного дефинирования вышеуказанных терминов разрешить потенциальные противоречия между имеющимися зачастую противоположными интересами налогоплательщиков и контролирующих органов). В связи с этим с 1 января 2019 г. в рамках НК направленность нормативного воздействия на рассматриваемую группу отношений стала обладать расширительным свойством, когда правовая неопределенность начала опосредоваться менее узкими понятиями: пробелы в налоговом законодательстве (правовом регулировании), внутренние противоречия, а также иные недостатки.

В то же время в финансово-правовых исследованиях предпринимаются определенные попытки дать научную характеристику вышеуказанным терминам. Например, А. И. Худяков, М. Н. Бродский, Г. М. Бродский полагают, что сомнения – это состояние, когда правовая норма выражает неуверенность законодателя в правильности принятого решения, противоречия – это наличие двух и более норм, содержащих различные предписания по одному и тому же вопросу, неясность – это отсутствие четкого и ясного предписания [7, с. 149–150]. А. П. Терехина определяет неясность как «наличие пробелов или оценочных категорий, не позволяющих однозначно установить действительную волю законодателя. В целом акты налогового законодательства не должны содержать оценочные категории» [12, с. 38]. В этом состоит отличие налогового права от частноправовых отраслей, насыщенных диспозитивными нормами». Небезынтересной представляется точка зрения О. И. Долгополова, по мнению которого «в спорных ситуациях должна действовать презумпция правоты собственника, поступающего наиболее выгодным для себя способом» [13, с. 23].

Предтечей применения презумпции правоты проверяемого субъекта (в первую очередь, плательщика, а в перспективе проверяемого субъекта предпринимательской деятельности) является предоставленное подп. 1.1 п. 1 ст. 21 НК право плательщика получать от налоговых органов и других уполномоченных государственных органов письменные

²По делу о проверке конституционности подпункта «к» пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации «О налоге на добавленную стоимость» в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Конфетти» и гражданки И. В. Савченко [Электронный ресурс] : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 28 марта 2000 г., № 5-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2025.

разъяснения по вопросам применения актов налогового законодательства, которое корреспондирует с обязанностью налоговых органов и их должностных лиц (подп. 1.8 п. 1 ст. 108 НК). Аксиоматично, что такое обращение со стороны налогоплательщика возможно в случае неясности или нечеткости законодательства, зачастую являющихся препятствием для исполнения в интересах публичного образования налогового обязательства. По нашему мнению, проверяемые субъекты (налогоплательщики) должны не ставить вопрос о позволительном применении в отношении них легально закрепленного и широко декларируемого принципа презумпции правоты, а требовать его безусловного соблюдения и применения. Однако данное обращение (запрос) со стороны контролирующего (налогового) органа получает естественную ответную интерпретацию как отрицание наличия неясности или нечеткости законодательства и постулирует выполнение налогового обязательства в сторону повышательного обеспечения исполнения бюджетов различных уровней (бюджетная фискализация). Более того, на практике возможна ситуация, когда различные налоговые органы по запросу налогоплательщиков могут дать противоречивые (отличающиеся друг от друга) разъяснения (ответы). Представляется, что в данном случае, исходя из прикладной реализации презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика), необходимо руководствоваться теми разъяснениями, которые даны в его пользу, так как разность подходов налоговых органов по вопросу применения одной и той же нормы демонстрирует ее неясность и противоречивость.

Отметим, что письменные разъяснения со стороны налоговых органов в определенной степени являются препятствием для оптимально конструктивного применения принципа презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика). Это обстоятельство, в свою очередь, должно послужить для перспективного новационного моделирования правовой реальности с однозначным первичным применением рассматриваемой презумпции по сравнению с ответом на письменный запрос налогоплательщика. Возможное ущемление экономических интересов государства изначально компенсируется созданием для себя более чем приемлемой правовой модели сосуществования с субъектами предпринимательской деятельности. В связи с этим В. А. Белов справедливо отмечает следующее: «Этакая “игра” в одни ворота получается: голы одной команды (“государства”) засчитываются даже тогда, когда мяч пролетает рядом с воротами или попадает в штангу, а голы другой (“налогоплательщиков”) не считаются даже в том случае, когда мяч влетает в сетку» [14, с. 54]. В случае возникновения неясностей или нечеткостей в актах законодательства в них можно внести соответствующие изменения и дополнения. Определенный временной зазор между

указанными правовыми явлениями позволит впоследствии соответствующим государственным органам осуществлять законодательное регулирование экономических отношений более тщательно, так как в настоящее время наблюдается ситуация, когда неясность или нечеткость правовых норм ставит под сомнение возможность защиты прямых интересов государства. Так, ч. 5 п. 73 Положения № 510 определяет, что решение по акту проверки, требование (предписание) об устранении нарушений являются обязательными для исполнения проверяемым субъектом и не получает нормативного развития в русле определения конкретного срока исполнения.

Важным представляется решение вопроса правовой синхронизации положений Указа № 510 и НК, поскольку в настоящее время положения НК, как было показано выше, имеют значительно больший регулятивный потенциал снижения градуса конфликтности налоговых отношений. При этом налоговое законодательство не регулирует весь спектр контрольных мероприятий. В контексте основной классификации проверок на камеральные и выездные абзац 19 п. 23 Указа № 510 прямо определяет, что данный документ не применяется при осуществлении проверок, проводимых по месту нахождения контролирующего (надзорного) органа на основании изучения документов и информации, которые получены контролирующим (надзорным) органом в соответствии с законодательством, без истребования от проверяемого субъекта иных документов (камеральных проверок). Соответственно, проведение камеральных проверок регламентируется положениями НК. В отношении выездных налоговых проверок ч. 1 ст. 72 НК предусматривает, что порядок организации и проведения проверок устанавливается Президентом Республики Беларусь, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь. Подпункт 2.2 п. 2 ст. 72 НК в развитие положений ч. 3 п. 1 ст. 72 прямо определяет, какие именно выездные проверки регламентируются непосредственно данным кодексом. Анализ исключительного перечня таких проверок свидетельствует об отсутствии в нем самого распространенного вида выездных налоговых проверок, когда на основании предписания руководителя (заместителя руководителя) налогового органа проводится выборочная или внеплановая проверка. Таким образом, проведение вышеуказанных проверок в данном случае регламентируется Указом № 510, и они подпадают под правовое воздействие презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика) с меньшим регулятивным потенциалом. В контексте вышеизложенного полагаем целесообразным ч. 3 п. 3 Указа № 510 изложить в следующей редакции: «В случае выявления пробелов в законодательстве (правовом регулировании), внутренних противоречий в актах законодательства либо иных недостатков, создающих правовую неопределенность, решения должны приниматься в пользу проверяемого субъекта».

Заключение

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) научно-доктринальные подходы к осмыслению и применению рассматриваемой темы позволяют говорить о неоднозначной перспективе законодательного определения терминов «неясность» и «нечеткость» законодательства в контексте невозможности формализации противоположных позиций должностных лиц контролирующих органов и проверяемых субъектов (налогоплательщиков) по вопросу уяснения норм законодательства;

2) в контексте соотношения презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика) и пись-

менных разъяснений налогового законодательства необходимо строго следовать закрепленной в законодательстве рассматриваемой правовой конструкции (презумпции);

3) для действенной реализации презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика) представляется целесообразным ч. 3 п. 3 Указа № 510 изложить в следующей редакции: «В случае выявления пробелов в законодательстве (правовом регулировании), внутренних противоречий в актах законодательства либо иных недостатков, создающих правовую неопределенность, решения должны приниматься в пользу проверяемого субъекта».

Библиографические ссылки

1. Гаджиев ГА. Особенности толкования норм налогового законодательства. *Налоговед*. 2009;8:13–21.
2. Карасева МВ. Презумпции и фикции в части первой Налогового кодекса Российской Федерации. *Журнал российского права*. 2002;9:71–80.
3. Покровский ИА. Основные проблемы гражданского права. Москва: Статут; 1998. 353 с.
4. Брызгалин АВ. Ясность налогового закона или все сомнения в пользу налогоплательщиков. *Налоговый вестник*. 1999;10:13–18.
5. Демин АВ. *Налоговое право России*. Москва: Юрлитинформ; 2006. 424 с.
6. Журавлева ОО. Принцип правовой определенности и правовой статус лица в налоговом праве. В: Пепеляев СГ, редактор. *Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2009 г. Материалы VII Международной научно-практической конференции; 23–24 апреля 2010 г.*; Москва, Россия. Москва: Статут; 2011. с. 51–55.
7. Худяков АИ, Бродский МН, Бродский ГМ. *Основы налогообложения*. Санкт-Петербург: Европейский дом; 2002. 432 с.
8. Пантишов ОВ. Неясности и противоречия законодательства о налогах. *Налоговые споры: теория и практика*. 2007;12:7–9.
9. Старых ЮВ. *Устмотрение в налоговом правоприменении*. Москва: Юриспруденция; 2007. 176 с.
10. Фрейтак НК. Злоупотребление правом со стороны налоговых органов в ходе налоговых проверок. *Ваш налоговый адвокат*. 2005;1:32–41.
11. Демин АВ. *Принцип определенности налогообложения*. Москва: Статут; 2015. 368 с.
12. Терехина АП. Правовые принципы налогообложения. *Финансовое право*. 2012;5:33–38.
13. Долгополов ОИ. Применение презумпции правоты налогоплательщика. *Налоговый вестник*. 2008;1:21–24.
14. Белов ВА. *К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменимой практики*. Москва: Волтерс Кluver; 2006. 96 с.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025.
Received by editorial board 19.06.2025.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.13

КОРРЕЛЯЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. Н. БИБИЛО¹⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Общественные отношения проявляются как объективированная деятельность. В социальных нормах отражаются особенности общественных отношений. Модели уголовно-процессуальных правоотношений изложены в уголовно-процессуальном законодательстве. В реальности по конкретному уголовному делу реализуются только некоторые из них, проявляясь в виде уголовно-процессуальной деятельности. Уголовно-процессуальные отношения и уголовно-процессуальная деятельность – это необходимые стороны уголовного процесса. Уголовно-процессуальная деятельность обеспечивает развитие функций каждого субъекта, а уголовно-процессуальные правоотношения определяют направление их деятельности. Они не существуют изолированно, проявляются комплексно и входят в состав уголовного процесса.

Ключевые слова: общественные отношения; правоотношения; уголовный процесс; социальные нормы; уголовно-процессуальные нормы; уголовно-процессуальная деятельность; корреляция.

Образец цитирования:

Бибило ВН. Корреляция уголовно-процессуальных правоотношений и уголовно-процессуальной деятельности. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;2:46–51.
EDN: BCQEHF

For citation:

Bibilo VN. Correlation between criminal procedural legal relationship and criminal procedural activities. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;2:46–51. Russian.
EDN: BCQEHF

Автор:

Валентина Николаевна Бибило – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета.

Author:

Valentina N. Bibilo, doctor of science (law,) full professor; professor at the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law.
zagorovskaja@bsu.by

CORRELATION BETWEEN CRIMINAL PROCEDURAL LEGAL RELATIONSHIP AND CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES

V. N. BIBILO^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. Social relations are manifested as an objectified activity. Social norms reflect the features of social relations. The criminal procedure legislation sets out models of criminal procedure legal relationship. In reality, only some of them are implemented in a specific criminal case, manifested in the form of criminal procedure activity. Criminal procedure relations and criminal procedure activity are necessary aspects of criminal procedure. Criminal procedure activity ensures the development of the functions of each subject, and criminal procedure legal relationship is the direction of their activity. They do not exist in isolation, they are manifested in a complex. Criminal procedure constitutes their system.

Keywords: social relations; legal relations; criminal procedure; social norms; criminal procedure norms; criminal procedure activity; correlation.

Человеческое общество – сложный биосоциальный организм, структурным элементом которого присуще взаимодействие. Основой его формирования является практическая деятельность людей. Повторяющиеся природные явления, влияющие на сферу их деятельности, способствовали осознанию необходимости самосохранения общества. На довольно ранней стадии развития социума появилась потребность охватить общими правилами повторяющиеся акты производства, распределения продуктов и обмена ими, а также позаботиться о том, чтобы человек подчинялся общим условиям производства. Первоначально это правило выражалось в обычаях, а затем стало законом [1, с. 272].

Общество образуют люди, проявляющие себя в деятельности. Но люди не смогут действовать, не вступая друг с другом в те или иные отношения, касающиеся самой деятельности. Социум состоит из индивидов, находящихся в коммуникативных связях друг с другом, что служит основой для образования общественных отношений. Общество и есть совокупность таких отношений.

Формирование общественных отношений происходит в процессе трудовой деятельности человека, создающей предпосылки для появления специфических, присущих только обществу, объективных закономерностей. Эти закономерности проявляются в процессе трудовой деятельности и вместе со средствами труда образуют экономическую основу общества. Кроме первичных (базисных) общественных отношений, в социуме существуют вторичные (надстроечные) идеологические отношения, возникающие не в сфере производства, а в политической, научной, юридической сферах. Тем не менее экономические и идеологические общественные отношения взаимосвязаны.

Общественные отношения как систему надо отличать от общения индивидов и социальных групп, выражают собственные потребности и интересы.

Такое общение является кратковременным и периодическим. Общественные же отношения проявляются в деятельности, выражающей существенные, постоянные, значимые для всего сообщества людей потребности и интересы. Общественные отношения нельзя отрывать от человеческой деятельности, но эти понятия нельзя и отождествлять [2, с. 88–89].

Социальные нормы являются своего рода зеркалом общественных отношений. Они необходимы для обеспечения системных процессов в обществе, упорядочения взаимоотношений, направления поведения субъектов. По мнению В. Д. Плахова, им предшествует нормативная ситуация, возникающая, когда отражение общественных отношений имманентно нормообразу, развитие которого следует рассматривать в двух аспектах: в аспекте связи с развитием реальной нормы и в аспекте относительно самостоятельного процесса, свойственного гносеологической системе. Нормообраз является своего рода моделью, поскольку копирует реальное общественное отношение, выступает его отражением [3, с. 15–19]. В связи с этим социальная норма должна быть определена как трансформированная организация общественных отношений [3, с. 177].

Взаимодействие индивидов в обществе происходит на основе существующих в соответствующую историческую эпоху социальных норм. При этом те из них, которые представляют ценность для общества, облекаются в правовую форму. Право в силу своих сущностных характеристик способно в наибольшей мере упорядочить процесс расследования и рассмотрения юридического конфликта. Как отмечает Л. О. Мурашко, правовую форму порождает значимостьенного как нормы. Посредством правовой формы общество защищает наиболее существенные отношения между людьми [4, с. 224]. Публичная власть обладает монополией на законодательство (официальное право). Издавая нормативные правовые акты, она позиционирует себя в качестве определителя

связи между необходимым и желательным. Закон как ожидание справедливости предполагает преодоление отчуждения народа от власти. И. П. Малинова полагает, что общественные отношения объективируются в праве системно, всей структурной целостностью [5, с. 110]. В связи с этим важное значение имеют границы деятельности законодательной власти, под которыми Н. В. Сильченко обоснованно предлагал понимать, какие именно общественные отношения могут быть подвергнуты воздействию со стороны законодателя, и какие существуют принципиальные возможности, а следовательно, пределы влияния данного воздействия на эти общественные отношения. Таким образом, надо очертить социальное пространство и обозначить деятельность законодателя в его упорядочении [6, с. 15].

Общественные отношения порождают правоотношения, которые можно классифицировать по отраслям права. Уголовно-процессуальные правоотношения предназначены для установления наличия уголовно-правового правоотношения. Оба вида этих правоотношений находятся в диалектическом единстве. В большинстве случаев они действительно взаимосвязаны. Однако возможно и отдельное существование каждого из них. Всякий раз, когда совершенное преступление остается по каким-либо причинам неизвестным для правоохранительных органов, уголовно-правовое правоотношение существует до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности. При этом уголовно-процессуальные правоотношения не возникают. Не исключен и такой вариант: уголовно-процессуальные правоотношения реализуются при отсутствии уголовно-правового правоотношения, т. е. уголовное дело возбуждено, а преступление на самом деле не совершилось. Уголовно-процессуальные правоотношения необходимы для того, чтобы установить, существуют ли уголовно-правовые правоотношения и тем самым гарантировать справедливость правосудия. Конечно, разрыв во времени возникновения этих двух видов правоотношений неизбежен [7, с. 8–11].

Характеризуя уголовно-процессуальные правоотношения, В. П. Божьев отмечает, что они представляют собой «идеологические общественные отношения, урегулированные нормами уголовно-процессуального права, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в сфере уголовного судопроизводства» [8, с. 87]. Однако такое понимание уголовно-процессуальных правоотношений не объясняет причин их образования и упускает из поля зрения наличие деятельности, без которой вообще немыслимо наличие уголовно-процессуальных правоотношений.

Как считает В. Н. Протасов, правоотношение – это самостоятельное общественное отношение, которое «возникает на основе юридических качеств субъекта (правосубъектности и конкретных юридических

прав и обязанностей), имея целью формирование тех или иных актов правомерного поведения», оно не является результатом регулирующего воздействия права на уже существующие, а затем подвергающиеся правовой обработке общественные отношения [9, с. 8]. Возникает вопрос: как же появились эти юридические права и обязанности, если, по мнению В. Н. Протасова, право не регулирует общественные отношения? Заметим, что речь идет именно о юридических правах и обязанностях, а не о правах и обязанностях, связанных с реализацией нравственности, традиций, обычая и других сфер общественных отношений. Остается один ответ: право опосредует уже имеющиеся реальные общественные отношения.

К убедительным выводам пришла Ю. Г. Ткаченко, по мнению которой в социуме не существует правоотношений в готовом целостном виде, а есть лишь правовой способ регулирования общественных отношений. Она предложила различать понятия «правоотношение-модель» и «правоотношение-отношение» [10, с. 96–97]. Данная позиция особенно наглядно проявляется на примере уголовно-процессуальных правоотношений. В уголовно-процессуальном законодательстве сконцентрированы нормы, которые служат основой для уголовно-процессуальных правоотношений. Уголовно-процессуальная норма содержит правила поведения. Понимание процессуальных норм предполагает, что они не являются и не могут быть ни реальным поведением, ни существующим правоотношением, а представляют собой лишь мысленный образ поведения. Без уголовно-процессуальной нормы не могут возникнуть ни уголовно-процессуальное правоотношение-модель, ни правоотношение-реальность. Нормы права представляют собой базу для появления правоотношений [11].

Уголовно-процессуальное правоотношение-модель является основой для индивидуализации нормы права. При этом качество модели сохраняется, т. е. мысленный образ остается. Нельзя, однако, отождествлять мысленную модель индивидуального поведения с самим поведением, поскольку модель существует в сфере сознания. Правоотношение на данном этапе еще не появляется, имеется лишь представление о предполагаемой социальной связи. На его основе возникают конкретные уголовно-процессуальные правоотношения, иными словами, фактические правоотношения, существование которых порождает субъективные права и обязанности их участников.

Реальное правоотношение отображает правоотношение-модель. В принципе, образ должен быть адекватен оригиналу. Правоотношение-модель – это «чистое» юридическое отношение, которое запечатлено в сознании субъекта. Уголовно-процессуальное правоотношение как реальность хотя и соответствует правоотношению-модели, однако по своему

содержанию оно богаче, поскольку на него оказывают влияние нравственные, эстетические, религиозные и другие отношения.

Проследим процесс зарождения уголовно-процессуального правоотношения. В нормах Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) заложены образцы всех возможных правоотношений. Они будут общими моделями для реальных правоотношений независимо от того, ведется уголовный процесс или нет. Какие конкретно из них перейдут в действующие уголовно-процессуальные правоотношения, зависит от многих факторов: характера совершенного преступления, личности участников уголовного судопроизводства и т. д. Однако при этом остальные модели правоотношений не являются лишними. Они необходимы при производстве иных уголовных дел.

Наличие конкретного уголовного дела дает начало преобразованию моделей-правоотношений. Так, согласно ст. 370 УПК потерпевший вправе обжаловать в апелляционном порядке приговор, не вступивший в законную силу. В этой норме заложена общая схема моделей правоотношения. Она существует до производства по определенному уголовному делу. Если начался уголовный процесс и его участниками являются конкретные государственные органы и физические лица, то этот абстрактный образ может превратиться в конкретное правоотношение, а может остаться нереализованным при условии, что потерпевший не предпринял предусмотренных в законе мер для подачи в суд апелляционной жалобы. И только в случае, когда потерпевший обратится в суд с апелляционной жалобой, можно считать, что уголовно-процессуальное правоотношение, направленное на реализацию права потерпевшего на обжалование, образовавшись, прекратило свое существование, вызвав возникновение других уголовно-процессуальных правоотношений.

Таким образом, появлению уголовно-процессуального правоотношения как фактического поведения предшествует наличие правоотношения-модели в сознании человека. Необязательно, чтобы из каждого из них возникали конкретные, фактические правоотношения. Вместе с тем любое фактическое уголовно-процессуальное правоотношение в своем генезисе будет проходить этап правоотношения-модели [12, с. 253–255].

Ранее считалось общепризнанным, что по своей природе уголовно-процессуальные правоотношения представляют собой двухстороннюю связь, когда одному субъекту права корреспонтирует юридическая обязанность другого субъекта, и наоборот. Однако в последние годы обращается внимание на наличие в системе полномочий должностных лиц таких обязанностей, которые не предполагают существования чьего-либо права. В связи с этим возникает проблема односторонних уголовно-процессуальных отношений.

Еще в 1980 г. в общетеоретическом плане Ю. Г. Ткаченко поставила вопрос о наличии односторонних правоотношений: «Если в процессе общения возникает односторонняя зависимость, то при моделировании могут создаваться односторонние права без корреспондирующих им обязанностей и односторонние обязанности без корреспондирующих им прав» [10, с. 145]. Далее автор уточняет, что «устанавливая компетенцию какого-либо органа, право тем самым ограничивает деятельность одних субъектов от деятельности других субъектов, создавая определенную самостоятельность в их деятельности» [10, с. 145].

Развивая эту идею применительно к уголовному процессу, И. С. Дикарев и М. Л. Давыдова пишут: «Уголовно-процессуальными являются не только правоотношения, складывающиеся между участниками уголовного процесса, но также общерегулятивные отношения, закрепляющие компетенцию государственных органов и должностных лиц» [13, с. 368]. С таким мнением следует согласиться. В УПК содержится много различных общих норм. Среди них нормы-принципы, нормы-дефиниции, нормы-статусы, нормы-функции и др. Правоотношения, порождаемые ими, являются общими. Общие уголовно-процессуальные правоотношения – первичная форма опосредования общественных отношений. Они возникают во взаимосвязи «государство – участник уголовного процесса». Что касается уголовно-процессуальных правоотношений, детализирующих общие, то имеется непосредственная связь (обвиняемый – следователь, осужденный – суд и т. д.) между участниками уголовного процесса. Значит, специфика общих уголовно-процессуальных отношений, модели которых заложены в общих нормах права, состоит в том, что они носят общий характер и являются исходными, первичными для конкретных уголовно-процессуальных правоотношений. Общие нормы образуют базовые уголовно-процессуальные отношения (или, точнее, абстрактные их образы), которые наличествуют независимо от того, участвуют ли в них конкретные лица. Общие уголовно-процессуальные правоотношения дают широкий простор для использования усмотрения суда, а также должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Уголовно-процессуальным правоотношениям присущ особый круг субъектов с их целями, задачами, функциями. Их правовой статус в уголовном процессе предопределен заранее. Однако при любом политическом режиме каждый имеет право выбора своей активности. В реальности уголовно-процессуальный статус проявляется в деятельности субъектов правоотношений. При этом есть простор между декларируемым статусом и его реальной актуализацией, т. е. между формальным статусом и его реализацией в процессе деятельности. Именно этот модифицированный уголовно-процессуальный

статус в условиях конкретного уголовного процесса проявляется в виде реальной уголовно-процессуальной деятельности.

При рассмотрении диалектики уголовно-процессуальных правоотношений и уголовно-процессуальной деятельности актуальным является вопрос об их влиянии друг на друга, т. е. существует необходимость выявить аспекты их единства и различия. Одним словом, важно установить, идти от уголовно-процессуальных правоотношений к уголовно-процессуальной деятельности или брать за исходное уголовно-процессуальную деятельность и ее влияние на уголовно-процессуальные правоотношения. Если уголовно-процессуальные правоотношения рассматривать как форму уголовно-процессуальной деятельности, то получается, что от них зависят структура и направленность уголовно-процессуальной деятельности. Если же полагать, что уголовно-процессуальные правоотношения создают реальное социальное пространство, куда попадают участники уголовного процесса, в рамках которого они действуют, то в этом случае уголовно-процессуальные правоотношения проявляются в уголовно-процессуальной деятельности, становящейся формой.

Фундаментальное значение имеет такой аспект: любая деятельность, в том числе и уголовно-процессуальная, имеет двойственную природу, поскольку она одновременно реализует свои цели и задачи и воспроизводит те отношения, в рамках которых она протекает. Это единство с данными уголовно-процессуальными правоотношениями нарушается, когда по тем или иным причинам меняются цели и задачи деятельности. В этом случае возникает новое уголовно-процессуальное правоотношение и восстанавливается единство уголовно-процессуальных правоотношений и уголовно-процессуальной деятельности. Через диалектику целей, средств и результатов осуществляется движение уголовного процесса. Цель – идеальная модель будущего, которая представляет собой потребность, взятую как противоречие объекта и субъекта, отраженное в сознании. Цель предвосхищает средства и результат, а в целеполагании раскрывается само существо уголовно-процессуальной деятельности.

В корреляции уголовно-процессуальных отношений и уголовно-процессуальной деятельности В. Н. Шпилев увидел внешнюю и внутреннюю форму уголовного процесса: «В уголовном процессе внутренняя правовая форма уголовного процесса (процессуальные отношения) и внешняя процессуальная форма (форма процессуальной процедуры) неразрывно связаны между собой и образуют нечто целое» [7, с. 102]. При этом, как отмечают Т. Н. Добровольская и П. С. Элькинд, «уголовно-процессуальные отношения в той мере, в какой они являются способом осуществления уголовно-процессуальной деятельности, выражают ее качественные

особенности, и представляют собой специфическую форму данной деятельности» [14, с. 236]. Иначе определил взаимосвязь уголовно-процессуальных отношений и уголовно-процессуальной деятельности Н. Н. Полянский. Он утверждал, что первый видимый пласт уголовного процесса составляет уголовно-процессуальная деятельность, а второй – уголовно-процессуальные отношения. Таким образом, первичной в уголовном процессе является деятельность, а вторичными, производными от нее, выступают уголовно-процессуальные правоотношения [15, с. 48–49]. Такая их координация обеспечивает взаимосвязь с уголовным правом в контексте реализации уголовной ответственности. Все выше-писанное происходит не одномоментно, а, как обратил внимание Н. Н. Ковтун, поэтапно: ответственность – обязанность, ответственность – осуждение, ответственность – наказание, ответственность – судимость. При этом развитие уголовно-процессуальных отношений диалектически развивает уголовно-правовые отношения и раскрывает содержание категории «уголовная ответственность» [16].

Взаимодействие (корреляция) как категория исключает приоритет одного явления над другим. Об этом убедительно сказал Ф. Энгельс: «Взаимодействие исключает всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное; но вместе с тем оно есть такой двусторонний процесс, который по своей природе может рассматриваться с двух различных точек зрения; чтобы его понять как целое, его даже необходимо исследовать в отдельности, сперва с одной, затем с другой точки зрения, прежде чем можно будет подытожить совокупный результат» [17, с. 483].

Уголовно-процессуальная деятельность проявляется в активности как сознательной направленности на реализацию соответствующих целей. Активность выражается в конкретных действиях, система которых образует интегрированную и мотивированную уголовно-процессуальную деятельность. Для человека сознание едино. Выделение видов сознания (экономического, политического, религиозного и др.) происходит по мере развития общества, когда в соответствующих сферах жизнедеятельности складываются относительно самостоятельные комплексы общественного сознания. В сфере правосознания формируется интеллектуальный, духовный, психологический комплекс, являющийся приоритетным по отношению к правовой культуре. При этом сначала формируется индивидуальное правосознание, в том числе и под влиянием различных факторов эмоционального и мировоззренческого характера.

Уголовный процесс внешне проявляется в виде уголовно-процессуальной деятельности, состоящей в свою очередь из уголовно-процессуальных действий участников уголовного процесса. Причем на эти действия влияют различные социальные регуляторы, преобладающими из которых являются

нормы уголовно-процессуального права. Однако на различных этапах реализации этих действий могут превалировать иные социальные регуляторы: моральные, политические, экономические, эстетические и т. д. Уголовно-процессуальные регуляторы в совокупности с иными социальными нормами представляют собой мононормы, обеспечивающие производство по уголовному делу [18, с. 20]. Поскольку при расследовании и рассмотрении уголовного дела преобладают нормы уголовно-процессуального права, такого рода деятельность принято именовать уголовно-процессуальной деятельностью.

Деятельность сама по себе динамична и способна переходить из одного состояния в другое. Однако нужна преемственность между действиями, на основе которой появляется усложнение последующей деятельности, что приводит к изменению ее качества. Все эти этапы происходят в течение определенного времени. Из системы уголовно-процессуальных действий складывается уголовно-процессуальная

деятельность. В действиях участников уголовного процесса выражаются их уголовно-процессуальные правоотношения. Наблюдаемые внешние уголовно-процессуальные действия являются необходимым условием для работы механизма правореализации и реализации направленности мотивов поведения. По такой схеме развивается уголовный процесс.

Уголовно-процессуальная деятельность и уголовно-процессуальные правоотношения взаимосвязаны и взаимообусловлены, они являются необходимыми сторонами в существовании уголовного процесса. При этом ни одна из сторон не может заменить другую. Уголовно-процессуальная деятельность обеспечивает развитие функций каждого своего субъекта, а уголовно-процессуальные правоотношения определяют направление их деятельности. Они не существуют изолированно, проявляются комплексно, и оказывается, что уголовный процесс представляет собой систему, предназначенную для установления наличия или отсутствия уголовно-правового правоотношения.

Библиографические ссылки

1. Энгельс Ф. К жилищному вопросу. В: Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. Том 18. Москва: Госполитиздат; 1961. с. 203–284.
2. Плетников ЮК. Место категории деятельности в теоретической системе исторического материализма. В: Касавин ИТ, редактор. Деятельность: теория, методология, проблемы. Москва: Политиздат; 1990. с. 83–97.
3. Плахов ВД. Социальные нормы: философские основания общей теории. Москва: Мысль; 1985. 254 с.
4. Мурашко ЛО. Правоприменительная деятельность в аспекте философско-аксиологического анализа (на примере конституционного правосудия). В: Рыбаков ОЮ, редактор. Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы. Москва: Проспект; 2022. с. 217–227.
5. Малинова ИП. Философия правотворчества. Екатеринбург: Издательство Уральской государственной юридической академии; 1996. 146 с.
6. Сильченко НВ. Границы деятельности законодателя. Советское государство и право. 1991;8:14–23.
7. Шпилев ВН. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск: Издательство БГУ; 1974. 144 с.
8. Божьев ВП. Уголовно-процессуальные правоотношения. Москва: Юридическая литература; 1975. 176 с.
9. Протасов ВН. Принцип действия права. Вестник Российской правовой академии. 2008;1:6–8.
10. Ткаченко ЮГ. Методологические вопросы теории правоотношений. Москва: Юридическая литература; 1980. 176 с.
11. Бибило ВН. Понятие уголовно-процессуальных правоотношений. Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. 1985;3:71–73.
12. Бибило ВН. Проблемы правоведения: избранные труды. Минск: Право и экономика; 2011. 356 с.
13. Дикарев ИС, Давыдова МЛ. Правоотношения в уголовном процессе: дискуссионные вопросы структуры и содержания. Правоведение. 2024;68(3):360–372. DOI: 10.21638/spbu25.2024.303.
14. Добровольская ТН, Элькинд ПС. Уголовно-процессуальная форма, процессуальные нормы и производства. В: Недбайло ПЕ, Горшенев ВМ, редакторы. Юридическая процессуальная форма: теория и практика. Москва: Юридическая литература; 1976. с. 233–275.
15. Полянский НН. Вопросы теории советского уголовного процесса. Москва: Издательство Московского университета; 1956. 271 с.
16. Ковтун НН. Диалектика уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений в контексте сути, содержания и процесса реализации уголовной ответственности. Российская юстиция. 2022;1:36–40.
17. Энгельс Ф. Диалектика природы. В: Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. Том 20. Москва: Госполитиздат; 1961. с. 339–626.
18. Бибило ВН. Уголовно-процессуальное регулирование стадии исполнения приговора. Минск: Право и экономика; 2022. 152 с.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО

ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW

УДК 349.6

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ И РЕШЕНИЕ ПРИКЛАДНЫХ ЗАДАЧ

Т. И. МАКАРОВА¹⁾, А. А. ЖЛОБА¹⁾, В. Е. ЛИЗГАРО¹⁾, О. В. МОРОЗ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются концептуальные основы современного экологического правопорядка и его организационное обеспечение. Доказывается, что фундамент экологического правопорядка составляет соотношение императивности и диспозитивности в регулировании природоохранных отношений. Обосновывается включение в систему экологического правопорядка режима национальной экологической сети, правовой охраны окружающей среды и охраны природных ресурсов на основе концепта «экологическое сопровождение хозяйственной деятельности», ответственности при невыполнении эколого-правовых требований. Формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования экологических отношений.

Ключевые слова: экологическое право; экологический правопорядок; окружающая среда; национальная экологическая сеть; экологическое сопровождение хозяйственной деятельности; вред, причиненный окружающей среде.

Образец цитирования:

Макарова ТИ, Жлоба АА, Лизгаро ВЕ, Мороз ОВ. Современный экологический правопорядок: теоретический фундамент и решение прикладных задач. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025; 2:52–59.

EDN: IGULBG

For citation:

Makarova TI, Zhloba AA, Lizgaro VE, Moroz OV. Modern environmental legal order: theoretical foundation and applied problems solving. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;2:52–59. Russian.
EDN: IGULBG

Сведения об авторах см. на с. 59.

Information about the authors see p. 59.

MODERN ENVIRONMENTAL LEGAL ORDER: THEORETICAL FOUNDATION AND APPLIED PROBLEMS SOLVING

T. I. MAKAROVA^a, A. A. ZHLOBA^a, V. E. LIZGARO^a, O. V. MOROZ^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. E. Lizgaro (lizgaro@mail.ru)

Abstract. The conceptual foundations of the modern environmental legal order and its organisational support are studied. It is proved that the foundation of the environmental legal order is the ratio of imperativeness and optionality. It is proposed to include in the system of environmental legal order the regime of the national ecological network, the unification of legal protection of the environment and protection of natural resources around the concept «environmental support of economic activity», imposition of liability for failure to comply environmental and legal regulations. Proposals for improving the legal regulation of environmental relations are formulated.

Keywords: environmental law; environmental legal order; environment; national ecological network; environmental support for economic activities; damage to the environment.

Введение

Решением Республиканского референдума от 27 февраля 2022 г. в Конституцию Республики Беларусь внесены дополнения, затрагивающие содержание фундаментальной эколого-правовой категории «право каждого на благоприятную окружающую среду», дополнительной гарантией которого признается развитие атомной энергетики в мирных целях (ч. 3 ст. 46). Поддержание экологической безопасности определено в качестве самостоятельного направления

в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5. В свете уточненного подхода законодателя к решению экологических проблем общества актуальным видится теоретический взгляд на охрану окружающей среды и обеспечение экологической устойчивости с позиции анализа категории «экологический правопорядок» в ее современном содержательном наполнении.

Теоретический фундамент категории «экологический правопорядок»

Согласно сложившимся в теории права представлениям правопорядок – это такое состояние юридического оформления социальных связей, при котором объективно нуждающиеся в правовом установлении общественные отношения нормативно закреплены [1]. Формальное установление является обязательным условием возникновения правопорядка. Кроме того, необходимо оценивать эффективность применения установленных правовых норм посредством анализа соблюдения законодательства. Итогом такой качественной оценки будет определение соответствия права запросам общества с позиций справедливости, целесообразности, соответствия духовным, экономическим, экологическим потребностям социума.

Правопорядок характеризует уровень законности в государстве, соблюдение государственными органами, иными субъектами права возложенных обязанностей. В экологических отношениях в этом контексте используется понятие «экологический императив» – подлежащее обязательному исполнению эколого-правовое предписание, выражающее объективно обусловленное принуждение поступать установленным в нормативном правовом (техническом нормативном правовом) акте образом. Экологический императив выражает безусловное долженствование, и в этом смысле он представляет

собой предписанный способ поведения при осуществлении деятельности, оказывающей воздействие на окружающую среду [2–4], что на практике реализуется посредством ряда мер (мероприятий), которые логично группируются в правовые механизмы охраны окружающей среды [5]. Экологический императив реализуется прежде всего через организационную деятельность специально уполномоченных органов государственного управления посредством выполнения возложенных на них управленических функций, таких, например, как ведение учета в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, проведение мониторинга окружающей среды, осуществление контрольно-надзорной деятельности в сфере экологических отношений, т. е. обязательной управленической деятельности, из содержания которой возможно сделать вывод о соблюдении режима законности в экологических отношениях и наличии экологического правопорядка.

В юридической науке советского периода признался исключительно публичный характер охраны природы [6]. Однако политico-правовые и социально-экономические трансформации конца 1980–2000-х гг. принципиально изменили правовую природу режима использования и охраны природных объектов, а впоследствии и иных отношений, объектом которых

выступает окружающая среда. В этот период ученые, демонстрировавшие, как тогда казалось, оптимистичный взгляд на правовое регулирование отношений, предметом которых является окружающая среда, предполагали, что в перспективе экологические отношения приобретут преимущественно гражданско-правовой характер, поскольку они, согласно мысли В. В. Петрова, «вытекают из гражданских отношений» [7, с. 97]. Такая научная позиция не подтвердилась нормотворчеством и практикой правоприменения. Она не могла подтвердиться уже в силу того, что окружающая среда – общественное благо, которое удовлетворяет потребности человека на физическое существование, что провозглашено ст. 46 Конституции Республики Беларусь. Однако, соглашаясь с тем, что в экологических отношениях содержательно превалирует обеспечение правопорядка посредством деятельности императивного характера, мы видим возможности, которые в дополнение к сложившимся административным формам охраны природы формируют частноправовое регулирование. Развитие правашло по пути наделения субъектов экологических отношений, в первую очередь тех, чья деятельность связана с воздействием на окружающую среду, определенного рода свободой, позволяющей усилить природоохранную составляющую такой деятельности. Речь идет о диспозитивных началах в экологических правоотношениях, что следует признать самостоятельным направлением обеспечения экологического правопорядка.

Диспозитивность как метод правового регулирования, присущий частному праву, формирует условия выбора варианта поведения в рамках, предложенных законодательством, создает условия для свободного формирования своей воли, а значит, самостоятельного распоряжения своими правами и средствами их защиты [8]. Для экологических отношений это обстоятельство означает не только свободу выбора природоохранных инструментов, которые не являются обязательными для применения согласно законодательству об охране окружающей среды, но и отказ государства от обязывающего поведения субъектов экологических отношений, если мера природоохранной деятельности законодательством признается как дополнительная. С этой точки зрения экологическое законодательство располагает целым

рядом такого рода дополнительных инструментов, наличие которых позволяет вести речь об особых диспозитивных началах экологического-правового регулирования и, соответственно, о трансформации экологического правопорядка в направлении расширения свободы воли субъекта. К таким правовым инструментам, установленным законодательством, безусловно, относятся экологическое страхование, экологическая сертификация, экологический аудит.

Итак, состояние правового обеспечения экологических отношений убеждает нас в том, что именно соотношение императивности и диспозитивности в правовом регулировании составляет основу системы современного экологического правопорядка. А какова качественная сторона исследуемой правовой категории, каковы критерии (признаки) экологического правопорядка? Ранее, отвечая на этот вопрос, мы выявили следующую специфическую особенность, присущую, пожалуй, только экологическому праву: эта отрасль современной правовой системы имеет моноцелевой характер, поскольку все выполняемые ею задачи (охрана окружающей среды, обеспечение экологической безопасности, установление рационального (устойчивого) природопользования) направлены на создание благоприятных для жизни и здоровья человека как биологического вида и социального индивида условий, интерпретируемых юридической наукой в качестве обеспечения права человека на благоприятную окружающую среду [9, с. 40–41].

Мы подходим к правовому механизму охраны окружающей среды – одной из ключевых категорий экологического права, позволяющей привести в систему характер и способы воздействия права на общественные отношения для формирования экологического правопорядка. Система экологического правопорядка базируется на признании самостоятельности правового режима природных территорий, подлежащих особой и специальной охране в рамках национальной экологической сети, объединении правовой охраны окружающей среды и охраны компонентов природной среды в процессе хозяйственной и иной деятельности вокруг концепта «экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности», возложении ответственности при невыполнении обязательных к исполнению эколого-правовых предписаний.

Правовое обеспечение территориальной охраны природной среды

В сложившейся социально-экономической и экологической ситуации, которая характеризуется необходимостью как эксплуатации природных ресурсов, так и целостной охраны природы для обеспечения условий жизни и развития настоящего и будущих поколений, важным направлением обеспечения экологического правопорядка является территориальная охрана природной среды, доказавшая за более чем столетнюю историю эффективность в решении своей главной задачи по сохранению

биологического разнообразия. Элементарной единицей такой территориальной охраны следует считать конкретную природную территорию, в отношении которой установлен соответствующий природоохраненный правовой режим. В действующем законодательстве отсутствует единый термин для обозначения таких территорий, в отличие от отечественной эколого-правовой науки, в которой предлагается использовать понятие «природоохранная территория» [10, с. 99; 11, с. 487].

Традиционно правовой формой территориальной охраны природной среды выступает создание особо охраняемых природных территорий, природных территорий, подлежащих специальной охране, биосферных резерватов как комплексных природоохранных территорий, что позволяет сочетать исходные правовые формы в различных комбинациях. Следует отметить, что в ряде случаев природные территории включаются в списки (перечни) ценных природных комплексов и объектов международного значения в соответствии с международными договорами Республики Беларусь, однако не получают национальный природоохранный правовой режим. Очевидно, что они являются частью работы по сохранению биоразнообразия и, следовательно, также должны считаться объектами территориально-правовой охраны природной среды [12, с. 38].

В 2010 г. в законодательстве Республики Беларусь появился новый самостоятельный объект экологоправовых отношений – национальная экологическая сеть (НЭС), представляющая собой систему функционально взаимосвязанных особо охраняемых природных территорий и природных территорий, подлежащих специальной охране, которые предназначены для сохранения естественных экологических систем, биологического и ландшафтного разнообразия, а также обеспечения непрерывности среды обитания объектов животного мира. НЭС позволяет преобразовать набор разрозненных природоохранных территорий в систему устойчиво функционирующих и взаимосвязанных объектов, обеспечивающих каркас экологической устойчивости в регионе. Основными структурными элементами НЭС служат природоохранные территории, защищаемые от внешних воздействий охранными зонами, объединяемые транзитными природными территориями. Следовательно, НЭС, являясь комплексным объектом, должна максимально разумно с учетом системного подхода охватывать природоохранные территории всех возможных правовых форм территориальной охраны природной среды, а не только природные территории, подлежащие особой и специальной охране. Кроме того, она должна быть элементной основой для иных экологических сетей, таких как сеть водно-болотных угодий, изумрудная сеть, сеть биосферных резерватов, сеть объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. В этом смысле целесообразно создавать новые объекты иных экосетей с перспективой последующего их включения в НЭС [13, с. 41].

Правовой режим НЭС как самостоятельного экологоправового объекта определен в Законе Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») путем ее признания в качестве объекта отношений в сфере охраны окружающей среды. Также в данном нормативном правовом акте дается дефиниция НЭС и определяется ее структура. В развитие этих норм разработаны требования к содержанию схемы НЭС и критерии выбора территорий для включения в нее (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26 ноября 2010 г. № 1733), а также сама схема НЭС, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 13 марта 2018 г. № 108.

Анализ указанных нормативных правовых актов позволяет прийти к выводу о том, что установленный правовой режим НЭС как самостоятельного объекта экологических правоотношений является необоснованно ограниченным и требует научно аргументированного дополнения такими группами его элементов, как организационно-правовое обеспечение создания и функционирования НЭС [14], институциональная система управления ей [15], правовые механизмы охраны [16], юридическая ответственность в обозначенной сфере [17]. Также следует признать НЭС отдельным объектом учета, мониторинга и контроля в сфере охраны окружающей среды и установить правила их ведения; закрепить в экологических требованиях к хозяйственной и иной деятельности положение о необходимости учета влияния этой деятельности на НЭС; дополнить законодательство об оценке воздействия на окружающую среду, стратегической экологической оценке и государственной экологической экспертизе нормами об осуществлении данных процедур в отношении планируемой деятельности, реализация которой способна причинить вред комплексам и объектам, включенным в НЭС; предусмотреть нормативы допустимой антропогенной нагрузки на такие комплексы и объекты, расположенные в границах отдельных природоохранных территорий, входящих в НЭС; определить меры повышенной юридической ответственности за нарушение ее правового режима, а также ранжировать размер ответственности в зависимости от вклада соответствующего ее элемента в сохранение биологического и ландшафтного разнообразия, определяемого структурными отношениями внутри национальной экологической сети [17, с. 655].

Экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности

Современный экологический правопорядок подразумевает новые подходы к охране окружающей среды, а также совершенствование уже существующих. В данном контексте представляет интерес экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности (далее – ЭСХД). Оно основывается на

концепции непрерывного учета экологического фактора от замысла хозяйственной и иной деятельности до ее прекращения и предполагает оптимальный подход как к охвату природоохранными мерами (мероприятиями) той или иной хозяйственной деятельности, так и к их распределению по стадиям

такого сопровождения. Правовое закрепление ЭСХД как механизма, корректирующего хозяйственную и иную деятельность с позиции воздействия на окружающую среду и соблюдения экологических требований, является одним из условий надлежащего экологического правопорядка.

В природоохранной деятельности участвуют государство в лице его органов, общественные объединения, физические и юридические лица. Рассмотрение природоохраных мер (мероприятий) с позиции непрерывного учета экологического фактора позволяет установить роль каждого из них на разных стадиях ЭСХД. Его субъекты, с одной стороны, могут иметь отличные интересы, а с другой – должны сотрудничать, подчиняться общему интересу по обеспечению права каждого на благоприятную окружающую среду. В случае правового закрепления понятия ЭСХД данный факт следует учитывать при формировании правовых основ такого сопровождения.

Современный экологический правопорядок предполагает сбалансированное сочетание интересов различных субъектов экологических отношений и характеризуется расширением правовых возможностей участия общественности в природоохранной деятельности, так как он основывается на концепции устойчивого развития. Как видится, участие общественности в ЭСХД способно стать эффективным в том случае, если оно имеет непрерывный характер и результаты такого участия будут учтены.

В качестве правовых форм участия общественности в ЭСХД, которые регламентируются в законодательстве Республики Беларусь об охране окружающей среды, можно рассматривать общественные обсуждения в области охраны окружающей среды, проводимые на стадии разработки проектных решений планируемой хозяйственной и иной деятельности, общественную экологическую экспертизу (ОЭЭ), осуществляющую на этапе согласования таких решений, деятельность общественных экологов и общественных инспекторов охраны животного и растительного мира (далее – общественные инспекторы), которые работают на стадии непосредственного осуществления хозяйственной и иной деятельности (реализации экологически значимых решений) [18, с. 70–71].

В национальном законодательстве отсутствует четкое указание на характер (обязательный или рекомендательный) результатов общественных обсуждений. Это обстоятельство обусловлено в том числе и тем, что одной из задач таких обсуждений является поиск взаимоприемлемых для участников решений. Вопрос, скорее, заключается в том, насколько учитываются их результаты заинтересованными лицами. В зависимости от правовой формы общественных обсуждений в области охраны окружающей среды происходит правовая интерпретация учета их результатов. В отличие от общественных обсуждений отчета об оценке воздействия на окружающую среду,

экологического доклада по стратегической экологической оценке, проекта программного документа или нормативного правового акта, по результатам общественных обсуждений проектов решений о выдаче разрешения на удаление (пересадку) объектов растительного мира выносят решения, которые имеют, скорее, императивный характер, так как необходимо получить согласие на такое удаление со стороны заинтересованной общественности. Такое согласие является одним из обязательных оснований для выдачи разрешения на удаление (пересадку) объектов растительного мира [19, с. 105–106].

Результаты общественных обсуждений в сфере охраны окружающей среды не могут быть проигнорированы. Проектные решения планируемой хозяйственной и иной деятельности могут дорабатываться с учетом замечаний и предложений, полученных от заинтересованной общественности. Кроме того, предполагается, что на такие замечания и предложения будут получены аргументированные ответы. Следовательно, рассматриваемые специальные правовые формы общественного участия представляются более действенными по сравнению с ОЭЭ, результаты которой по общему правилу носят для заинтересованных лиц рекомендательный характер [19, с. 106].

Заключение ОЭЭ направляется ее инициаторам, заказчику, организациям, которые проводят государственную экологическую экспертизу (ГЭЭ), местным исполнительным и распорядительным органам. Его копии направляются иным заинтересованным лицам. Исходя из контекста законодательства, заказчик обязан принять такое заключение к рассмотрению. Более того, он готовит аргументированные ответы по имеющимся замечаниям, но может учесть или не учесть выводы такой экспертизы при доработке проектной документации. Заключение прилагается к проектной документации, представляемой на ГЭЭ. В свою очередь, при проведении ГЭЭ учитываются выводы заключения ОЭЭ (при его наличии), касающиеся только такого аспекта, как воздействие на окружающую среду. Однако не совсем понятно, в чем выражается учет этих выводов [20, с. 85].

В первоначальном тексте Закона «Об охране окружающей среды» содержалась наиболее приемлемая формулировка об учете заключения ОЭЭ органами, осуществляющими ГЭЭ. Видится обоснованным учет такого заключения в полном объеме и приданье ему императивного характера, так как ОЭЭ проводится квалифицированными специалистами, в отличие от общественных обсуждений, результаты которых учитываются, несмотря на то, что их участники могут и не обладать специальными знаниями. Новация будет способствовать увеличению степени объективности заключения ГЭЭ, стимулировать инициативу заинтересованной общественности. Целесообразно также определить значение заключения ОЭЭ для

местных исполнительных и распорядительных органов [20, с. 85].

Повышение эффективности ЭСХД может потребовать более активного участия общественности на этапе непосредственного осуществления хозяйственной и иной деятельности, что во многом связано с необходимостью расширить права и обязанности общественных экологов и общественных инспекторов, правовые статусы которых обладают определенной спецификой. Сравнение ряда правовых аспектов деятельности рассматриваемых лиц, а также ретроспективный анализ законодательства позволяют выделить подходы к правовому положению такого рода субъектов (от видения их правового статуса схожим с правовым положением граждан, общественных объединений, осуществляющих деятельность в об-

ласти охраны окружающей среды (общественный эколог) до наделения правами, которые имеют должностные лица государственных органов, осуществляющих контрольную деятельность (общественный инспектор)). Возможность общественности эффективно участвовать в природоохранной деятельности, в том числе влиять на соблюдение экологического законодательства, может рассматриваться в качестве критерия для определения приоритетности одного из подходов. Права и обязанности общественных инспекторов в рамках сферы их деятельности имеют более действенный характер по сравнению с правами и обязанностями общественных экологов, что также следует учитывать при совершенствовании законодательства в контексте сближения правовых статусов данных субъектов [21, с. 49].

Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного окружающей среде

Система экологического правопорядка строится на соблюдении принципа привлечения к ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов. При этом головной природоохранный нормативный правовой акт содержит также общезвестное правило, гласящее, что привлечение лиц к ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей среды не освобождает их от возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и проведения мероприятий по ее охране. Такое установление позволяет нам вести речь об особом порядке возмещения вреда, причиненного окружающей среде, отличном от порядка, который определен гражданским законодательством. Ученые обращают внимание, что и в российском законодательстве отраслевая принадлежность данного вида ответственности не установлена [22, с. 69–70]. При этом в научной литературе отмечается, что «гражданское законодательство к рассматриваемым отношениям может применяться субсидиарно – при отсутствии специальных эколого-правовых норм, что следует из ч. 5 п. 1 ст. 1 Гражданского Кодекса Республики Беларусь, в силу которой земельные отношения, отношения по использованию других природных ресурсов и охране окружающей среды регулируются гражданским законодательством, если законодательством об охране и использовании земель и другим специальным законодательством не предусмотрено иное» [23, с. 72]. В то же время Закон «Об охране окружающей среды» содержит ссылку на гражданское законодательство только в части возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу физических лиц, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате воздействия на окружающую среду. Не стоит также забывать, что

возмещение в установленном порядке вреда, причиненного окружающей среде, отнесено ст. 40 Закона «Об охране окружающей среды» к элементам экономического механизма охраны окружающей среды. В качестве единого самостоятельного принципа регулирования природоохранных отношений в ст. 4 вышеназванного нормативного правового акта закрепляется также «платность специального природопользования и возмещение вреда, причиненного окружающей среде». Таким образом, мы видим, во-первых, разделение принципа привлечения к ответственности и принципа возмещения вреда, причиненного окружающей среде, во-вторых, объединение обязанности субъекта, осуществляющего правомерную деятельность, платить за природопользование и возмещать вред, причиненный в результате нарушения субъектом правовых норм. В то же время ст. 45 Закона «Об охране окружающей среды» содержит общее правило, в соответствии с которым «внесение платежей за специальное природопользование не освобождает природопользователя от проведения мероприятий по охране окружающей среды и возмещения вреда, причиненного окружающей среде в результате незаконного использования (изъятия, добычи) природных ресурсов, иного вредного воздействия на окружающую среду». Интересен тот факт, что из аналогичного закона Российской Федерации данное правило было исключено еще в 2015 г., что трактуется российскими учеными как «кардинальное реформирование института возмещения вреда окружающей среде» [24, с. 91].

Анализируя правовую дефиницию «вред, причиненный окружающей среде», мы обращаем внимание на ее изменение, выразившееся в сужении круга норм, при нарушении которых можно constатировать наличие такого вреда. Закон «Об охране окружающей среды» в редакции от 17 июля 2023 г.

содержит признаки исследуемого понятия: возможность исчисления в денежном выражении, отрицательное изменение окружающей среды или отдельных компонентов природной среды, природных или природно-антропогенных объектов в определенной форме (загрязнение, истощение и др.), корреляция вредного воздействия на окружающую среду с ее отрицательными изменениями; установление связи такого вредного воздействия с нарушением законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов. Таким образом, в новой редакции закона появилось указание на отраслевую принадлежность норм, которые нарушены. Ранее речь шла о требованиях не только в области охраны окружающей среды, но и ином нарушении законодательства. В современной трактовке при отрицательном изменении окружающей среды (например, загрязнении земель химическими веществами), возникшем при нарушении законодательства в области перевозки опасных грузов, промышленной безопасности и другого законодательства, вреда, причиненного окружающей среде, не будет [25, с. 124]. Аналогичное соотношение прослеживается и в понятии «причинение вреда окружающей среде», закрепленном в Законе «Об охране окружающей среде». В свою очередь, в литературе отмечается, что содержание некоторых незаконных действий, подтверждающих причинение вреда окружающей среде, также неоправданно сужается, например, когда в качестве критерия причинения

вреда называется незаконная рубка, что создает предпосылки для ухода правонарушителей от ответственности [23, с. 74].

Новеллой белорусского законодательства является закрепленная возможность освобождения от возмещения вреда, причиненного окружающей среде (полного или частичного) по решению Президента Республики Беларусь, что, на наш взгляд, потребует в дальнейшем детальной разработки соответствующего механизма правового регулирования рассматриваемых общественных отношений. Впервые в ст. 40 редакции Закона «Об охране окружающей среды» от 17 июля 2023 г. также фигурируют нормы, закрепляющие в качестве элементов экономического механизма охраны окружающей среды «компенсационные выплаты стоимости удаляемых объектов растительного мира, компенсационные выплаты за вредное воздействие на объекты животного мира и (или) среду их обитания, возмещение потерь сельскохозяйственного и лесохозяйственного производства». Такой подход можно рассматривать как начальный этап регулирования возмещения вреда, причиненного окружающей среде в результате правомерной деятельности. Таким образом, анализ законодательства говорит о происходящих в Республике Беларусь существенных изменениях в правовом регулировании исследуемых общественных отношений и необходимости продолжения данного процесса для дальнейшего укрепления экологического правопорядка.

Заключение

Современное состояние правового обеспечения экологических отношений показывает, что фундамент существующего экологического правопорядка составляет соотношение императивности и диспозитивности в правовом регулировании отношений в области окружающей среды.

Главным критерием эффективности обеспечения экологического правопорядка, а следовательно, действия всего правового механизма охраны окружающей среды и одновременно его ценностным ориентиром является обеспечение права человека на благоприятную окружающую среду на основе принципа «обеспеченное право равноценно оптимальному действию правового механизма охраны окружающей среды».

Институциональную основу формирования современного экологического правопорядка составляет

правовой механизм охраны окружающей среды, систематизирующий характер и способы воздействия права на общественные экологические отношения.

Системность экологического правопорядка базируется также на признании самостоятельности правового режима природных территорий, подлежащих особой и специальной охране в рамках НЭС, объединении правовой охраны окружающей среды и охраны компонентов природной среды в процессе хозяйственной и иной деятельности вокруг концепта «экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности», возложении ответственности при невыполнении обязательных к исполнению эколого-правовых предписаний, включая возмещение вреда, причиненного окружающей среде.

Библиографические ссылки

1. Свинин ЕВ. Правопорядок как воплощение идей законности и необходимости. *Журнал российского права*. 2017;9:29–33.
2. Мухлынина ММ. Экологический правопорядок: теоретические основы. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2022;3:154–160. DOI: 10.24412/1608-8794-2022-3-154-160.
3. Есетова СК, Имангазиев ТА. Экологический правопорядок в теории права: к постановке проблемы. *Образование и право*. 2022;10:377–382. DOI:10.24412/2076-1503-2022-10-377-382.

4. Власова ЮВ. Экологический правопорядок: понятие и способы защиты. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019;3:176–179. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10684.
5. Макарова ТИ, Балащенко СА, Лизгаро ВЕ, Мороз ОВ. *Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности*. Макарова ТИ, редактор. Минск: БГУ; 2016. 191 с.
6. Казанцев НД. *Правовая охрана природы в СССР*. Москва: Знание; 1967. 62 с.
7. Петров ВВ. *Экологическое право России*. Москва: БЕК; 1995. 557 с.
8. Краснослободцева НК. Диспозитивность как инструмент закрепления свободы личности в законодательстве. *Юридическая наука*. 2011;2:7–11.
9. Макарова ТИ, редактор. *Проблемы эффективности аграрного и экологического права в условиях интеграционных процессов*. Минск: БГУ; 2021. 515 с.
10. Жлоба АА. Особенности ответственности за нарушение правового режима национальной экологической сети. В: Макарова ТИ, редактор. *Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства*. Минск: БГУ; 2023. с. 96–100.
11. Лизгаро ВЕ. Природоохранные территории Республики Беларусь: правовое понятие и режим. В: Анисимов АП, редактор. *Современные проблемы теории экологического права*. Москва: Юрлитинформ; 2019. с. 472–487.
12. Жлоба АА. Правовая модель национальной экологической сети в Республике Беларусь. *Аграрное и земельное право*. 2023;2:36–38.
13. Жлоба АА. Национальная экологическая сеть как объект правового регулирования. *Аграрное и земельное право*. 2023;3:40–42.
14. Жлоба АА. Организационно-правовые проблемы формирования национальной экологической сети в Республике Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2023;3:82–88. EDN: OILTVE.
15. Жлоба АА. Управление национальной экологической сетью: правовые аспекты. *Аграрное и земельное право*. 2024;2:111–114.
16. Жлоба АА. Правовое обеспечение некоторых функций управления национальной экологической сетью в Республике Беларусь. *Право и государство: теория и практика*. 2024;3:121–123.
17. Жлоба АА. Правовая ответственность за нарушение режима национальной экологической сети. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 18*. Минск: Колорград; 2023. с. 646–655.
18. Мороз ОВ. Правовые аспекты участия общественности в экологическом сопровождении хозяйственной и иной деятельности. *Труд. Профсоюзы. Общество*. 2022;4:65–72.
19. Мороз ОВ. Правовые формы общественных обсуждений в области охраны окружающей среды. *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. 2019;5:102–107.
20. Мороз ОВ. Правовые аспекты организации общественной экологической экспертизы. *Право.by*. 2019;5:82–87.
21. Мороз ОВ. Правовое положение общественных экологов и общественных инспекторов охраны животного и растительного мира. *Вестник ГрГУ имени Янки Купалы. Серия 4, Правоведение*. 2022;12(3):45–52.
22. Бринчук ММ. Экологическое право в свете общей теории права. *Государство и право*. 2025;2:68–81.
23. Балащенко СА, Шахрай ИС. Некоторые правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде. *Судовы веснік*. 2022;4:71–76.
24. Игнатьева ИА. Развитие правового регулирования возмещения вреда окружающей среде как упрощение природоохранной концепции. *Труды Института государства и права РАН*. 2022;17(3):83–114.
25. Лизгаро ВЕ. Новое в правовом регулировании возмещения вреда, причиненного окружающей среде. В: Шимкович МН, редактор. *Шестые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной; 13 марта 2024 г.*; Минск, Беларусь. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь; 2024. с. 123–125.

Статья поступила в редакцию 10.07.2025.
Received by editorial board 10.07.2025.

Авторы:

Тамара Ивановна Макарова – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой экологического и аграрного права юридического факультета.

Альберт Анатольевич Жлоба – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Виктория Евгеньевна Лизгаро – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Олег Васильевич Мороз – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Authors:

Tamara I. Makarova, doctor of science (law), full professor; head of the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
makti@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-0842-900X>

Albert A. Zhloba, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
albert.zhloba@gmail.com

Victoria E. Lizgaro, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
lizgaro@mail.ru

Oleg V. Moroz, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
moroz_ov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8201-2600>

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

И. С. ШАХРАЙ¹⁾, И. П. КУЗЬМИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены проблемы правового обеспечения охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в контексте климатической повестки. Обоснована необходимость формирования целостного правового механизма адаптации сельского хозяйства к изменению климата и минимизации отрицательного воздействия на окружающую среду в рамках различных отраслей законодательства (об охране окружающей среды, сельском хозяйстве, мелиорации, охране и использовании земель и иных природных ресурсов). Обозначены ключевые проблемы и направления совершенствования законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: охрана окружающей среды; изменение климата; устойчивое развитие; сельское хозяйство; сельскохозяйственное природопользование; мелиорация земель; правовое регулирование; экологизация законодательства.

LEGAL ENVIRONMENTAL PROTECTION IN AGRICULTURE IN THE CONTEXT OF CLIMATE CHANGE ISSUES

I. S. SHAKHRAY^a, I. P. KUZMICH^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. S. Shakhray (shakhray@bsu.by)

Abstract. The article is devoted to the problems of legal support for environmental protection in agriculture in the context of the climate agenda. The need to form a comprehensive legal mechanism for adapting agriculture to climate change and minimising the negative impact on the environment within the framework of various branches of legislation (on environmental protection, agriculture, land reclamation, on the protection and use of land and other natural resources) is substantiated. Key problems and areas for improving the legislation of the Republic of Belarus are identified.

Keywords: environmental protection; climate change; sustainable development; agriculture; agricultural use of natural resources; land reclamation; legal regulation; ecologisation of legislation.

Образец цитирования:

Шахрай ИС, Кузьмич ИП. Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве в контексте проблем изменения климата. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2025;2:60–66.
EDN: IYZKVZ

For citation:

Shakhray IS, Kuzmich IP. Legal environmental protection in agriculture in the context of climate change issues. Journal of the Belarusian State University. Law. 2025;2:60–66. Russian.
EDN: IYZKVZ

Авторы:

Ирина Сергеевна Шахрай – доктор юридических наук, доцент; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.
Ирина Петровна Кузьмич – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Authors:

Irina S. Shakhray, doctor science (law), docent; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
shakhray@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0001-9909-7532>
Iryna P. Kuzmich, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
i.kuzmich@mail.ru

Введение

Сельское хозяйство наиболее уязвимо и зависито от последствий изменения климата. На него долю приходится более 40 % ущерба от неблагоприятных погодных и климатических условий в экономике Республики Беларусь¹, что создает серьезную угрозу для системы аграрного производства и обеспечения продовольственной безопасности страны. Поэтому в современном мире устойчивость к погодно-климатическим изменениям – важное условие сохранения эффективности аграрной отрасли, позволяющее минимизировать риски потерь урожая, адаптироваться к экстремальным погодным условиям и обеспечивать стабильное производство продовольствия в долгосрочной перспективе.

Одновременно сама сельскохозяйственная деятельность напрямую влияет на климат, являясь одним из крупнейших источников выбросов парниковых газов (их доля, согласно экспертным оценкам, составляет от 24 до 31 % глобальных выбросов, обусловленных деятельностью человека²), а также косвенно воздействуя на поглощение таких

газов в связи с вырубкой лесов, осушением болот, изменением природных экосистем, обусловленных вовлечением земель в процесс аграрного производства.

В свете изложенного адаптация сельского хозяйства к изменениям климата, как и снижение отрицательного воздействия данной отрасли экономики на глобальную климатическую систему, требуют совершенствования правового механизма охраны окружающей среды во взаимосвязи с нормами природоресурсного и аграрного законодательства. Активизация исследований в данном направлении (белорусскими учеными неоднократно рассматривались различные правовые аспекты обеспечения охраны окружающей среды в сельском хозяйстве [1–7] и его адаптации к изменениям климата³) свидетельствует о высокой актуальности обозначенных проблем, которые требуют дальнейшего изучения в контексте новейших источников угроз национальной безопасности, включая глобальные изменения окружающей среды и климата.

Основная часть

Формирование и проведение на территории Республики Беларусь единой государственной политики по реагированию на изменение климата является одной из основных задач в области охраны окружающей среды. Правовую основу реализации климатической повестки в аграрной сфере составляют преимущественно нормы экологического права, в рамках которого осуществляется регулирование воздействия на климат. Так, в соответствии со ст. 57 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») при осуществлении любой хозяйственной и иной деятельности должны реализовываться мероприятия по предотвращению изменения климата в целях достижения сбалансированности между выбросами парниковых газов из источников и их абсорбцией поглотителями, а также мероприятия по адаптации к изменению климата, основанные на принципе экономического стимулирования рационального (устойчивого) использования природных ресурсов. Вышесказанное позволяет обозначить два ключевых направления по вовлечению сельскохозяйственных производителей в климатическую повестку. Первое связано с необ-

ходимостью сокращения выбросов парниковых газов. Второе обусловлено потребностью определения конкретных мероприятий по адаптации сельского хозяйства к изменению климата.

В рамках первого направления Законом «Об охране окружающей среды» предусмотрена организация государственного и производственного учета выбросов парниковых газов из источников и их абсорбции поглотителями. Государственный учет возлагается на Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и включает функционирование Национальной системы инвентаризации парниковых газов, а также ведение государственного кадастра антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов (государственного кадастра парниковых газов). Производственный учет ведут юридические лица и индивидуальные предприниматели.

В постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 29 сентября 2021 г. № 553 «Об установлении определяемого на национальном уровне вклада Республики Беларусь в сокращение выбросов парниковых газов до 2030 года» указано, что на сектор «Сельское хозяйство» приходится 24 % от общего

¹ Первый двухгодичный доклад Республики Беларусь по вопросам транспарентности. С. 100 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/BTR_Belarus_2024.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

² Работа ФАО в области изменения климата [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/climate-change/ru> (дата обращения: 01.06.2025) ; *Blandford D, Hassapoyannes K. The role of agriculture in global GHG mitigation. P. 10 [Electronic resource]. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2018/08/the-role-of-agriculture-in-global-ghg-mitigation_95980987/da017ae2-en.pdf (date of access: 01.06.2025).*

³ Шарциун Е. В. Правовое регулирование механизмов адаптации сельского хозяйства к изменению климата [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

объема выбросов парниковых газов. Поэтому закономерно, что обязательства Республики Беларусь касаются выбросов парниковых газов не только в таких секторах, как «Энергетика», «Промышленные процессы и использование продуктов», «Отходы», «Землепользование, изменение землепользования и лесное хозяйство», но и в секторе «Сельское хозяйство», что соответствует требованиям к отчетности, предусмотренным Руководящими принципами национальных инвентаризаций парниковых газов МГЭИК 2006 г.⁴

Однако в Положении о порядке ведения государственного кадастра антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 марта 2021 г. № 137, для Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, в отличие от других республиканских органов государственного управления, не определен состав информации, которая должна предоставляться в Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды для ведения государственного кадастра парниковых газов (п. 8). Не установлены для отрасли «Сельское хозяйство» в соответствующем перечне⁵ показатели производственных процессов, как и не представлены в нем какие-либо виды сельскохозяйственной деятельности. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии у производителей сельскохозяйственной продукции обязанности по ведению производственного учета выбросов парниковых газов из источников и их абсорбции поглотителями.

В рамках второго направления, связанного с определением конкретных мероприятий по адаптации сельского хозяйства к изменению климата, мы можем констатировать во многом схожую ситуацию. Так, климатическая повестка напрямую не представлена в Указе Президента Республики Беларусь от 17 июля 2014 г. № 347 «О государственной аграрной политике» и в основных аграрных законах: Законе Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 102-З «О селекции и семеноводстве сельскохозяйственных растений», Законе Республики Беларусь от 20 мая 2013 г. № 24-З «О племенном деле в животноводстве», Законе Республики Беларусь от 25 декабря 2005 г. № 77-З «О карантине и защите растений», Законе Республики

Беларусь от 2 июля 2010 г. № 161-З «О ветеринарной деятельности» и др. Однако принятие Закона Республики Беларусь от 9 ноября 2018 г. № 144-З «О производстве и обращении органической продукции», развитие законодательства о мелиорации земель, активное применение механизма обязательного страхования сельскохозяйственных культур, скота и птицы с государственной поддержкой⁶ во взаимосвязи с принимаемыми стратегическими программными документами⁷ создает необходимые предпосылки для формирования в перспективе целостного правового механизма по адаптации сельского хозяйства к изменению климата в рамках аграрного законодательства.

В настоящее время первостепенное значение в правовом обеспечении реализации климатической повестки в сельском хозяйстве имеют нормы экологического и природоресурсного права, направленные на решение проблем в указанной области.

Так, наблюдающиеся в последние десятилетия климатические изменения, а также интенсивное сельскохозяйственное использование земель, широкомасштабная мелиорация (осушение переувлажненных земель), другие виды хозяйственной деятельности обострили проблему деградации сельскохозяйственных земель, сохранения плодородия почв, использования средств защиты растений и отходов аграрного производства, внесения минеральных и органических удобрений, улучшения экологического состояния ферм [1]. На территории Республики Беларусь в различной степени проявляются 20 видов деградации земель (почв), включая наиболее выраженные: водную и ветровую эрозию (дефляцию) почв, минерализацию осущеных торфяных почв, радиационное загрязнение, загрязнение земель химическими и иными веществами. В частности, 556,5 тыс. га сельскохозяйственных земель (7,2 % от их общей площади) подвержены водной и ветровой эрозиям⁸, которые ведут к разрушению почвенного покрова, ухудшению агрофизических, биологических и агротехнических свойств почв, а также загрязнению окружающей среды и ее компонентов (особенно поверхностных и подземных вод) минеральными и органическими веществами, в частности, нитратами, фосфатами, хлоридами и пестицидами⁹.

⁴Руководящие принципы национальных инвентаризаций парниковых газов МГЭИК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipcc-nngip.iges.or.jp/public/2006gl/russian/index.html> (дата обращения: 01.06.2025).

⁵Приложение 1 к Положению о порядке ведения государственного и производственного учета выбросов парниковых газов из источников и их абсорбции поглотителями [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

⁶О страховании урожая сельскохозяйственных культур, скота и птицы в 2025 году : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 февр. 2025 г., № 48 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

⁷Стратегия адаптации сельского хозяйства Республики Беларусь к изменению климата [Электронный ресурс]. URL: <https://minpriroda.gov.by/uploads/files/4-Minselxozprod-Strategija-adaptatsii-s-x.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

⁸Национальный доклад о состоянии окружающей среды Республики Беларусь за 2019–2022 годы. С. 63 [Электронный ресурс]. URL: <https://minpriroda.gov.by/uploads/files/Natsdoklad-2023-na-sajt.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

⁹Там же.

Роль существенного климатообразующего фактора специалисты отводят мелиорации, в том числе проведенному в 1960–80-е гг. масштабному регулированию водного режима земель Беларусь [8]. В настоящее время в процесс аграрного производства вовлечено значительное число мелиорированных и мелиорируемых земель. Например, в пользовании сельскохозяйственных организаций находятся 24,5 тыс. га орошаемых и 2654,5 тыс. га осушенных земель, относящихся к сельскохозяйственным землям¹⁰ (согласно п. 1.49 ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ) они включают земли, систематически используемые для получения сельскохозяйственной продукции: пахотные, залежные, луговые земли и земли под постоянными культурами), что составляет более 37 % от их общей площади. Продолжающееся изменение климата, естественный износ мелиоративных систем и сооружений выносят на повестку дня необходимость их модернизации и адаптации к новым климатическим условиям (так, в настоящее время нередко возникает потребность в преобразовании осушительных мелиоративных систем в осушительно-увлажнительные)¹¹, а также решения ряда экологических проблем, обусловленных мелиорацией земель (минерализация торфяного слоя, ускоренная деградация почв, нарушение водного режима соседних с мелиоративными системами территорий, изменение химического состава поверхностных и подземных вод¹²) либо прекращением ее осуществления (в том числе посредством вывода из эксплуатации мелиоративных систем и сооружений, что может оказывать существенное влияние на сложившиеся экосистемы).

На необходимость развития конкурентоспособного экологически безопасного сельского хозяйства и его адаптации к климатическим изменениям указывается в ряде стратегических и программных документов: Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года, Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года, Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы, Государственной программе «Аграрный бизнес» на 2021–2025 годы, Национальной стратегии развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) Республики Беларусь на период до 2035 года. Ключевое значение при этом отводится реализации принципов зеленой экономики и циркулярной экономики, включая использование органической системы земледелия,

ресурсосберегающих и экологически безопасных агротехнологий, рециклинга отходов; внедрению систем экологического менеджмента в соответствии с международными стандартами; переходу к цифровой модели развития сельскохозяйственного производства, в том числе путем применения точного земледелия и роботизации животноводства.

Таким образом, на сегодняшний день актуальными являются адаптация сельского хозяйства к изменениям климата и одновременно снижение отрицательного воздействия на окружающую среду и глобальную климатическую систему. Сказанное подтверждает важность создания надлежащей правовой основы экологизации сельского хозяйства, учитывающей проблемы и вызовы современности (включая климатические изменения, возникновение парникового эффекта, использование генетически модифицированных организмов, а также био-, нанотехнологий и иных новых технологий), закрепления особенностей правовой охраны окружающей среды в рассматриваемой сфере и права сельскохозяйственного природопользования.

В части экологического законодательства сформирована необходимая правовая основа охраны окружающей среды при осуществлении различных видов хозяйственной и иной деятельности. В Законе «Об охране окружающей среды» специальным требованиям непосредственно для сферы сельскохозяйственного производства посвящено две статьи: ст. 63 (требования в области охраны окружающей среды при эксплуатации объектов сельскохозяйственного назначения) и ст. 64 (требования в области охраны окружающей среды при мелиорации земель, размещении, проектировании, возведении, реконструкции, вводе (приемке) в эксплуатацию, ремонте и эксплуатации мелиоративных систем и отдельно расположенных гидротехнических сооружений).

За рамками Закона «Об охране окружающей среды» остаются экологические требования, которые необходимо соблюдать при осуществлении сельскохозяйственного природопользования [9], что не обеспечивает учет характерной особенности сельского хозяйства как вида хозяйственной деятельности, состоящей в использовании земли и иных природных ресурсов в качестве основного средства производства. Значимость сельскохозяйственного природопользования для обеспечения национальной продовольственной, экологической и биологической безопасности обуславливает необходимость систематизации и закрепления на уровне Закона «Об охране окружающей среды» (а в перспективе Экологического

¹⁰Реестр земельных ресурсов Республики Беларусь (по состоянию на 1 января 2025 г.). С. 5 [Электронный ресурс]. URL: https://gki.gov.by/ru/activity_branches-land-reestr/ (дата обращения: 01.06.2025).

¹¹Не только осушать, но и увлажнять! Беларусь адаптирует мелиоративные системы к новым климатическим условиям [Электронный ресурс]. URL: <https://ctv.by/news/obshhestvo/ne-tolko-osushat-no-i-uvlazhnyat-belarus-adaptiruet-meliorativnye-sistemy-k-novym-klimaticeskim-usloviyam> (дата обращения: 01.06.2025).

¹²Национальный доклад о состоянии окружающей среды Республики Беларусь за 2019–2022 годы. С. 64–65 [Электронный ресурс]. URL: <https://minpriroda.gov.by/uploads/files/Natsdoklad-2023-na-sajt.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

кодекса Республики Беларусь, работа над проектом которого ведется в настоящее время¹³) общих требований в области охраны окружающей среды к осуществлению такого природопользования. Дальнейшего развития в этом направлении требуют и нормы отраслевого природоресурсного законодательства (в настоящее время специфика сельскохозяйственного природопользования отражена, по сути, лишь в КоЗ, хотя в процессе сельскохозяйственной деятельности используются не только земли, но и иные природные ресурсы: воды, леса, недра, растительный и животный мир).

С правом сельскохозяйственного природопользования и охраной окружающей среды в сельском хозяйстве непосредственно связаны проблемы комплексного правового регулирования мелиорации земель, имеющей, как отмечено выше, особое значение в контексте климатической повестки. В ст. 64 Закона «Об охране окружающей среды» предусматривается недопустимость ухудшения состояния окружающей среды и нарушения устойчивого функционирования естественных экологических систем, а также обязательность обеспечения водохозяйственного баланса и рационального (устойчивого) использования вод, охраны земель (включая почвы), лесов, болот, сохранения биологического и ландшафтного разнообразия, предупреждения иного вредного воздействия на окружающую среду на всех этапах проведения мелиоративных мероприятий.

Правовые основы мелиорации земель, в том числе направленной на обеспечение создания и поддержания оптимальных условий для выращивания продукции растениеводства, определены Законом Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 423-З «О мелиорации земель» (далее – Закон «О мелиорации земель»), который был существенно обновлен в 2023 г. с учетом задач, обозначенных Государственной программой «Аграрный бизнес» на 2021–2025 годы. В частности, главой 13 названной программы в качестве приоритетных направлений определена потребность восстановления и поддержания в исправном техническом состоянии мелиоративных систем и отдельно расположенных гидротехнических сооружений (они были созданы преимущественно в советский период и в условиях длительной эксплуатации становятся непригодными для нормальной эксплуатации), а также обеспечения вовлечения в сельскохозяйственный оборот земель после реконструкции мелиоративных систем, восстановления водорегулирующих и переездных сооружений, поддержания оптимального водного режима.

Основным недостатком правового регулирования в указанной сфере является существование Закона «О мелиорации земель» в отрыве от земельного, водного, лесного и иного законодательства, регу-

лирующего правовой режим природных объектов и ресурсов, которые могут быть вовлечены в процесс мелиорации. В частности, соответствующие отрасли природоресурсного законодательства не дифференцируют правовой режим земель (земельных участков), на которых проводятся мелиоративные мероприятия, располагаются объекты недвижимого имущества и (или) природные объекты (лесные насаждения, насаждения объектов растительного мира, водные объекты), обеспечивающие создание и поддержание оптимальных водного, воздушного, теплового и питательного режимов почв для сельскохозяйственных растений, лесов и иных насаждений.

С учетом сказанного требуется существенное развитие положений природоресурсного законодательства Республики Беларусь в направлении комплексного учета природоресурсной и природоохранной специфики мелиорации, в частности, необходимо внести следующие изменения в упомянутое законодательство:

- закрепить в КоЗ понятие мелиорированных и мелиорируемых земель (ст. 1), а мелиорацию земель – в перечне мероприятий по охране земель (ст. 106);

- определить в КоЗ повышенные требования к использованию и охране земель, относящихся к мелиорированным и (или) мелиорируемым, а также к их предоставлению в целях, не связанных с назначением (независимо от того, относятся такие земли к категории земель сельскохозяйственного назначения или иным категориям земель, поскольку вхождение названных земель в состав иных категорий делает их более уязвимыми [10, с. 73–74] в связи с отсутствием в КоЗ специальных правил и нераспространением на такие земли повышенного охранного режима, установленного ст. 49, 50 КоЗ для сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения);

- дополнить ст. 85 КоЗ обязанностями землепользователей земельных участков, на которых расположены мелиоративные системы и отдельные гидротехнические сооружения, а также проведена или проводится мелиорация земель;

- обеспечить в рамках мониторинга земель и ведения государственного земельного кадастра осуществление наблюдений и учета в отношении мелиорированных земель, дополнив ст. 99, 100 КоЗ соответствующими положениями;

- расширить состав защитных лесов, выделяемых п. 4 ст. 16 Лесного кодекса Республики Беларусь от 24 декабря 2015 г. (далее – ЛК) путем отнесения к ним лесов, предназначенных для защиты почв от водной и ветровой эрозий, а также для защиты мелиоративных систем и отдельно расположенных

¹³В Беларуси приступили к подготовке проекта экологического кодекса [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/maj/88570/> (дата обращения: 05.05.2025).

гидротехнических сооружений от вредного воздействия природных и антропогенных факторов;

- ст. 19 ЛК дополнить положениями, определяющими особенности лесопользования, а ст. 22 ЛК – обязанностями юридических лиц, ведущих лесное хозяйство, которые учитывают повышенный охранный режим названных лесов, используемых в процессе мелиорации земель;

- дополнить ст. 33-2 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-З «О растительном мире» (далее – Закон «О растительном мире») понятием и особенностями правового режима защитных насаждений, к которым следует отнести древесно-кустарниковую растительность, не входящую в лесной фонд и предназначенную для защиты почв от водной и ветровой эрозий, а также защиты мелиоративных систем и отдельно расположенных гидротехнических сооружений от вредного воздействия природных и антропогенных факторов;

- обеспечить учет в Водном кодексе Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. (далее – ВК) особенностей не только водопользования, связанного с изъятием поверхностных вод передвижными устройствами для орошения сельскохозяйственных земель (п. 1.5 ст. 30 ВК) и устранением подтопления, заболачивания земель (п. 1.8 ст. 30 ВК), но и иных видов деятельности, которые предполагают использование вод в целях проведения мелиоративных мероприятий.

Задача развития экологически безопасного сельского хозяйства, основанного на принципах «зеленой» экономики, которая обозначена в вышеназванных стратегических и программных документах, требует совершенствования правовых мер, направленных на снижение выбросов парниковых газов, внедрение экологически обоснованных технологий сельскохозяйственного производства и сельскохозяйственного природопользования, предотвращение деградации земель, загрязнения почв, вод и иных компонентов природной среды в результате сельскохозяйственной деятельности. В этом контексте заслуживает внимания не только закрепление общеобязательных природоохранных требований, адресованных субъектам сельскохозяйственной деятельности и сельскохозяйственного природопользования, но и создание правовых механизмов экономического стимулирования проведения дополнительных мероприятий, направленных на сокращение вредного воздействия аграрного сектора на окружающую среду и климат.

При этом меры экономического стимулирования природоохранной деятельности в целом [11] и аграрного производства в частности [12; 13] законодательством Республики Беларусь последовательно не определены. Между тем зарубежный опыт свидетельствует об эффективности таких мер в части обеспечения удержания земель в сельском хозяйстве, улучшения их качества, внедрения экологически обоснованных технологий аграрного производства и т. п. [14].

С учетом сказанного целесообразно привести меры экономического стимулирования охраны земель, вод и иных природных ресурсов, а также окружающей среды в целом в процессе сельскохозяйственной деятельности в единую систему, в том числе посредством расширения перечня мер экономического стимулирования охраны окружающей среды, предусмотренных Законом «Об охране окружающей среды» (ст. 43 и иные статьи), а также закрепления в КоЗ, ВК, ЛК, Законе «О растительном мире» элементов экономического механизма и общего перечня мер экономического стимулирования охраны и рационального использования соответствующих природных ресурсов в сельскохозяйственных целях. Требуют надлежащего правового оформления, в том числе применительно к сфере сельского хозяйства, предусмотренные ст. 47 Закона «Об охране окружающей среды» направления развития «зеленой» экономики, в частности, связанные с внедрением инноваций, направленных на повышение эффективности использования существующих природных ресурсов, энергосбережения, энергоэффективности, снижение уровня негативного воздействия на окружающую среду, смягчение последствий изменения климата и адаптацию к нему. Полагаем, что одним из важнейших условий эффективной реализации таких мер является повышение заинтересованности субъектов хозяйственной и иной деятельности в их осуществлении. Сказанное актуализирует вопрос о пересмотре подходов налогового законодательства Республики Беларусь в части установления льгот по налогу на добычу (изъятие) природных ресурсов, экологическому и земельному налогу, включая связанные с применением технологий, направленных улучшение сельскохозяйственных земель, проведение их мелиорации, и иные технологии, направленные на снижение негативных экологических последствий аграрного производства.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует о чрезвычайной важности формирования эффективного правового механизма охраны окружающей среды и климата в процессе сельскохозяйственной деятельности с обеспечением адаптации такой деятельности к климатическим изменени-

ям, что требует реализации комплексного подхода и закрепления взаимосвязанных мер в экологическом, земельном и ином природоресурсном, аграрном законодательстве.

С учетом вышесказанного можно выделить следующие приоритеты развития и направления

совершенствования законодательства Республики Беларусь в рассмотренной сфере:

- совершенствование правового механизма охраны окружающей среды в части адаптации сельского хозяйства к изменениям климата и снижение отрицательного воздействия данной отрасли экономики на глобальную климатическую систему в тесной взаимосвязи с нормами природоресурсного и аграрного законодательства;
- обеспечение последовательной экологизации аграрного, природоресурсного законодательства и иных его отраслей, в том числе системное правовое закрепление мер экономического стимулирования проведения природоохранных мероприятий субъектами, осуществляющими сельскохозяйственную деятельность и сельскохозяйственное природопользование;
- отражение в отраслевом природоресурсном законодательстве особенностей использования и охраны мелиорированных и (или) мелиорируемых земель, а также водных объектов, насаждений лесного фонда и объектов растительного мира, используемых в процессе мелиорации земель с закреплением особого природоохранного режима перечисленных объектов;
- формирование в рамках аграрного законодательства целостного правового механизма по адаптации сельского хозяйства к изменению климата.

Библиографические ссылки

1. Кузьмич И.П. Правовые проблемы охраны окружающей среды в свете современной аграрной политики Республики Беларусь. В: Устюкова ВВ, Землякова ГЛ, редакторы. *Современные приоритеты в развитии аграрного, земельного и экологического законодательства. Материалы Международной научно-практической конференции; 2 марта 2012 г.; Москва, Россия*. Москва: Фото-Плюс; 2012. с. 91–95.
2. Кузьмич И.П. Правовое обеспечение планирования охраны окружающей среды в сельском хозяйстве. В: Семенков ВИ, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 8*. Минск: Аннформ; 2013. с. 532–540.
3. Кузьмич И.П., Шахрай И.С. Правовое обеспечение охраны окружающей среды в сельском хозяйстве Республики Беларусь. *Lex Russica*. 2016;8:117–129.
4. Кузьмич И.П. Общая характеристика экологических требований по охране окружающей среды в области растениеводства и животноводства в свете экологизации аграрного законодательства. В: Кузьмич И.П., Саскевич ВВ, Чиж ИМ, Михнюк АИ, Шахрай И.С., Шингель НА. *Теоретико-правовые аспекты развития аграрного законодательства Республики Беларусь в области растениеводства и животноводства*. Минск: БГУ; 2017. с. 128–143.
5. Чернов АВ. Правовое обеспечение реализации экологических требований при использовании объектов сельскохозяйственного назначения. В: Вегера ИВ, редактор. *Традиции и инновации в праве. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета и 50-летию Полоцкого государственного университета; 6–7 ноября 2017 г.; Полоцк, Беларусь*. Полоцк: Полоцкий государственный университет; 2017. с. 250–253.
6. Кузьмич И.П., Саскевич ВВ. Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве Республики Беларусь. В: Анисимов АП, редактор. *Актуальные проблемы теории экологического права*. Москва: Юрлит-информ; 2019. с. 496–512.
7. Балашенко СА. О неотложных мерах сохранения и восстановления водного баланса, ирригации и мелиорации. *Юстиция Беларуси*. 2025;5:28–37.
8. Вихров ВИ. Влияние современного изменения климата на оросительные нормы трав в Беларуси. *Мелиорация переувлажненных земель*. 2004;2:13–19.
9. Шахрай И.С. Понятие права сельскохозяйственного природопользования. *Право.by*. 2009;4:128–134.
10. Пышьева ЕС. Правовой режим мелиорируемых и мелиорированных земель. *Журнал российского права*. 2015;7:70–77.
11. Лизгаро ВЕ. Установление мер экономического стимулирования как элемент экономико-правового механизма охраны окружающей среды. В: Балашенко СА, Макарова ТИ, редакторы. *Приоритетные направления развития экологического, земельного и аграрного права. Материалы Республиканского круглого стола, приуроченного к юбилею доктора наук профессора Т. И. Макаровой; 30 марта 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Издательский центр БГУ; 2017. с. 152–155.
12. Кузьмич И.П. Теоретико-правовые основы реализации экономического механизма охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в рамках науки экологического и аграрного права. В: Манкевич И.П., редактор. *Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности*. Минск: Бизнесоффсет; 2016. с. 96–105.
13. Шахрай И.С. Некоторые проблемы правового регулирования экономического стимулирования охраны сельскохозяйственных земель в Республике Беларусь. В: Баймыраев КМ, редактор. *Правовые проблемы аграрного предпринимательства в условиях современной земельной реформы в Республике Казахстан: опыт, инновации и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции; 16 октября 2020 г.; Талдыкорган, Казахстан*. Талдыкорган: Жетысуский университет имени И. Жансугурова; 2020. с. 110–115.
14. Шахрай И.С. Основные направления правового обеспечения рационального использования и охраны сельскохозяйственных земель: белорусский и зарубежный опыт. В: Мартыненко ИЭ, редактор. *Проблемы гражданского права и процесса. Выпуск 8*. Гродно: ГрГУ имени Янки Купалы; 2023. с. 211–218.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW

УДК 341.17:004.056

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Н. В. ВАЛЮШКО-ОРСА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются вопросы, касающиеся правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в Евразийском экономическом союзе. Формулируются рекомендации по совершенствованию правового регулирования общественных отношений в сфере информационной безопасности несовершеннолетних в Евразийском экономическом союзе. В частности, предлагается разработать и принять на уровне Евразийского экономического союза концепцию информационной безопасности несовершеннолетних. Делается вывод о том, что необходимо скоординировать усилия семьи, общества и государства для защиты несовершеннолетних от деструктивной и неправомерной информации, поскольку только совместными усилиями можно достичь положительных результатов в этом весьма важном и непростом деле.

Ключевые слова: информационная безопасность; несовершеннолетние; Евразийский экономический союз; правовая защита; информация.

Образец цитирования:

Валюшко-Орса НВ. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в Евразийском экономическом союзе. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;2:67–72.

EDN: KARWMO

For citation:

Valiushko-Orsa NV. Legal support for information security of minors in the Eurasian Economic Union. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;2:67–72. Russian.

EDN: KARWMO

Автор:

Наталья Викторовна Валюшко-Орса – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры государственного управления юридического факультета.

Author:

Natalia V. Valiushko-Orsa, PhD (law), docent; associate professor at the department of state administration, faculty of law.

natallia.v@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7898-3276>

LEGAL SUPPORT FOR INFORMATION SECURITY OF MINORS IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

N. V. VALIUSHKO-ORSA^a

^aBelarusian State University, 4 Nizalezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines issues related to legal support for the information security of minors in the Eurasian Economic Union. Recommendations are made to improve the legal regulation of public relations in the field of information security of minors in the Eurasian Economic Union. It is proposed to develop and adopt at the level of the Eurasian Economic Union a concept of information security of minors. It is concluded that it is necessary to coordinate the efforts of the family, society and the state in protecting minors from destructive and illegal information, since only through joint efforts it is possible to get positive results in this very important and difficult matter.

Keywords: information security; minors; Eurasian Economic Union; legal protection; information.

Введение

Правовое обеспечение информационной безопасности в Евразийском экономическом союзе является актуальным и значимым в настоящее время ввиду активного развития информационно-коммуникационных технологий. Кроме того, информационная сфера оказывает влияние как на различные сферы жизнедеятельности общества и государства, так и на каждого человека.

Информационная безопасность на современном этапе выходит на первое место в системе национальной безопасности, поэтому формирование и проведение единой государственной политики в этой сфере требует приоритетного рассмотрения. В настоящее время информационная среда общества является определяющим фактором политического, социально-экономического и культурного развития¹.

Следует обратить внимание на то, что одной из самых уязвимых групп населения являются несовершеннолетние. Они наиболее подвержены информационному воздействию, поскольку в силу возраста не имеют достаточно развитого критического мышления.

В преамбуле Конвенции о правах ребенка 1989 г. закреплено, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения»².

Соглашаясь с мнением Т. И. Сустиной, отметим, что несовершеннолетние наиболее чувствительны к негативному информационному воздействию³. В связи с этим основными целями правового регулирования должны быть защита несовершеннолетних от дестабилизирующего воздействия информацион-

ной продукции и создание позитивной информационной среды для их развития [1, с. 8].

Анализ литературы по теме исследования показал, что вопрос правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в ЕАЭС изучен мало.

Так, например, Т. И. Сустина делает акцент на приоритетных направлениях и проблемах правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации общества⁴, В. М. Филиппов, Л. А. Букалерова, А. В. Остроушко, Д. В. Карпухин рассматривают правовые меры противодействия вредному информационному воздействию на несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационных сетях [1]. Названные авторы также анализируют международно-правовые акты и определенный зарубежный опыт правового регулирования обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних.

Кроме того, И. Ю. Гольтияпина и Д. Ф. Мухаметова [2], А. К. Полянина [3], Е. Ф. Жданова и С. О. Кузнецова [4], Т. Э. Каллагов, А. Л. Гогаева, А. В. Качмазова [5] рассматривают некоторые вопросы, касающиеся правового обеспечения информационной безопасности детей в Российской Федерации, С. Д. Семухин [6], Н. В. Евтешина [7], С. Ю. Латышев [8], С. А. Мандзюк и О. А. Егерева [9] делают акцент на рассмотрении вопросов, связанных с обеспечением информационной безопасности несовершеннолетних в интернете, Р. Н. Клочко и А. Н. Русак [10] анализируют отдельные аспекты, связанные с правовым обеспечением информационной безопасности несовершеннолетних

¹Лопатин В. Н. Информационная безопасность России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. СПб : Санкт-Петербург. ун-т, 2000. 433 с.

²Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 24.04.2025).

³Сустина Т. И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2. М. : РУГ, 2023. 28 с.

⁴Там же.

в Республике Беларусь, М. Т. Акимжанова [11] рассматривает некоторые вопросы, связанные с правовым обеспечением информационной безопасности детей в Республике Казахстан, В. А. Туркулец⁵ исследует вопросы, связанные с защитой несовершеннолетних от преступных посягательств, совершаемых с использованием интернета.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в основном в научной литературе делается акцент на рассмотрение вопросов, связанных с правовым обеспечением информационной безопасности несовершеннолетних в отдельных странах, в том числе с учетом соответствующего международного опыта.

Основная часть

На современном этапе в ЕАЭС осуществляется деятельность по различным направлениям в сфере правового обеспечения информационной безопасности, в частности, специалисты из ЕАЭС участвуют в экспертизах проектов международных договоров и иных нормативных правовых актов по вопросам информационной безопасности⁶. «Целью экспертизы проекта нормативного правового акта является улучшение его качества, выявление недостатков и противоречий и в конечном итоге подготовка такого правового документа, который бы отвечал потребностям общественного развития» [12, с. 156].

Следует отметить, что в ЕАЭС имеется правовой департамент (структурное подразделение Евразийской экономической комиссии), основными задачами которого являются в том числе правовая экспертиза проектов международных договоров в рамках ЕАЭС и актов международного характера, не являющихся международными договорами, а также правовая экспертиза проектов решений и распоряжений Высшего совета, Межправительственного совета, решений, распоряжений и рекомендаций Евразийской экономической комиссии⁷.

Поскольку на современном этапе довольно остро стоит вопрос, касающийся правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в ЕАЭС, необходимо уделить особое внимание правовой экспертизе нормативных правовых актов в этой сфере. «Современная информационная сфера непрерывно трансформируется, в свою очередь, изменяются и отношения, складывающиеся по поводу информационных процессов» [2, с. 72], что влечет за собой постановку новых задач перед законодателем.

Система правового обеспечения информационной безопасности находится в постоянном развитии, изменения и дополнения вносятся в действующее законодательство, принимаются новые нормативные правовые акты, поскольку порой действующие

правовые нормы общего характера не могут надлежащим образом обеспечить регулирование правоотношений в рассматриваемой сфере [2, с. 72]. Таким образом, с учетом современных реалий требуется разработка новых подходов, связанных с совершенствованием законодательства, регламентирующего вопросы, связанные с информационной безопасностью несовершеннолетних в ЕАЭС.

Следует обратить внимание на то, что Государственный комитет по стандартизации Республики Беларусь (далее – Госстандарт) предложил ряд инициатив, которые реализуются в том числе на уровне ЕАЭС. Контроль за обращением на внутреннем рынке республики в 2022 г. выявил тенденцию увеличения количества игрушек с устрашающим внешним видом (героев и персонажей преимущественно зарубежных мультфильмов и компьютерных игр), а также иной продукции (тетрадей, рюкзаков, одежду и т. д.) с изображением этих персонажей⁸. Кроме того, порой изготовитель неправильно определяет детскую возрастную категорию для игрушки, что вводит потребителей в заблуждение⁹ и может причинить вред здоровью и развитию несовершеннолетних.

Было выявлено, что критерии и требования, установленные в национальных законодательствах государств – членов ЕАЭС, существенным образом отличаются друг от друга. В связи с этим Госстандарт выступил с инициативой усилить безопасность игрушек и иной продукции для несовершеннолетних комплексно, в частности, гармонизировать законодательства государств – членов ЕАЭС относительно требований безопасности к игрушкам и иной продукции, предназначенной для несовершеннолетних¹⁰.

Таким образом, на основании вышеизложенного, по нашему мнению, было бы целесообразно разработать и принять на уровне ЕАЭС концепцию информационной безопасности несовершеннолетних.

⁵Туркулец В. А. Защита несовершеннолетних от преступных посягательств, совершаемых с использованием сети Интернет : автореф. дис. канд. юрид. наук : 5.1.4. М. : Ин-т государства и права РАН, 2024. 24 с.

⁶Обеспечение информационной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/inftech/ib/> (дата обращения: 24.04.2025).

⁷О департаменте [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/tld/about.php> (дата обращения: 24.04.2025).

⁸Госстандарт планомерно совершенствует требования безопасности к товарам для детей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gosstandart.gov.by/gosstandart-planomerno-sovershenstvuyet-trebovaniya-bezopasnosti-k-tovaram-dlya-detey> (дата обращения: 24.04.2025).

⁹Там же.

¹⁰Там же.

Следует обратить внимание на то, что в рамках СНГ на 33-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ Постановлением от 3 декабря 2009 г. № 33-15 был принят модельный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – модельный закон), а в Российской Федерации прин员а Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1105-р (далее – Концепция информационной безопасности детей в РФ). По нашему мнению, данные акты могут быть использованы при разработке концепции информационной безопасности несовершеннолетних в ЕАЭС.

В первую очередь необходимо определиться, что включает в себя понятие «информационная безопасность несовершеннолетних». По мнению В. М. Филиппова, Л. А. Букалевой, А. В. Остроушко и Д. В. Карпухина, под информационной безопасностью несовершеннолетних следует «понимать состояние защищенности детей от внутренних и внешних информационных угроз, при котором их личность защищена от рисков, связанных с причинением информацией вреда здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию, а также гарантированы права на доступ к информации, на использование информации в интересах осуществления не запрещенной законом деятельности, физического, духовного и интеллектуального развития; режим конфиденциальности информации о личности; защита от распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство человека или подрывающих его репутацию; запрет на незаконный оборот информации, затрагивающей экономические, политические интересы несовершеннолетнего; гарантии на ознакомление с необходимыми для жизнедеятельности человека сведениями» [1, с. 15–16].

Согласно ст. 3 модельного закона информационная безопасность детей – это состояние, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда физическому и психическому здоровью, нравственному, духовному, психическому, физическому и социальному развитию детей, и создаются условия для доступа детей к информации, способствующей их надлежащему развитию и воспитанию. В Концепции информационной безопасности детей в РФ информационная безопасность детей понимается как состояние защищенности, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию.

Следует обратить внимание на то, что согласно п. 1 ст. 13 Конвенции о правах ребенка 1989 г. «ребенок имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода независимо от границ в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка»¹¹.

Согласно п. 2 ст. 13 Конвенции о правах ребенка 1989 г. осуществление этого права может подвергаться некоторым ограничениям, предусмотренным законом и необходимым для уважения прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности или общественного порядка либо здоровья или нравственности населения.

На основании вышеизложенного, по нашему мнению, под информационной безопасностью несовершеннолетних следует понимать состояние защищенности, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда физическому, психическому, социальному, нравственному, духовному здоровью и развитию несовершеннолетних, а также создаются условия для доступа несовершеннолетних к информации, способствующей их надлежащему развитию (саморазвитию), воспитанию, социализации, и благоприятной цифровой среде, дающей возможность безопасного общения.

В целом в ЕАЭС важнейшей задачей должно являться формирование позитивной информационной среды [4, с. 323]. «В данном контексте информационная среда должна быть предназначена для должного социального, личностного, познавательного и физического развития, укрепления психического здоровья детей» [5, с. 236], т. е. речь идет о создании такой информационной среды, которая будет способствовать гармоничному развитию несовершеннолетних [9, с. 79].

С учетом положений Концепции информационной безопасности детей в РФ единая скоординированная и согласованная политика ЕАЭС в сфере обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних должна, по нашему мнению, зиждаться на следующих основных принципах:

- повышение эффективности сотрудничества семьи, общества и государства в интересах защиты несовершеннолетних от информации, способной причинить вред их здоровью и развитию;
- сохранение и укрепление традиционных ценностей;
- противодействие распространению деструктивной и неправомерной информации;
- ответственность родителей (законных представителей) за воспитание и развитие своих несовершеннолетних детей, включая заботу об их физи-

¹¹Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 24.04.2025).

ческом, психическом, социальном, нравственном, духовном здоровье и развитии;

- обучение несовершеннолетних вопросам информационной безопасности в целях формирования у них умения ориентироваться в современной информационной среде и различать деструктивную и неправомерную информацию;
- воспитание у несовершеннолетних навыков самостоятельного и критического мышления;
- создание условий для формирования благоприятной цифровой среды для несовершеннолетних вне зависимости от их местонахождения, социального положения, религиозной и этнической принадлежности;
- формирование в ЕАЭС единства системы мер, направленных на обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних независимо от территориальных и ведомственных разграничений.

Следует обратить внимание на то, что на современном этапе в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий возникают новые вопросы, связанные с обеспечением информационной безопасности несовершеннолетних, в первую очередь, в интернете. Развитие интернета повлекло, кроме положительных аспектов (помощь в учебе, творческом и интеллектуальном развитии и т. д.), новые угрозы безопасности несовершеннолетних (груминг (сексуальные домогательства), кибербуллинг (психологическое насилие в интернете), буллинг (суицид, совершенный из-за психологического насилия в интернете), кибермошенничество (хищение личной информации пользователя), появление опасного контента (сайты экстремистской направленности, порнографические сайты и т. д.))¹².

Таким образом, в настоящее время существует серьезная проблема по обеспечению комплексной безопасности несовершеннолетних в интернете [6, с. 38].

С учетом положений Концепции информационной безопасности детей в РФ для формирования у несовершеннолетних правильного безопасного поведения в цифровой среде, по нашему мнению, необходимо ввести во всех школах (гимназиях) с пятого класса предмет «Информационная безопасность и цифровая грамотность». Освоение этого предмета повысит осведомленность несовершеннолетних о существовании различного рода информации (например правомерной, неправомерной, деструктивной и т. д.), будет содействовать развитию критического мышления, научит правильному использованию

своих персональных данных, безопасному общению в интернете и реальной жизни, а также обезопасит несовершеннолетних от получения деструктивной и неправомерной информации, что, в свою очередь, поможет предотвратить соответствующие негативные последствия.

Следует обратить внимание на то, что в Российской Федерации создан Альянс по защите детей в цифровой среде, который представляет собой объединение девяти крупных технологических и цифровых компаний, а также медиакомпаний страны. Каждый участник альянса подписал хартию «Цифровая этика детства» (далее – Хартия) и обязался прилагать максимум усилий для создания безопасной и благоприятной цифровой среды для детей¹³.

В Хартии закреплено, что ее участники разделяют изложенные в документе ценности, соглашаются «в рамках своих компетенций следовать основам и принципам цифровой этики детства и укреплять взаимодействие между всеми заинтересованными участниками в целях создания защищенной и благоприятной цифровой среды для детей, открывающей возможности для их творческого и профессионального саморазвития, социализации и безопасного общения»¹⁴.

Данные компании взяли на себя следующие обязательства: принимать решения для усиленной защиты от нежелательной информации, осуществлять поиск и удаление противоправных материалов, вести диалог с государством и международными организациями, распространять контент с позитивными ценностями, создавать условия для безопасного развития и общения, повышать цифровую грамотность детей и родителей¹⁵.

Кроме того, в Хартии отдельное внимание уделяется детям с разными способностями и потребностями. В документе закреплено, что должен применяться инклюзивный подход, т. е. речь идет о принятии мер по созданию условий и равных возможностей для гармоничного развития и самосовершенствования в цифровой среде детей с разными потребностями и особенностями¹⁶.

По нашему мнению, было бы целесообразно присоединиться к названному альянсу соответствующим компаниям, созданным на территории ЕАЭС, что, в свою очередь, позволило бы расширить границы и возможности взаимодействия на пути к правовому обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних в ЕАЭС.

¹²О безопасности в сети интернет [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.by/vi-ru/news/o-bezopasnosti-v-seti-internet/> (дата обращения: 26.04.2025).

¹³Об альянсе [Электронный ресурс]. URL: <https://internetforkids.ru/about/> (дата обращения: 26.04.2025).

¹⁴Хартия «Цифровая этика детства» [Электронный ресурс]. URL: <https://internetforkids.ru/upload/docs/charter.pdf> (дата обращения: 27.04.2025).

¹⁵Об альянсе [Электронный ресурс]. URL: <https://internetforkids.ru/about/> (дата обращения: 26.04.2025).

¹⁶Хартия «Цифровая этика детства» [Электронный ресурс]. URL: <https://internetforkids.ru/upload/docs/charter.pdf> (дата обращения: 27.04.2025).

Заключение

В современных реалиях следует по-новому подходить к решению вопросов, связанных с правовым обеспечением информационной безопасности несовершеннолетних в ЕАЭС. Необходим надлежащий анализ информационных правоотношений с участием несовершеннолетних. Для профилактики и непосредственного предотвращения негативного воздействия на несовершеннолетних информации, которая может причинить вред их физическому, психическому, социальному, нравственному, духовному здоровью и развитию, необходимо скоординировать усилия семьи, общества и государства, поскольку, по нашему мнению, только совместными усилиями можно

достичь положительных результатов в деле защиты несовершеннолетних от деструктивной и неправомерной информации, а также создания условий для доступа несовершеннолетних к информации, способствующей их надлежащему развитию (саморазвитию), воспитанию, социализации, и благоприятной цифровой среде, дающей возможность безопасного общения.

Все вышесказанное необходимо учесть при разработке и совершенствовании законодательства, регламентирующего вопросы, связанные с обеспечением информационной безопасности несовершеннолетних в ЕАЭС.

Библиографические ссылки

1. Филиппов ВМ, Букалерова ЛА, Остроушко АВ, Карпухин ДВ. *Правовые меры противодействия вредному информационному воздействию на несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационных сетях*. Москва: РУДН; 2019. 204 с.
2. Гольтияпина ИЮ, Мухаметова ДФ. Нормативно-правовое обеспечение информационной безопасности детей. *Инновационная экономика и общество*. 2017;5:71–79.
3. Полянина АК. Дефекты правового обеспечения информационной безопасности детей. *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2022;3:16–18.
4. Жданова ЕФ, Кузнецова СО. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних детей. В: Междунородная академия бизнеса и новых технологий. *Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона. Сборник материалов X Международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ; 22–23 мая 2024 г.; Ярославль, Россия*. Ярославль: Междунородная академия бизнеса и новых технологий; 2024. с. 322–327.
5. Каллагов ТЭ, Гогаева АЛ, Качмазова АВ. Правовые основы информационной безопасности детей. В: Горский государственный аграрный университет. *Научное обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса горных и предгорных территорий. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Горского ГАУ; 29–30 ноября 2018 г.; Владикавказ, Россия. Часть 2*. Владикавказ: Горский государственный аграрный университет; 2018. с. 236–238.
6. Семухин СД. Нормативно-правовая база информационной безопасности детей, проблемы воздействия на ребенка и пути решения. *Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД*. 2022;2:35–41.
7. Евтешина НВ. К вопросу об информационной интернет-безопасности детей и молодежи. В: Байкова ЛА, редактор. *Педагогика и психология как ресурс развития современного общества. Материалы IX Международной научно-практической конференции; 5–7 октября 2017 г.; Рязань, Россия*. Рязань: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина; 2017. с. 244–247.
8. Латышев СЮ. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в социальных сетях: проблемы и перспективы их решения. В: Голуб ОЮ, Коневец СН, Сергеева ЕВ, редакторы. *Стратегические коммуникации в современном мире*. Саратов: Саратовский источник; 2018. с. 752–756.
9. Мандзюк СА, Егерева ОА. Особенности обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет. В: Слюсаренко ТВ, Царева ЕА, редакторы. *Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции; 5 декабря 2024 г.; Москва, Россия*. Москва: Московский университет им. С. Ю. Витте; 2025. с. 78–83.
10. Клочко РН, Русак АН. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в Республике Беларусь. В: Кадан АМ, Свирский ЕА, редакторы. *Технологии информатизации и управления. Выпуск 3. Книга 1*. Минск: РИВШ; 2017. с. 143–147.
11. Акимжанова МТ. Правовое обеспечение информационной безопасности детей в Республике Казахстан. *Education. Quality Assurance*. 2023;4:9–21.
12. Василевич ГА. *Комментарий к закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»*. Минск: Интерпрессервис; 2003. 256 с.

Статья поступила в редакцию 01.06.2025.
Received by editorial board 01.06.2025.

УДК: 341.48:343.412.2

УЯЗВИМОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДИВИДОВ В УСЛОВИЯХ ГУМАНИТАРНЫХ КРИЗИСОВ В КОНТЕКСТЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

O. V. ЕМЕЛЬЯНОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Оцениваются факторы, которые усугубляют уязвимость индивидов в период гуманитарных кризисов: вооруженные конфликты, безгражданство, гендерные стереотипы об идеальной жертве, явной уязвимости. Формулируются предложения по принятию мер, направленных на снижение вероятности попадания индивидов в число жертв торговли людьми. Подчеркивается необходимость нивелирования гендерных стереотипов об идеальной жертве и явной уязвимости при осуществлении государственными органами с должной осмотрительностью предупреждения, расследования торговли людьми, выявления жертв, предоставления им защиты и оказания помощи. При принятии правовых, организационных и институциональных мер на внутригосударственном уровне требуется надлежащее обеспечение всем жертвам без исключения, в том числе лицам с инвалидностью, доступа к правосудию, а также гарантирование практического применения принципа ненаказуемости жертв.

Ключевые слова: торговля людьми; уязвимость; уязвимое положение; жертва; гуманитарный кризис; гендер; стереотипы.

VULNERABILITY OF INDIVIDUALS TO HUMAN TRAFFICKING DURING HUMANITARIAN CRISES

O. V. EMELYANOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article determines the factors that increase vulnerability of individuals during humanitarian crises (armed conflicts, statelessness, gender stereotypes about the ideal victim, apparent vulnerability). The author produces proposals for measures aimed at reducing vulnerability to human trafficking. It is important to eliminate gender stereotypes of the ideal victim and apparent vulnerability when state bodies take due diligence measures to prevent, investigate the said act, identify victims, provide protection and render assistance to them. When adopting legal, organisational and institutional measures at the domestic level, it is necessary to ensure both proper access to justice for all victims without exception, including persons with disabilities, and guarantee the practical application of the victim's impunity principle.

Keywords: human trafficking; vulnerability; vulnerable position; victim; humanitarian crisis; gender; stereotypes.

Образец цитирования:

Емельянович ОВ. Уязвимое положение индивидов в условиях гуманитарных кризисов в контексте торговли людьми. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2025;2:73–77.

EDN: KCUMWF

For citation:

Emelyanovich OV. Vulnerability of individuals to human trafficking during humanitarian crises. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2025;2:73–77. Russian.
EDN: KCUMWF

Автор:

Ольга Викторовна Емельянович – кандидат юридических наук; заместитель декана по международному сотрудничеству и интернационализации образования, доцент кафедры государственного управления юридического факультета.

Author:

Olga V. Emelyanovich, PhD (law); deputy dean for international cooperation and internationalisation of education and associate professor at the department of state administration, faculty of law.
emelyanovich@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0001-6525-0519>

Введение

Гуманитарные кризисы, включая «человеческие конфликты, стихийные бедствия и пандемии»¹, часто приводят к нарушениям прав человека и росту миграционных потоков, распространению торговли людьми. В докладе Международной организации по миграции за 2024 г. миграция трактуется как гендерно обусловленное явление². Торговля людьми проявляется в период кризисных ситуаций, также она является маркером экономических и социальных трудностей в обществе. С момента принятия первого универсального соглашения о противодействии рассматриваемому явлению³ прошло чуть более 120 лет, а проблема не теряет своей актуальности до настоящего времени.

Центральным вопросом в противодействии торговле людьми является снижение уязвимости. В литературе уязвимые группы и вопросы их защиты рассматриваются в работах Е. С. Алисиевич [1],

А. А. Гаджиевой [2], Е. В. Киселевой [3], С. Е. Смирных [4], О. Н. Толочко [5], А. Н. Щеголевой [6]. Представляют интерес статья А. Х. Абашидзе и О. К. Гончаренко, в которой авторы отмечают, что проблемы насилия в отношении женщин необходимо рассматривать с учетом концепции гендерного равенства [7], и учебное пособие, раскрывающее вопросы защиты прав детей как уязвимой группы [8]. В свою очередь, Е. Г. Горбань в качестве предпосылок торговли указывает неравенство мужчин и женщин, отсутствие равных возможностей, уязвимость⁴. В настоящей статье проводится оценка факторов, которые, по мнению автора, усугубляют уязвимость индивидов в период гуманитарных кризисов, и формулируются предложения по принятию мер, направленных на снижение вероятности попадания индивидов в число жертв торговли людьми.

Уязвимое положение в контексте торговли людьми

Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (далее – Протокол против торговли людьми 2000 г.), в п. а ст. 3 определяет торговлю людьми как вовлечение лиц путем вербовки, перевозки и других деяний в эксплуатацию при применении различных способов принуждения, включая использование уязвимого положения, обмана и силы [9, с. 25]. В Протоколе против торговли людьми 2000 г. и ряде основных международных договоров отсутствует формулировка «уязвимое положение женщин», что является несомненным пробелом в регулировании международного противодействия торговле женщинами. В Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 г. отсутствует формулировка «уязвимое положение». Четкое определение чрезвычайно важно для превенции названного негативного социального явления, а также принятия эффективных мер по его предотвращению и поддержке его жертв.

Согласно п. а ст. 3 Протокола против торговли людьми 2000 г. торговля людьми включает три составляющие: 1) действия; 2) способы; 3) цель эксплуатации.

В современных условиях лица могут перемещаться как при наличии действующих паспортов и виз, так и с поддельными документами. Способы вер-

бовки разнообразны. Например, в деле В. Ф. против Франции⁵, рассмотренном Европейским судом по правам человека, указано, что в Нигерии в отношении заявительницы проводился специальный ритуал по заключению контракта, в ходе которого обрезались ее волосы и ногти. Такая процедура психологически обеспечивала виновным лицам верность будущей жертвы.

Стоит отметить, что согласие жертвы на заплачиванную эксплуатацию не принимается во внимание, если было использовано любое из средств воздействия, указанных выше в п. б ст. 3 Протокола против торговли людьми 2000 г.

Цель эксплуатации как признак торговли людьми имеет значение при ограничении данного преступления от смежных преступлений (рабства, принудительного труда, проституции) в международном уголовном праве. Для разделения торговли женщинами и смежных преступлений необходимо отличать эксплуатацию как цель от эксплуатации как факта [10, с. 23–24].

Важным признаком, детерминирующим гендерную специфику торговли женщинами, является уязвимое положение. В рассматриваемом контексте уязвимое положение женщин имеет первостепенное значение. Основными причинами и факторами риска, диспропорционально влияющими на женщин, в том числе девочек, выступают гендерное неравенство, гендерное насилие, дискриминацион-

¹Гуманитарные кризисы и права человека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/ru/humanitarian-crises> (дата обращения: 25.04.2025).

²Доклад о миграции в мире – 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024-russian> (дата обращения: 25.04.2025).

³International agreement for the suppression of the white slave traffic [Electronic resource]. URL: <https://treaties.un.org> (date of access: 25.04.2025).

⁴Горбань Е. Г. Противодействие торговле людьми (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : автореф. дис.... канд. юрид. наук : 12.00.08. М. : Моск. ин-т экономики, политики и права, 2012. С. 18.

⁵V. F. c. France [Resource électronique]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-108003> (date de la demande: 25.04.2025).

ное законодательство в области труда и миграции, не учитывающее гендерных различий, вооруженные конфликты, постконфликтные ситуации, гуманитарный кризис⁶.

Уязвимость положения предполагает любую сложную ситуацию, в которой лицо не имеет реальной и приемлемой альтернативы, что служит основой для дискриминации. «Уязвимость может быть выражена в любой форме: физическая, психологическая, эмоциональная, семейная, социальная или экономическая. Например, лицо может находиться в опасности, болезненном состоянии, экономической зависимости или не иметь законного статуса жертвы. Иными словами, это стечеие обстоятельств

или трудная жизненная ситуация, когда лицо вынуждено согласиться на эксплуатацию. Лица, злоупотребляющие такой ситуацией, грубо нарушают права человека и нарушают право человека на собственное «достоинство и неприкосновенность»⁷ (перевод наш. – О. Е.).

Аналогичный смысл заложен в понятие «уязвимое положение жертвы торговли» в научном комментарии СНГ⁸. В качестве примеров уязвимого положения при торговле женщинами выделим следующие: проявление насилия со стороны сутенеров, использование уязвимого положения в результате сексуального насилия или злоупотребление экономической незащищенностью⁹.

Факторы, усугубляющие уязвимость индивидов к торговле людьми в период гуманитарных кризисов

Вооруженные конфликты, перемещения и большие потоки беженцев повышают вероятность попадания в число жертв торговли людьми как взрослых, так и несопровождаемых и разлученных с родителями детей. Уязвимость усугубляется ограниченным доступом к возможностям международной защиты. Многочисленные факты торговли женщинами и девочками в целях сексуальной эксплуатации, включая сексуальное рабство, зафиксированы в Эритрее и Эфиопии. В условиях конфликта в регионах Тыграй, Амхара и Афар (Эфиопия) сторонами конфликта, в том числе национальными силами обороны Эфиопии, применяется практика сексуального и гендерного насилия, в частности изнасилований, групповых изнасилований, сексуального рабства и преднамеренной передачи ВИЧ¹⁰. Рискам, связанным с торговлей людьми в целях сексуальной и трудовой эксплуатации, как было установлено, в Мьянме подвергаются люди, перемещенные в результате конфликта, поскольку они находятся в особо уязвимом положении¹¹.

Уязвимость в связи с насилием во время вооруженного конфликта проявляется в следующем: женщины, забеременевшие в результате сексуального

насилия в период конфликта, и дети, родившиеся в результате изнасилования в военное время, сталкиваются с гуманитарными проблемами и проблемами в области безопасности¹². Повышенная вероятность попадания в число жертв торговли людьми в условиях конфликта и инсинуация связи беременных женщин, являющихся выжившими жертвами насилия, и их детей с врагами приводит к усилению стигматизации и повышает их уязвимость¹³.

Особому риску попадания в число жертв торговли людьми в условиях конфликта подвергаются дети в связи с их перемещением внутри страны, закрытием школ, разлучением семей и отсутствием у государственных органов возможности обеспечить защиту прав детей. Неоднократно Генеральный секретарь ООН отмечал, что наибольшее количество случаев серьезного нарушения прав детей и вовлечения их в вооруженные конфликты было зарегистрировано в Демократической Республике Конго, Израиле, Палестине, Сомали, Сирии, Афганистане и Йемене¹⁴.

Безгражданство ограничивает доступ к убежищу и дополнительным возможностям по получению международной защиты, таким как переселение и воссоединение семей, безопасные маршруты

⁶Gender dimensions of human trafficking [Electronic resource]. URL: <http://icat.network/sites/default/files/publications/documents/ICAT-IB-04-V.1.pdf> (date of access: 25.04.2025).

⁷Council of Europe Convention on action against trafficking in human beings. Art. 83 [Electronic resource]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Reports/Html/197.htm> (date of access: 25.04.2025).

⁸Научный комментарий к модельному закону «О противодействии торговле людьми» [Электронный ресурс]. URL: <http://iacis.ru/public/upload/files/1/375.pdf> (дата обращения: 25.04.2025).

⁹Council of Europe Convention on action against trafficking in human beings and its explanatory report. Art. 84 [Electronic resource]. URL: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2015/03/COE-Convention.pdf> (date of access: 25.04.2025).

¹⁰Заключительные замечания по второму периодическому докладу Эфиопии. П. 13 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/CCPR/C/ETH/CO/2> (дата обращения: 25.04.2025).

¹¹Инклюзивные стратегии и программы для решения проблемы бездомности, в том числе после коронавирусного заболевания (COVID-19) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/78/172> (дата обращения: 25.04.2025).

¹²Женщины и девочки, забеременевшие в результате сексуального насилия в условиях конфликта, и дети, родившиеся в результате сексуального насилия в условиях конфликта [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/S/2022/77> (дата обращения: 25.04.2025).

¹³Женщины и мир и безопасность [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/S/2022/740> (дата обращения: 25.04.2025).

¹⁴Children and armed conflict. Art. 41 [Electronic resource]. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/S_2023_363.pdf (date of access: 25.04.2025).

регулярной миграции для лиц, перемещенных в результате конфликта, тем самым усугубляет уязвимость людей в контексте торговли людьми¹⁵.

В настоящее время наблюдается укоренение гендерных стереотипов об идеальной жертве. Наблюдается ситуация, при которой женщины воспринимаются как однородная группа в действиях по борьбе с торговлей людьми. В общей рекомендации № 38 Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин подчеркивает, что причины, по следствия и опыт торговли людьми различны для маленьких девочек, девушек-подростков и взрослых женщин¹⁶. В связи с этим необходимо учитывать возраст жертв и интересы детей при принятии мер по борьбе с торговлей людьми¹⁷.

Одновременно недостаточное внимание уделяется мужчинам и мальчикам, которые остаются в «серой зоне» и не воспринимаются «как жертвы торговли людьми для всех целей эксплуатации или как лица, которым угрожает опасность стать такими жертвами, в связи с чем отмечаются особые препятствия на пути признания мужчин и мальчиков жертвами сексуальной эксплуатации и сексуального рабства»¹⁸.

Патерналистский подход к принятию защитных мер препятствует признанию жертв торговли людьми носителями прав. В такой ситуации меры по борьбе с торговлей людьми усиливают гендерное неравенство и ограничивают возможности как женщин и девочек, так и мужчин и мальчиков.

Стереотип о явной уязвимости женщин и девочек является основой предупреждения торговли людьми и противодействия ей как на национальном, так и на международном уровнях. Нормативное закрепление патриархальной ориентированности на защиту может привести к ограничению субъектности и мобильности не только женщин и девочек, но и мужчин и мальчиков, ставших жертвами торговли людьми. Такой подход препятствует призна-

нию жертвами торговли лиц, не соответствующих стереотипным представлениям об уязвимой жертве (например, мужчин)¹⁹.

Ввиду дискриминации, пагубных стереотипов и отсутствия инклюзивной среды женщины и девочки с инвалидностью становятся уязвимыми и подверженными насилию и торговле людьми во время конфликтов и чрезвычайных ситуаций. Дискриминация и стереотипы ограничивают участие женщин с инвалидностью в принятии решений²⁰. В Эфиопии, Ираке, Сирии женщины и девочки с инвалидностью подвергаются торговле в целях сексуальной эксплуатации²¹.

Инвалидность повышает вероятность попадания в число жертв торговли людьми как в международных, так и в немеждународных вооруженных конфликтах. Необходимо иметь в виду пересечение различных факторов дискриминации и учитывать интересы лиц с инвалидностью в условиях конфликта в контексте принудительной преступной деятельности, а также нормативного закрепления и практической реализации принципа ненаказания²².

Конвенция о правах инвалидов 2006 г. налагает на государства обязательство принимать надлежащие меры по борьбе с торговлей людьми с учетом интересов лиц с инвалидностью в условиях конфликта в целях обеспечения свободного доступа к правосудию, эффективным средствам правовой защиты²³. Важно, чтобы меры предотвращения и реагирования на риски торговли людьми должным образом учитывали интересы лиц с инвалидностью и гарантировали их права при предоставлении информации и защиты, обеспечении доступа к безопасному жилью, транспорту, оказании помощи²⁴.

В Политической декларации 2021 г. об осуществлении Глобального плана действий ООН по борьбе с торговлей людьми указывается «устранение социальных, экономических, культурных, политических и других факторов, которые делают людей уязви-

¹⁵Защита беженцев, внутреннее перемещение и безгражданство [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/53/28> (дата обращения: 25.04.2025) ; Инклюзивные стратегии и программы для решения проблемы бездомности, в том числе после коронавирусного заболевания (COVID-19). П. 41 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/78/172> (дата обращения: 25.04.2025).

¹⁶Общая рекомендация № 38 о торговле женщинами и девочками в контексте глобальной миграции [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/CEDAW/C/GC/38> (дата обращения: 25.04.2025).

¹⁷Торговля людьми и гендерные аспекты и мир и безопасность. П. 49 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/79/161> (дата обращения: 25.04.2025).

¹⁸Усиление ответственности за торговлю людьми в условиях конфликта. П. 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/78/172> (дата обращения: 25.04.2025) ; Торговля людьми и гендерные аспекты и мир и безопасность. П. 51 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/79/161> (дата обращения: 25.04.2025).

¹⁹Там же.

²⁰Торговля людьми и гендерные аспекты и мир и безопасность. П. 34 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/79/161> (дата обращения: 25.04.2025).

²¹Усиление ответственности за торговлю людьми в условиях конфликта [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/78/172> (дата обращения: 25.04.2025).

²²Торговля людьми и гендерные аспекты и мир и безопасность. П. 32 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/79/161> (дата обращения: 25.04.2025).

²³Доклад Специального докладчика по вопросу о торговле людьми, особенно женщинами и детьми. П. 60 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/76/263> (дата обращения: 25.04.2025).

²⁴Резолюция 2475 (2019) Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/S/RES/2475> (дата обращения: 25.04.2025). ; Торговля людьми и гендерные аспекты и мир и безопасность. П. 33 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/79/161> (дата обращения: 25.04.2025).

мыми для торговли людьми, таких как бедность, низкий уровень развития, незаконная миграция, безгражданство, безработица, неравенство, гендерное неравенство, сексуальное и гендерное насилие, дискриминация, в том числе гендерная и расовая, инвалидность, социальная и финансовая изоляция, маргинализация, стигматизация, коррупция, преследования, а также чрезвычайные гуманитарные ситуации, вооруженные конфликты и стихийные бедствия; подчеркивается исключительная важность

устранения негативных социальных норм, поддерживающих гендерное неравенство и дискриминацию, включая культуру терпимости к насилию в отношении женщин, молодежи и детей, которая делает их особенно уязвимыми для торговли людьми»²⁵.

Между тем, уязвимость является следствием не выполнения государствами своих обязательств по предотвращению торговли людьми и обеспечению эффективной защиты лиц, которым угрожает опасность, особенно детей²⁶.

Заключение

Для снижения вероятности попадания индивидов в число жертв торговли людьми во время гуманитарных кризисов государственным органам при осуществлении с должной осмотрительностью предупреждения, расследования названного преступления, выявления жертв, предоставления им защиты и оказания помощи важно нивелировать гендерные стереотипы об

идеальной жертве и явной уязвимости. На внутригосударственном уровне требуется принятие правовых, организационных и институциональных мер по надлежащему обеспечению доступа к правосудию всем без исключения жертвам торговли людьми, включая лиц с инвалидностью, а также гарантирование практического применения принципа ненаказуемости жертв.

Библиографические ссылки

1. Алисиевич ЕС. *Поощрение и защита прав уязвимых групп в международном праве*. Москва: РУДН; 2012. 431 с.
2. Гаджиева АА. Гендерный аспект исследований в виктимологии. *Виктимология*. 2019;4:36–42.
3. Киселева ЕВ. Гендерные аспекты международно-правовой защиты лиц, перемещенных внутри страны: постановка проблемы. *Закон и право*. 2014;12:129–131.
4. Смирных СЕ. Права некоторых наиболее уязвимых групп в международном и национальном праве. *Russian Journal of Legal Studies*. 2020;7(1):47–57.
5. Толочко ОН. Международные стандарты гендерного равенства и их имплементация в Республике Беларусь. В: Червякова ТА, редактор. *Совершенствование нормативных правовых основ и механизма государственного управления в условиях правовой интеграции государств. Материалы Международного круглого стола; 30 октября 2020 г*; Минск, Беларусь. Минск: БГУ; 2021. с. 79–82.
6. Щеголова АН. Виктимологические аспекты насилия в отношении женщин. В: Бокова ОИ, редактор. *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. Выпуск 4. Часть 1*. Воронеж: Воронежский институт МВД России; 2018. с. 196–204.
7. Абашидзе АХ, Гончаренко ОК. «Гендер» в международном праве прав человека: теория и практика. *Московский журнал международного права*. 2022;2:6–16. DOI: 10.24833/0869-0049-2022-2-6-16.
8. Абашидзе АХ, Абдуллин АИ, Амирова АА, Ананидзе ФР, Банис ПА, Белоусова АА и др. *Международная защита прав ребенка. Абашидзе АХ, Белоусова АА*, редакторы. Москва: РУДН; 2021. 469 с.
9. Емельянович ОВ. Организационно-правовые и теоретические проблемы международно-правового противодействия торговле женщинами. *Юстиция Беларусь*. 2022;10:24–28.
10. Емельянович ОВ. *Международно-правовое противодействие торговле женщинами: гендерные аспекты*. Минск: БГУ; 2020. 267 с.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025.
Received by editorial board 24.04.2025.

²⁵ Политическая декларация 2021 года об осуществлении Глобального плана действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми. П. 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/76/7> (дата обращения: 25.04.2025).

²⁶ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. П. 138, 139 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/60/1> (дата обращения: 25.04.2025).

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО РЕАГИРОВАНИЮ НА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ

О. Н. ТОЛОЧКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Международное сотрудничество в оперативном реагировании на экологические угрозы и чрезвычайные ситуации является важным направлением защиты населения и территории Республики Беларусь. В связи с этим обстоятельством исключительно актуальным является совершенствование норм международного и национального права, а также интеграционного права Евразийского экономического союза в рассматриваемой области. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе международного сотрудничества по противодействию экологическим угрозам и чрезвычайным ситуациям, предотвращению и ликвидации их последствий. Цель исследования состоит в анализе сложившейся институциональной договорной системы противодействия экологическим угрозам и чрезвычайным ситуациям, а также выработке практических предложений по совершенствованию норм права. В результате исследования выявлены основные тенденции развития правового регулирования в сфере противодействия экологическим угрозам и чрезвычайным ситуациям, разработаны предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере. Область применения результатов исследования – право Евразийского экономического союза, законодательство Республики Беларусь, практика применения указанных норм в процессе международного сотрудничества по экологическим угрозам и чрезвычайным ситуациям.

Ключевые слова: международное сотрудничество; право ЕАЭС; законодательство Республики Беларусь; экологические угрозы; чрезвычайные ситуации.

INTERNATIONAL COOPERATION IN RESPONSE TO ENVIRONMENTAL THREATS AND EMERGENCIES

О. Н. ТОЛОЧКО^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. International cooperation in rapid response to environmental threats and emergencies is an important area of protection of the population and territory of the Republic of Belarus. In this regard, it is extremely important to improve the norms of international and national law, as well as the integration law of the Eurasian Economic Union in the area under consideration. The object of the study is public relations arising in the process of international cooperation to counteract, prevent and eliminate the consequences of environmental threats and emergencies. The purpose of the study is to analyse the existing institutional and contractual system of counteracting environmental threats and emergency situations, as well as to develop practical proposals for improving the rules of law. As a result of the study, the main trends in the development

Образец цитирования:

Толочко ОН. Международное сотрудничество по реагированию на экологические угрозы и чрезвычайные ситуации. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2025;2:78–83.
EDN: KDFMBS

For citation:

Tolochko ON. International cooperation in response to environmental threats and emergencies. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2025;2:78–83. Russian.
EDN: KDFMBS

Автор:

Ольга Николаевна Толочко – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры государственного управления юридического факультета.

Author:

Olga N. Tolochko, doctor of science (law), full professor; professor at the department of public administration, faculty of law.
o.tolochko@mail.ru

of legal regulation in the field of counteracting environmental threats and emergency situations were identified, proposals for improving the legislation in the studied area were developed. The scope of application is the law of the Eurasian Economic Union, the legislation of the Republic of Belarus, the practice of applying these rules in the process of international cooperation on environmental threats and emergency situations.

Keywords: international cooperation; EAEU law; legislation of the Republic of Belarus; environmental threats; emergency situations.

Введение

Международное сотрудничество по реагированию на экологические угрозы и чрезвычайные ситуации является важным инструментом реализации экологической политики Республики Беларусь и достижения целей устойчивого развития. Потребность в эффективном межгосударственном взаимодействии на этом направлении в последнее время возрастает ввиду глобального изменения климата, интернационализации последствий природных катаклизмов и чрезвычайных ситуаций, урбанизации и сосредоточения большого количества людей в населенных пунктах, увеличения количества наводнений, засух, ураганов, волн экстремальных температур и т. д. В связи с этим в юридических науках и иных отраслях социально-гуманитарного знания растет запрос на исследование наиболее актуальных проблем, связанных с оперативным реагированием на экологические угрозы и чрезвычайные ситуации.

Различные проблемы, касающиеся совершенствования управления рисками, оперативного реа-

гирования, преодоления последствий и адаптации к возрастанию количества экологических угроз и чрезвычайных ситуаций исследованы в работах В. В. Лисаускайте [1–4], А. А. Смирновой и К. В. Шевченко [5], Сунь Есинь [6], С. Б. Немченко, П. А. Чебоксарова и Э. Н. Чижикова [7], Е. К. Назаренко и Л. К. Лукьяниной [8] и др.

Цель исследования состоит в анализе сложившейся институциональной и договорной системы противодействия экологическим угрозам и чрезвычайным ситуациям, а также выработке практических предложений по совершенствованию норм права.

Задачами исследования являются анализ сложившейся в международном праве системы противодействия экологическим угрозам и чрезвычайным ситуациям, выявление перспективных направлений совершенствования норм права ЕАЭС в рассматриваемой сфере, выработка практических предложений по совершенствованию норм национального права, стратегических документов и практики их применения.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили общеначальные (диалектико-материалистический метод, метод системного анализа) и специальные (формально-юридический метод) методы познания.

Теоретической базой стали научные труды правоведов, нормы международных договоров и национального законодательства, регулирующие предотвращение и ликвидацию последствий указанных угроз и ситуаций, а также защиту населения.

Результаты и их обсуждение

Экологические угрозы – собирательное и в значительной мере условное понятие. Какого-либо легального (нормативного) определения экологических угроз в настоящее время нет. В Стратегии в области охраны окружающей среды Республики Беларусь на период до 2035 года в качестве вызовов и угроз выделяются повышение аридизации климата, увеличение повторяемости неблагоприятных явлений (засух, периодов с аномально высокой температурой, опасных метеорологических условий рассеивания загрязняющих веществ и др.)¹. Кроме того, в документе отмечается, что особый вид экологических угроз связан с недостаточным уровнем экологической культуры населения, следствием чего является

потребительское отношение к природе, несоблюдение правил поведения в окружающей среде, нарушение природоохранного законодательства. В самом общем виде под экологической угрозой можно понимать непосредственную опасность нарушения устойчивости и надежности экосистем в результате человеческой деятельности и естественных катастроф, которая может привести к необратимым изменениям окружающей среды².

По мнению Н. М. Великой и О. П. Новожениной, в настоящее время «экологическая проблематика по приоритетности значительно отстает от социально-экономической и политической, при этом в политическом публичном пространстве она всегда

¹Стратегия в области охраны окружающей среды Республики Беларусь на период до 2035 года. С. 10–13 [Электронный ресурс]. URL: <https://minpriroda.gov.by/uploads/files/2021/strategija-oxr.okr.sredy-do-2035g..pdf> (дата обращения: 29.04.2025).

²Термины МЧС России [Электронный ресурс]. URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/2676> (дата обращения: 29.04.2025).

отодвигалась на периферию, что объяснялось острой необходимостью решения экономических и социальных проблем. Попытки включить экологическую повестку в официальный дискурс обернулись декларативностью заявленных целей и задач и, как следствие, слабой включенностью населения в экологические проекты» [9, с. 214]. Безусловно, такая ситуация не способствует решению назревших проблем и достижению целей устойчивого развития.

Определение понятия «чрезвычайная ситуация» дано в Законе Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 141-З «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Под чрезвычайной ситуацией в нем понимается обстановка, сложившаяся на определенной территории в результате промышленной аварии, иной опасной ситуации техногенного характера, катастрофы, опасного природного явления, стихийного или иного бедствия, которые повлекли или могут повлечь за собой человеческие жертвы, причинение вреда здоровью людей или окружающей среде, значительный материальный ущерб и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Возрастающая взаимозависимость государств в условиях новых экологических вызовов и угроз, а также обусловленных ими чрезвычайных ситуаций требует эффективного международного сотрудничества. В настоящее время основным органом в структуре ООН, координирующим глобальное реагирование на чрезвычайные ситуации для спасения жизней и защиты людей в гуманитарных кризисах, является Управление ООН по координации гуманитарных вопросов³. Штаб-квартира управления расположена в Нью-Йорке, его филиал находится в Женеве. Создан и функционирует Центральный фонд чрезвычайного реагирования с упрощенным механизмом получения финансовой помощи, который финансируется государствами – членами ООН (крупнейшими донорами являются США, Швеция, Великобритания, ФРГ и Европейский союз), а также многосторонние Объединенные страновые фонды. В качестве одного из структурных подразделений функционирует система оценки и координации действий ООН при стихийных бедствиях, реагирующая на бедствие по запросу пострадавшего государства, которая состоит из представителей государств-членов, каждое из которых, получив запрос, принимает решение о предоставлении помощи⁴. В целом Управление ООН по координации гуманитарных вопросов представляет собой глобальную систему оперативного мониторинга, прогнозирования и реагирования на чрезвычайные ситуации различного характера с учетом их специфики и географического региона.

В международную систему противодействия чрезвычайным ситуациям включены также специализированные учреждения, фонды и программы: ВОЗ, Детский фонд ООН, МВФ, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Всемирная метеорологическая организация, МАГАТЭ, Международная организация гражданской авиации, Все мирная продовольственная программа ООН, которые занимаются конкретными чрезвычайными ситуациями.

Кроме того, создано и действует Управление ООН по снижению риска бедствий, которое организует мероприятия с участием специалистов по соответствующим проблемам и официальных представителей государств, международных организаций и бизнеса⁵.

В настоящее время заключены и действуют достаточно много универсальных международных договоров, призванных обеспечить взаимодействие государств в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. В числе таких договоров Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий 1992 г., Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии 1986 г., Конвенция о помощи в случае ядерной или радиационной аварийной ситуации 1986 г., Конвенция Тампере о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи 1998 г. и др. Довольно большое количество универсальных международных соглашений, а также актов международных организаций по вопросам предупреждения и ликвидации последствий экологических угроз и чрезвычайных ситуаций дает основания некоторым авторам говорить о формировании международного права чрезвычайных ситуаций [4, с. 23].

Сотрудничество в сфере оперативного реагирования на экологические угрозы и чрезвычайные ситуации предусматривается основополагающими актами интеграционных объединений (ЕС, ЕАЭС, СНГ и др.), а также региональных международных межправительственных организаций, таких как АСЕАН, ШОС, Африканский союз. Например, Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций 2015 г. устанавливает, что в случае возникновения чрезвычайной ситуации или появления угрозы ее возникновения на территории одной из сторон эта сторона может обратиться с запросом о предоставлении помощи к другой стороне или сторонам, условия предоставления помощи определяются в каждом конкретном случае по договоренности сторон. Созданы и функционируют Межгосударственный со

³OCHA [Electronic resource]. URL: <https://www.unocha.org/> (date of access: 29.04.2025).

⁴United Nations disaster assessment and coordination [Electronic resource]. URL: <https://undac.un.org/en> (date of access: 29.04.2025).

⁵Управление ООН по снижению риска бедствий [Электронный ресурс]. URL: <https://unsdg.un.org/ru/un-entities/%D1%83%D1%81%D1%80%D0%B1-%D0%BE%D0%BE%D0%BD> (дата обращения: 29.04.2025).

вет СНГ по чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера, Координационный совет по чрезвычайным ситуациям государств – членов ОДКБ. Заключаются межправительственные и межведомственные соглашения по отдельным вопросам реагирования на чрезвычайные ситуации и бедствия. Республика Беларусь заключила более 50 таких международных договоров, в том числе с Австрией, Венгрией, Вьетнамом, Германией, Италией, Турцией и другими странами, наладила взаимодействие с ведущими профильными международными организациями, такими как ООН, МАГАТЭ, ОДКБ, Международная организация гражданской обороны, Международная ассоциация пожарных и спасательных служб.

Международное сотрудничество способствует совершенствованию системы снижения рисков бедствий, оперативному оповещению о чрезвычайных ситуациях и реагированию на них, развитию технологий помощи и спасения, эффективной подготовке кадров, применению и распространению передового опыта в области предупреждения чрезвычайных ситуаций и преодоления их последствий, а также научно-исследовательской деятельности. Республика Беларусь неоднократно оказывала помощь государствам, пострадавшим от природных и иных чрезвычайных ситуаций, в том числе участвовала в тушении лесных пожаров в Греции, Грузии, Латвии, России и Турции.

В целом основными задачами при осуществлении международного сотрудничества в рассматриваемой сфере являются следующие:

- обмен информацией и опытом в области предупреждения и ликвидации последствий катастроф и чрезвычайных ситуаций;
- реализация совместных проектов;
- оказание помощи в оснащении поисково-спасательной техникой, имуществом и снаряжением;
- формирование баз данных о стихийных бедствиях и катастрофах;
- создание международной системы немедленного оповещения и поддержание ее функционирования;
- прогнозирование возможности возникновения чрезвычайных ситуаций и экологических угроз;
- подготовка к действиям на случай возникновения чрезвычайных ситуаций;
- предотвращение трансграничных последствий чрезвычайных ситуаций;
- оказание взаимной помощи при ликвидации чрезвычайных ситуаций;
- научно-техническое сотрудничество.

Очевидно, что вопросы международного сотрудничества и коллективных мер по противодействию экологическим угрозам, предотвращению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций должны быть учтены в праве ЕАЭС. Нарастание климатиче-

ских проблем, увеличение количества техногенных аварий, обусловленных в значительной степени износом основных фондов и оборудования, дефицитом кадров и иными объективными и субъективными факторами, актуализируют активизацию сотрудничества государств в рамках наиболее эффективного на данный момент интеграционного объединения с участием Беларуси – ЕАЭС. Отсутствие в экономическом союзе, каковым является ЕАЭС, правовых механизмов коллективного реагирования на такого рода вызовы представляется очевидным пробелом. В связи с этим необходимо инициировать подготовку (возможно, в виде отдельного приложения к Договору о Евразийском экономическом союзе 2014 г.) документа о реагировании, сотрудничестве, гуманитарной и технической помощи при возникновении на территории государства-участника чрезвычайной ситуации техногенного или экологического характера. В таком документе должны быть предусмотрены порядок проведения аварийно-спасательных работ, обращения за помощью, ее объем, а также механизмы финансирования соответствующих мероприятий. Возможно, стоит определить условия обращения в Евразийский банк развития за соответствующим кредитом или субсидией, рассмотреть создание фонда по противодействию экологическим угрозам и чрезвычайным ситуациям, страхованию рисков и другие вопросы. Нет сомнений, что коллективные меры, принятые «консорциумом» государств-участников, будут масштабными и эффективными, а наличие урегулированного алгоритма действий ускорит и облегчит оперативное реагирование на такого рода ситуации.

Сотрудничество в сфере реагирования на чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера стоит также в повестке ОДКБ. В числе основных задач Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ – участие в проведении мероприятий по защите населения от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие них, а также ликвидации чрезвычайных ситуаций и оказании чрезвычайной гуманитарной помощи. В соответствии со ст. 2 Соглашения о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора коллективной безопасности (далее – Соглашение) формирования направляющей стороны могут направляться на территорию принимающей стороны в соответствии с ее официальным обращением для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, если это не противоречит законодательству обеих сторон. Решение о вводе формирований, а также их задачах, составе, численности, порядке подчиненности, местах дислокации и времени пребывания на территории принимающей стороны принимается Советом коллективной безопасности ОДКБ на основании официального обращения одной

или нескольких сторон при достижении консенсуса. Стороны обеспечивают беспрепятственное движение формирований и их движимого имущества по своим территориям к месту назначения, а также первоочередное предоставление по предварительным заявкам железнодорожного, автомобильного, морского, речного и воздушного транспорта и транспортных коммуникаций в соответствии с требованиями национального законодательства сторон. Полеты авиации выполняются по маршрутам в зонах (районах), которые согласованы с заинтересованными министерствами и ведомствами, а также с органами управления воздушным движением и органами воздушного контроля сторон (ст. 6 Соглашения). Таким образом, Соглашение в самом общем виде определяет характер действий Коллективных сил оперативного реагирования при возникновении чрезвычайных ситуаций, однако не детализируют соответствующие механизмы предоставления помощи в случаях чрезвычайных ситуаций. Финансирование сотрудничества государств – членов ОДКБ в рассматриваемой сфере осуществляется из средств, формируемых за счет бюджетов государств на соответствующие цели.

Международное сотрудничество государств – членов ОДКБ при возникновении чрезвычайных ситуаций может осуществляться в следующих формах:

- проведение встреч уполномоченных органов;
- создание совместных органов;
- заключение международных соглашений;
- обмен информацией, взаимооповещение об угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций на приграничных территориях;
- проведение командно-штабных тренировок, учений;
- создание банков данных о возможных чрезвычайных ситуациях на приграничных территориях государств-участников [7, с. 147].

Как уже отмечалось, в Республике Беларусь существует Закон Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 141-З «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», определяющий общие организационно-правовые нормы в области защиты индивидов, территорий, объектов производственного и социального назначения, а также окружающей среды от чрезвычайных ситуаций. С целью более полной и эффективной реализации указанной функции представляется полезным дополнить указанный закон положениями, имплементирующими в Республике Беларусь передовые международные практики оповещения населения, оказания экстренной медицинской и психологической помощи и финансового обеспечения соответствующих мероприятий.

Так, ст. 1 «Основные понятия» следует дополнить терминами, определяющими субъектов рассматри-

ваемых отношений, в том числе ввести понятия «пострадавший», «спасатель», «добровольный спасатель», «волонтер», «медицинский работник», «сотрудник психологической службы» и подобные, чтобы придать закону адресную и гуманитарную идеологическую направленность.

Статью 8 «Гласность и информация в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций» целесообразно дополнить нормами, регулирующими экстренное оповещение. В ныне действующем законе речь идет об информации и гласности, однако понятия «информация», «гласность» и «оповещение» не являются идентичными. Необходимо установить конкретные правила задействования системы экстренного оповещения, например, как в Казахстане, где законодательно определен сигнал оповещения «Внимание всем», а также установлено, что при использовании такого сигнала система оповещения должна обеспечить одновременное многократно повторяемое доведение информации об угрозе возникновения или возникновении чрезвычайной ситуации до населения и о порядке действий людей в сложившейся ситуации⁶.

Необходимо также дополнить закон нормами, регулирующими оказание медицинской и психологической помощи при ликвидации последствий чрезвычайной ситуации, для чего следует ввести особую ст. 16-1 «Оказание экстренной медицинской и психологической помощи населению, находящемуся в зоне чрезвычайной ситуации». С учетом тенденции к увеличению количества чрезвычайных ситуаций и экологических угроз и расширению их масштабов, возможно, следует рассмотреть вопрос о создании в структуре Министерства здравоохранения Республики Беларусь службы медицины катастроф с соответствующим организационно-техническим обеспечением.

Эти и другие изменения, направленные на реализацию международных стандартов реагирования на экологические угрозы и чрезвычайные ситуации, могут быть осуществлены в процессе подготовки кодекса о гражданской защите, предусмотренного Национальной стратегией по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года.

Помимо упомянутой стратегии, практическим вопросам предупреждения и ликвидации последствий экологических угроз и чрезвычайных ситуаций в Республике Беларусь посвящены такие стратегические документы, как Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 3 декабря 2024 г. № 1050 «Об основных направлениях реализации единой государственной политики в области гражданской обороны» и государственная программа «Урегулирование чрезвычайных ситуаций» на 2021–2025 годы. При разработке этих актов были

⁶О гражданской защите : Закон Респ. Казахстан, 11 апр. 2014 г., № 188-В ЗРК [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000188> (дата обращения: 29.04.2025).

учтены положения принятой под эгидой ООН Сен-дайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы.

Вместе с тем содержащиеся в указанных документах полезные и актуальные положения могут быть дополнены мероприятиями по профилактике восприимчивости людей к ложной и вводящей в заблуждение информации и склонности к ее распространению. Плохое информирование может усугублять существующие и создавать новые риски, особенно в условиях неопределенности. Как подчеркивается в Глобальном аналитическом докладе о мерах по снижению риска бедствий, изменения в медийных и коммуникационных системах опережают изменения в законодательстве, бизнес-моделях, ориентированных на общественные интересы, а также в уровне владения цифровыми навыками и навыками работы со средствами массовой информации⁷. Это обстоятельство повышает восприимчивость общества к лож-

ной и вводящей в заблуждение информации и склонность к ее распространению, что важно учитывать людям, принимающим решения в связи с экологическими угрозами и рисками чрезвычайных ситуаций. Неэффективное информирование может подпитывать слухи, подрывать доверие, препятствовать принятию решений и увеличивать риски.

Необходимо совершенствовать многоуровневую систему управления рисками. Во время кризисов могут возникать разногласия между республиканским и местными уровнями управления. Однако свобода действий местных властей исключительно важна в чрезвычайных ситуациях. Целесообразно конкретизировать их полномочия по включению систем оповещения, организации медицинской и психологической помощи, эвакуации граждан и объектов, а также по другим оперативным действиям, требуемым при возникновении соответствующих обстоятельств.

Заключение

Экологические угрозы и чрезвычайные ситуации становятся серьезным вызовом для международного сообщества в целом и государств в частности. Для противодействия таким вызовам и угрозам, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций пред-

принимаются значительные усилия, однако стремительно меняющаяся в связи с экологическими, социально-политическими и иными факторами ситуация свидетельствует о том, что в данной сфере требуется принятие новых более решительных мер.

Библиографические ссылки

1. Лисаускайте ВВ. ООН и реагирование на бедствия: особенности становления механизма и его отдельные элементы. *Международное право и международные организации*. 2019;2:15–23.
2. Лисаускайте ВВ. Международные организации как субъект международного механизма защиты от бедствий. *Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2020;4:5–17.
3. Лисаускайте ВВ. Глобальная платформа ООН по снижению риска бедствий как особая форма реализации межгосударственного сотрудничества. *Legal Concept = Правовая парадигма*. 2019;18(4):153–158.
4. Лисаускайте ВВ. Международное право чрезвычайных ситуаций как новая отрасль международного права. *Вестник Томского государственного университета*. 2012;4:21–27.
5. Смирнова АА, Шевченко КВ. К вопросу о становлении и развитии международного сотрудничества в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. *Право и государство: теория и практика*. 2023;8:39–42.
6. Сунь Есинь. Управление чрезвычайными ситуациями и глобализация: вызовы современности. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2023;23(4):474–481.
7. Немченко СБ, Чебоксаров ПА, Чижиков ЭН. Гармонизация законодательства государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере приграничного сотрудничества при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. *Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России*. 2017;4:142–149.
8. Назаренко ЕК, Лукьянова ЛК. К вопросу о приграничном сотрудничестве между Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. *Технологии гражданской безопасности*. 2023;2:28–32.
9. Великая НМ, Новоженина ОП. Экологические угрозы как фактор экологизации общественного сознания. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022;15(4):209–227.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025.
Received by editorial board 20.06.2025.

⁷Наш мир в опасности: трансформация управления ради устойчивого будущего [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unrr.org/media/79874/download?startDownload=20250227> (дата обращения: 29.04.2025).

НАУКА ТРАНСПОРТНОГО ПРАВА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ, ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

О. А. ХОТЬКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается необходимость развития транспортного права в Республике Беларусь ввиду возникновения ряда актуальных аспектов в юридической науке и практике. Задача исследования – аргументировать потребность формирования соответствующей науки при помощи постановки вопроса о недостаточном развитии транспортного права как отрасли законодательства. Раскрывается связь отраслей права, имеющих важное значение для достижения ключевых целей правового регулирования транспортной деятельности. Изучаются подходы к повышению уровня системности и эффективности правового регулирования в данной области. Определяются направления совершенствования законодательства в области обеспечения транспортной деятельности, связанные, в частности, с поддержанием баланса публичных и частных интересов, систематизацией норм в соответствующей области, углублением экологизации транспортного законодательства с учетом комплексности транспортного права, а также поиска необходимых правовых средств.

Ключевые слова: правовое регулирование; транспортное право; транспортная безопасность; транспортная деятельность; междисциплинарность в праве; баланс в праве; обеспечение экологической безопасности.

TRANSPORT LAW SCIENCE: INTERDISCIPLINARY CONNECTIONS, PROMISING DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

О. А. KHOTSKO^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The need to develop transport law has been investigated in view of a number of relevant aspects in legal science and practice. The task is to show the need to form a corresponding science on the formulation of the problem of insufficient development of transport law as a branch of legislation basis. It is revealed the relationship of the branches of law that is important for achieving significant goals of legal regulation of transport activities. Approaches to increase the level of systematicity and effectiveness of legal regulation in this area are considered. Areas that determine the improvement of legislation in the field of ensuring transport activities, in particular, related to determining the balance of public and private interests, the systematisation of norms in the relevant area, the deepening environmentalisation of transport legislation, taking into account the complexity of transport law for the search for the necessary legal means are studied.

Keywords: legal regulation; transport law; transport security; transport activities; interdisciplinarity in law; balance in law; ensuring environmental safety.

Образец цитирования:

Хотько ОА. Наука транспортного права: междисциплинарные связи, перспективные направления развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;2:84–91.
EDN: ZVRFYU

For citation:

Khotsko OA. Transport law science: interdisciplinary connections, promising directions of development. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;2:84–91. Russian.
EDN: ZVRFYU

Автор:

Ольга Александровна Хотько – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры государственного управления юридического факультета.

Author:

Olga A. Khotsko, PhD (law), docent; associate professor at the department of state administration, faculty of law.
o.a.khatsko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7259-8089>

Введение

В юридической литературе подробно обоснована необходимость развития транспортного права. Признана особая роль транспортной отрасли и деятельности органов государственной власти по обеспечению прав и свобод граждан, включая гарантирование их конституционных прав, в правовом регулировании. Весомый вклад в разработку проблем транспортной деятельности и необходимости уточнения ряда вопросов понятийного аппарата внесен зарубежными правоведами, однако наибольшую известность в этой сфере приобрели работы российских ученых А. А. Ананьевой, М. А. Бажиной, Е. В. Вавилина, В. А. Вайпана, Н. А. Духно, А. И. Землина, С. Ю. Морозова, которые обращают внимание на проблемы теории и дальнейшего развития транспортного права, тем самым подчеркивая значимость их решения для правоприменительной деятельности. В Республике Беларусь осмысление научных подходов в области транспортной деятельности вызвало интерес к аспектам сущности транспортных правоотношений и транспортной инфраструктуры в контексте развития городов, существования эколого-правовых, международных отношений, которые освещают Д. В. Капский, О. Н. Толочко, О. А. Хотько, Н. М. Шевко. Белорусские ученые не только затрагивали определенные направления данной области знаний в научном и прикладном аспекте, но и одними из первых стали отстаивать идеи целостности правового регулирования транспортной деятельности, взаимосвязи ряда правоотношений в силу специфики отрасли. Более того, в правовой науке проводятся исследования, направленные на формирование транспортной стратегии при влиянии интеграционных процессов, включая особенности расширения транспортной системы и транспортной geopolитики в условиях современных вызовов с учетом международно-правовой концепции регионализма [1–5].

Несмотря на достаточную теоретическую проработку различных аспектов исследуемой науки, изменения в законодательстве указывают на потребность

в уяснении сущности транспортного права в Республике Беларусь, его места в системе права, взаимосвязи с иными отраслями права, а также в понимании правовых средств для совершенствования правовых норм и развития сформулированных учеными-юристами положений. Анализ тенденций развития науки и технологий свидетельствует о том, что отставание в некоторых областях создает угрозу национальной безопасности. Именно науке принадлежит ведущая роль в ее обеспечении, что закреплено в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (п. 11, 55). Применение высокотехнологичных видов транспорта, функционирование «умной» системы транспорта, в том числе с использованием искусственного интеллекта, также доказывают необходимость обратить внимание на существующие в праве подходы к гармоничному сочетанию публичных и частноправовых начал.

Для отечественной науки транспортного права актуальность специального системного научного выявления проблем по поиску правовых средств в целях регулирования транспортной деятельности, выработке научных рекомендаций по повышению системности и эффективности действия норм, совершенствованию законодательства, регулирующего отношения в данной области, обусловлена как особой значимостью указанных проблем для решения задач правового обеспечения соответствующих отношений в условиях их интенсификации и постоянного увеличения количества высокотехнологичных транспортных средств, так и отсутствием научных трудов, в которых эти проблемы рассматривались бы всесторонне. Целью настоящего исследования выступает комплексная разработка правовых направлений развития науки транспортного права, обеспечивающих совершенствование законодательства о транспортной деятельности на основе обозначения проблем, которые существуют в рамках формирования соответствующей отрасли знаний.

Основная часть

Качество и системность правового регулирования отношений являются залогом эффективности работы как ученых, так и правоприменителей, своевременно выявивших пробелы правового регулирования, устранивших их и усматривающих перспективные направления, которые требуют регулирования. Вместе с тем в области технического прогресса такой результат не всегда возможен, а недостаточная гибкость и адекватность принятия решений связаны с неразработанностью концептуального научного подхода или его отсутствием.

Транспортная деятельность весьма обширна и многомерна по своей сущности, однако транспорт-

ное право в настоящее время находится на этапе зарождения системного правового регулирования. В научной литературе обоснованы правовые подходы, касающиеся потребности в учете цифровых решений в транспортной сфере [6] и обеспечения полноты изложения принципов в системе реализации транспортной политики и соответствующей деятельности с учетом динамичных geopolитических процессов [7], а также доказаны потребность экологизации законодательства о транспортной деятельности и влияние интеграционных процессов на развитие транспортного права [8; 9]. В связи с этим прослеживается междисциплинарность науки

и тесная связь с экологическим, хозяйственным, гражданским, интеграционным, цифровым правом. Такая ситуация объясняется тем, что регулирование транспорта направлено на обеспечение деятельности как различных видов транспорта, так и целостной транспортной системы, связанной с перевозками.

Исследования отечественных и зарубежных ученых в области экологического права направлены на решение проблем систематизации и трансформации норм об охране окружающей среды. В них представлены научные позиции, имеющие связь с транспортной деятельностью в силу влияния транспорта на окружающую среду, которые касаются экологизации законодательства и влияния интеграционных процессов на эколого-правовые отношения (Т. И. Макарова, В. И. Лизгаро), совершенствования реализации экологической функции государства (Н. А. Карпович), проблем изменения климата, регулирования климатических прав и организационно-правовых ограничений воздействия на климат (С. А. Балашенко, А. И. Алиев, Т. И. Гусейнов, Н. В. Кичигин, Р. В. Никонов), обеспечения экологической безопасности и закрепления эколого-правовых требований в законодательстве (Е. Н. Абанина, И. С. Шахрай, Н. В. Жаворонкова, Ю. Г. Шпаковский, О. А. Хотько). В упомянутых трудах выявлены способы усиления целенаправленного воздействия государства на решение эколого-правовых проблем [10–20]. В научной литературе обоснованно обращается внимание на то, что для решения проблем трансграничного загрязнения в результате хозяйственной деятельности требуются активное сотрудничество в рамках интеграционных объединений с учетом того, что «международное право в третьем десятилетии XXI в. переживает не самые лучшие времена» [21, с. 46], а также координация усилий государств с разработкой направлений, принципов и условий взаимодействия в данной сфере [15, с. 122]. Внедрение мер правового обеспечения экологической безопасности при реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики ЕАЭС и осуществлении транспортной деятельности – необходимость в условиях сохранения конкурентоспособности товаров и услуг, а также усиления интеграции. Оно должно занимать одно из значимых мест в рамках деятельности ЕАЭС, в том числе соответствующего департамента Евразийской экономической комиссии. В свою очередь, такой подход, касающийся интеграционного взаимодействия и усиления взаимосогласованных подходов государств при реализации задач транспортной политики целесообразно закрепить в числе принципов транспортной деятельности в законодательстве Республики Беларусь.

При формировании предпосылок для комплексного и системного правового регулирования хозяйственной деятельности профессор В. С. Каменков

обозначает «транспортное право автономной подотраслью хозяйственного права» [22, с. 230]. Профессор Н. Л. Бондаренко отмечает, что многие нормы, регулирующие хозяйственную деятельность, подлежат объединению в правовые институты, «которые могут квалифицироваться как подотрасли уже сформировавшейся отрасли “хозяйственное право”» [23, с. 323]. При этом в отношении транспортного права наиболее приемлема позиция о его существовании как комплексной отрасли законодательства в силу «наличия определенного единства юридических норм, которые имеют общие начала и приемы регулирования» [24, с. 16–17]. Вместе с тем отметим, что имеются и другие точки зрения, в совокупности представленные в монографии, посвященной актуальным проблемам транспортного права [25].

Как верно указывает С. В. Белых, транспортное право сочетает в себе нормы публичного и частного права [26, с. 12]. Следует признать, что публично-правовой характер является превалирующим в механизме осуществления транспортной деятельности и получает реальное нормативно-правовое наполнение. Данный тезис подтверждается в том числе созданием государственных цифровым платформ в соответствующей сфере, выработкой правовых подходов, способствующих разрешению практических проблем государственного управления. Имеющийся дисбаланс в системе данной отрасли законодательства вызван сохранившимся с давнего времени представлением о ней как об отдельных нормах, регулирующих главным образом правомочия сторон по договорам перевозки, аренды, транспортной экспедиции. При этом не рассматривается механизм реализации транспортной политики, а именно осуществления государственного управления, при котором необходимо установить взаимосвязь с целым рядом институтов других отраслей права (защита прав и свобод личности, страхование их жизни и здоровья, транспортных средств, в том числе имущества организаций, обеспечение безопасности и качества предоставляемых услуг; контроль деятельности транспортных организаций, контроль за соблюдением законодательства всеми субъектами; организация участия и содействие развитию международных проектов и соглашений, снижение вредного воздействия на окружающую среду, стимулирование использования электротранспорта и развитие интеллектуальных транспортных систем). Абсолютно верна мысль М. А. Бажиной о том, что «регулирование оказания транспортных услуг не может основываться только на частно-правовых началах» [27, с. 245], в подтверждение которой автор приводит пример эксплуатации интеллектуальных транспортных систем и принятия решений системой. В науке транспортного права настало время подытожить научные знания, концептуально определить направления совершенствования теории с учетом правовых средств, выступающих

показателем правового развития отношений в данной области, свидетельствующих о востребованности оперативного регулирования в конкретный период и позволяющих «увидеть место и роль различных юридических явлений в реализации интересов субъектов, в едином процессе упорядочения, взятом в целостности как механизм правового регулирования» [28, с. 12]. Главное в этом процессе – не допустить размытия системы права и уделить внимание разработке непосредственно тех норм, которые требуются для сохранения единства правовой науки и права, что, в свою очередь, позволит достигнуть целей правового регулирования современного транспортного права.

Транспортное право – настолько комплексная отрасль, что на данном этапе целесообразно обратиться к междисциплинарным и интегративным связям, которые присущи юридической науке, во-первых, для понимания и «построения сложноорганизованной системности» [29, с. 26], во-вторых, для обоснования полноты правового регулирования и систематизации транспортного законодательства. Такие связи весьма обширны. При общем рассмотрении сложно обнаружить взаимосвязь с конституционным, административным, гражданским, налоговым правом. Сложность решения проблемы, заключающейся в проведении отвечающих времени реформ, состоит в том, что цели отраслей права являются разноплановыми, хотя и пересекаются в некоторых сферах регулирования. Однако не всегда правовые нормы являются гибкими и адаптивными, а эффективность использования имеющихся механизмов применения нормативных правовых актов – высокой. Это обстоятельство определяет глубину познания правовой действительности, что важно для юридической науки в целом при развитии взглядов на нераскрытие свойства и явления.

Для поиска баланса интересов различных субъектов, действованных в транспортной деятельности, оптимальным средством с позиции права выступает экологизация законодательства. Профессор Т. И. Макарова приводит справедливую точку зрения о том, что «экологизированные» нормы должны «конкретизировать общие положения законодательства об охране окружающей среды» [10, с. 147]. В отношении транспортной деятельности существенное уточнение об экологической направленности ряда норм, начиная с понятийно-категориального аппарата, требуется в соответствующем консолидирующем законе. Поддерживаемая и развивающаяся нами позиция о теоретическом и практическом значении правовых средств транспортного права напрямую касается достижения таких целей, как качество и стабильность правового регулирования транспортной деятельности. Практическое значение экологизации законодательства во многом связано с обеспечением безопасности выполняемых транс-

портных работ и оказываемых услуг, при этом с вводом в эксплуатацию и применением высокотехнологичных транспортных средств данная проблема является наиболее дискуссионной и не утрачивает своей актуальности с момента заложения основ правового регулирования соответствующих общественных отношений.

В дополнение к вышесказанному отметим, что интенсивное развитие инноваций и цифровых технологий, сотрудничество государств на региональном уровне при разработке «зеленых» технологий в сфере транспорта находится на стадии системного формирования [30, с. 217]. В связи с этим при реализации задач скоординированной (согласованной) транспортной политики на евразийском пространстве следует выработать планы по координации общих усилий государств-членов в рамках реализации «зеленых» проектов, что будет отвечать целям устойчивого развития и «зеленой» экономики. Такая необходимость объясняется тем, что в ЕАЭС отсутствуют правовые акты, определяющие единую стратегию обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности в рамках проведения скоординированной (согласованной) транспортной политики. На данном этапе интеграции предлагаемый подход может быть реализован путем подготовки соответствующих рекомендаций с последующим их отражением в законодательстве государств – участников ЕАЭС.

Кроме того, особое внимание необходимо уделить систематизации национального законодательства о транспортной деятельности в контексте правового обеспечения экологической безопасности в силу многочисленности видов транспорта и отсутствия экосистемного научного подхода, применимого к модернизации законодательства на современном этапе. Основополагающим источником права Республики Беларусь, принципы и нормы которого определяют значение и содержание правового регулирования транспортной деятельности, выступает Конституция Республики Беларусь. Она не содержит положений, непосредственно закрепляющих требования к транспортной деятельности и обеспечению безопасности. Вместе с тем права граждан на свободу передвижения, провозглашенные в Основном Законе, следует считать правовым фундаментом рассматриваемой деятельности, что должно в сущности находить выражение в закреплении норм о ней в актах подконституционного законодательства. Эффективная реализация этих положений выступает конституционно-правовой гарантией обеспечения должного уровня безопасности транспортной деятельности.

Среди белорусских источников права особая роль принадлежит актам транспортного законодательства, непосредственно закрепляющим требования по обеспечению безопасности транспортной деятельности. Данные нормы содержатся, например, в Законе Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 140-З

«Об основах транспортной деятельности», Законе Республики Беларусь от 14 августа 2007 г. № 278-З «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках», Законе Республики Беларусь от 13 июня 2006 г. № 124-З «О транспортно-экспедиционной деятельности». Однако вопросы обеспечения безопасности не учитывают специфику воздействия на окружающую среду транспортной деятельности в целом и различных видов транспорта в частности и не являются комплексно направленными на решение серьезной проблемы с практической точки зрения в контексте реализации согласованной транспортной политики Союзного государства.

Таким образом, проведенный анализ законодательства свидетельствует о необходимости усилить его детализацию, в том числе закрепить требования безопасности для конкретных видов транспортной деятельности, а также учесть необходимость решения задач снижения вредного воздействия транспорта на окружающую среду на национальном и наднациональном уровнях. В свою очередь, система необходимого поведения субъектов, осуществляющих транспортную деятельность формируется путем установления конкретных правовых средств, включая эколого-правовые требования к эксплуатации транспортных средств. Однако соответствующие правовые нормы фиксируют в ряде случаев лишь общие указания, демонстрируя тем самым фрагментарность данного процесса, при этом положения не подкреплены конкретными мерами юридической ответственности за их несоблюдение.

Междисциплинарность транспортного права следует связать и с административным и уголовным правом в части привлечения виновных субъектов к ответственности за противоправные действия в области безопасности движения. Безопасность транспортной деятельности в целом не имеет должного правового регулирования ввиду недостаточности научного обоснования, однако данный вопрос, как уже упоминалось, не может оставаться в праве нерешиенным. Обращают на себя внимание нормы Закона Республики Беларусь от 5 января 2008 г. № 313-З «О дорожном движении», поскольку неустранимые угрозы дорожному движению, невыполнение правил поведения на дорогах может повлечь дорожно-транспортные происшествия и применение мер ответственности к нарушителям, при этом выбросы загрязняющих веществ автомобильных транспортных средств при авариях негативно воздействуют на окружающую среду. Стоит отметить, что благодаря использованию дистанционных средств оплаты проезда на определенных участках дороги (платных магистралях) удалось решить проблему транспортных заторов, а также увеличить пропускную способность, повысить уровень комфорта передвижения и снизить выбросы углерода.

Все вышесказанное свидетельствует о наступлении времени для общетеоретического рассмотре-

ния феномена транспортно-правовой науки в Республике Беларусь, основательного исследования ряда широких понятий, придания им статуса самостоятельных юридических категорий. Сложные и неоднозначные процессы, происходящие в последние годы, должны ориентировать юридическую науку на поиск фундаментальных решений для актуальных вопросов (например, вопросов об эксплуатации интеллектуальной транспортной системы и конкретном правовом регулировании с учетом уже имеющихся в праве ЕАЭС подходов). Более того, полагаем целесообразным пересмотр положений актов транспортного законодательства в целях согласования терминологии, а также систематизации и экологизации транспортного законодательства. В частности, стоит задуматься о том, какое понятие следует использовать в юридической науке и практике: «безопасность транспортной деятельности» или «транспортная безопасность». Данный вопрос возникает в свете существующей разницы в понятийных аппаратах Республики Беларусь и Российской Федерации и создаваемых участниками Союзного государства условий для формирования объединенной транспортной политики, что предусмотрено непосредственно Договором о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. Прежде всего стоит понимать, каких конкретно субъектов, объектов или состояний касается безопасность, с какими угрозами и трудностями она связывается и какие преобразования законодательства требуются [31; 32].

С позиции С. Ю. Морозова, выдающегося специалиста в области транспортного права, правовыми средствами следует считать «непротиворечие правовым нормам, иным юридическим формам и юридической доктрине инструменты, пригодные и достаточные для достижения правовой цели» [33, с. 42]. Главным отличием правовых средств транспортно-правовой науки, на наш взгляд, является ориентированность на достижение непосредственно публично-правовых целей, поставленных государством и реализуемых в конкретных нормах. В дополнение отметим, что они имеют связь с социальной и экологической сферами, поскольку являются направленными на достижение целей устойчивого развития, но и этот аспект выражается в принятии управленческих решений на всех уровнях власти.

Таким образом, повышению уровня комплексности, системности и эффективности правового регулирования транспортной деятельности способствуют правовые средства, включающие три основные группы: 1) средства, связанные с определением баланса публичных и частных интересов субъектов соответствующей деятельности; 2) средства, направленные на систематизацию правовых норм соответствующей области отношений; 3) средства, нацеленные на углубление экологизации транспортного законодательства с учетом комплексности транспортного права.

Новые подходы к закреплению соответствующих норм в источниках права Республики Беларусь необходимо вырабатывать, опираясь на методы решения эколого-правовых проблем и используя их как критерий обоснованности направлений по совершенствованию правовых подходов к обеспечению экологической безопасности [34]. Абсолютно нового уровня совершенствования правового регулирования транспортной деятельности можно достичнуть при качественном использовании таких сложных феноменов, как правовые средства – инструменты, применяемые для достижения намеченного результата. К более эффективным средствам в транспортном праве можно отнести фискально-ограничительные меры, а также меры стимулирующего характера и охарактеризовать их как показатель правовых воз-

можностей, а также уровня развития науки и права. Они подлежат объединению в механизм правового регулирования, включающий устранение препятствий на пути повышения качества и достижения стабильности правового регулирования. Полагаем, что в белорусской науке ощущается недостаток исследований, которые раскрывали бы содержание транспортного права с общетеоретических позиций в аспекте его комплексности и обширного междисциплинарного характера, что способствовало бы эффективному функционированию и дальнейшему развитию транспортных коридоров в ЕАЭС, применению системного подхода при разработке межгосударственных соглашений, определении совершенствования нормативного регулирования транспортной стратегии.

Заключение

Для достижения полноты правового регулирования транспортной деятельности целесообразно провести максимально полные и глубокие научные исследования в целях выявления сущности и взаимосвязи комплекса отношений и закрепления соответствующих норм в актах программного, стратегического характера и иных источниках права. Основой повышения эффективности обеспечения транспортной деятельности должно стать определение перспективных концептуальных направлений по совершенствованию транспортного законодательства. В правовые нормы необходимо включить конкретные направления соответствующей деятельности государственных органов, которые должны приводить к конкретным результатам, исходя из цели правового регулирования как на региональном, так и на национальном уровнях. На евразийском пространстве в целом и в Союзном государстве в частности реализации ряда мер согласованной транспортной политики будут способствовать в том числе положения транспортного законодательства, получившие должное ясное обоснование в отечественной науке транспортного права, что позволит гармонизировать акты государств-членов и эффективно реализовать соответствующую политику по развитию единого транспортного пространства.

К перспективным направлениям развития транспортного права предлагается отнести несколько составляющих, которые устраняют устаревший подход в законодательстве, расширяют область регулирования транспортной сферы и тем самым повышают возможность реализации норм, регулирующих проблемные на сегодняшний день общественные отношения. Проблема заключается в отсутствии регулирования либо в существовании недостаточного правового подхода, который может стать обширнее, если в целях исполнения регулятивных норм увеличится количество охранительных норм. Впоследствии при изменении условий экономического разви-

тия потребность в правовом регулировании закономерно может отпадать, а подвергаться воздействию будет совсем иной аспект (например, интеллектуальная сфера деятельности человека с учетом очевидной активизации использования искусственного интеллекта), но данный процесс однозначно является неизбежным.

Направлениями, обеспечивающими развитие науки транспортного права, следует считать следующие:

- максимальное обеспечение баланса интересов граждан, общества, государства в реализации национальной транспортной политики с позиции научной обоснованности и соответствия требованиям нормотворческой техники, прогнозирования и своевременности принятия мер, достижения высоких стандартов качества жизни с учетом внедрения инновационных технологий, обеспечения технологического суверенитета в контексте подготовки направлений технологического лидерства государства в краткосрочной и долгосрочной перспективах;

- систематизация законодательства о транспортной деятельности и обеспечение модернизации правового регулирования в контексте всесторонних преобразований, касающихся цифровизации соответствующих отношений, преодоления проблем рассредоточения норм в различных нормативных правовых актах, установления единства в сфере транспортной безопасности, в том числе в рамках актов Союзного государства с учетом сложности задач правового обеспечения в данной области общественных отношений и увеличения их количества, а также динамики изменений законодательства;

- реализация экосистемного подхода к регулированию транспортной деятельности и углубление экологизации транспортного законодательства с закреплением в его актах основных понятий, направлений обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности и конкретных требований

по снижению вредного воздействия транспорта на окружающую среду с учетом национальной экологоправовой политики и актов права межгосударственных объединений в контексте внедрения принципов «зеленой» экономики;

• формирование правовых основ и развитие институциональных основ, координация усилий субъектов соответствующей деятельности для создания

интеллектуальной транспортной системы Республики Беларусь и внедрение обязательных требований и технологий по обеспечению реализации взаимодействия интеллектуальных транспортных систем в ЕАЭС в целях создания единого информационного пространства, повышения эффективности их функционирования при оказании информационной поддержки участникам дорожного движения.

Библиографические ссылки

1. Кислицына НФ. Транспортные стратегии СНГ и ЕАЭС в условиях формирования нового миропорядка. В: Капустин АЯ, редактор. *Феномен регионализма в условиях современных вызовов*. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 2024. с. 167–178.
2. Хотько ОА. Перспективные направления транспортного права и обеспечение научной основы для правового регулирования транспортной деятельности. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 19*. Минск: НЦЗПИ; 2024. с. 435–448.
3. Хотько ОА. Правовое регулирование транспортной деятельности как фактор формирования объединенной транспортной политики Союзного государства в контексте обеспечения национальной и региональной безопасности. *Юстиция Беларуси*. 2023;12:27–33.
4. Хотько ОА. Особенности совершенствования транспортного законодательства в новых реалиях интеграционных отношений: региональное и национальное измерение. В: Мартыненко ИЭ, редактор. *Проблемы гражданского права и процесса. Выпуск 9*. Гродно: ГрГУ; 2024. с. 224–232.
5. Хотько ОА. Предпосылки формирования механизма правового обеспечения экологической безопасности при реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики в Евразийском экономическом союзе. *Юстиция Беларуси*. 2025;4:36–42.
6. Бажина МА. Трансформация транспортных отношений в условиях цифровой реальности. В: Бублик ВА, редактор. *Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права. Сборник статей к 70-летию профессора В. С. Белых*. Москва: Проспект; 2023. с. 57–66.
7. Хотько ОА. Значение реализации принципа безопасности транспортной деятельности в современных условиях: к вопросу новизны правовых исследований. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 18*. Минск: Колорград; 2023. с. 643–650.
8. Карпович НА, Хотько ОА. Источники правового обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2021;1:97–107.
9. Хотько ОА. Теоретико-правовые основы обеспечения экологической безопасности при осуществлении транспортной деятельности на международном уровне и в свете взаимодействия государств – членов Евразийского экономического союза. *Транспортное право и безопасность*. 2022;3:32–38.
10. Макарова ТИ. К вопросу об экологизации законодательства о хозяйственной деятельности. В: Бондаренко НД, Гавриленко АВ, Халецкая ТМ, редакторы. *Теоретические и практические проблемы правового регулирования национальной экономики. Материалы Международного круглого стола; 13 ноября 2024 г.*; Минск, Беларусь. Минск: БГУ; 2025. с. 145–150.
11. Макарова ТИ, Лизгаро ВЕ. Проблемы эффективности экологического права в условиях участия Республики Беларусь в интеграционных процессах. В: Анисимов АП, редактор. *Дискуссионные проблемы экологического права*. Москва: Юрлитинформ; 2020. с. 515–536.
12. Карпович НА. *Экологическая функция государства. Часть 1*. Минск: РИВШ; 2011. 294 с.
13. Карпович НА. *Экологическая функция государства. Часть 2*. Минск: РИВШ; 2011. 386 с.
14. Балащенко СА. Некоторые организационно-правовые ограничения воздействия на климат. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2023;1:3–9.
15. Кичигин НВ, Никонов РВ. Подходы к правовому регулированию климатических прав и обязанностей в России и за рубежом. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2024;20(5):115–127.
16. Алиев АЙ, Гусейнов ТИ. Проблема изменения климата: новые вызовы международно-правового регулирования. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2020;3:120–126.
17. Жаворонкова НГ, Шпаковский ЮГ. *Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации*. Москва: Проспект; 2017. 160 с.
18. Абанина ЕН. Правовое обеспечение экологической безопасности на территории государств – участников СНГ: сравнительно-правовой анализ. В: Анисимов АП, редактор. *Дискуссионные проблемы экологического права*. Москва: Юрлитинформ; 2020. с. 404–423.
19. Шахрай ИС. О закреплении требований, обеспечивающих экологическую безопасность, в природоресурсном законодательстве Республики Беларусь. В: Синюков ВВ, редактор. *Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. Материалы XVI Международной научно-практической конференции; 4–6 апреля 2019 г.*; Москва, Россия. Часть 2. Москва: РГ-Пресс; с. 229–233.
20. Хотько ОА. Экологоправовые требования при осуществлении транспортной деятельности: направления модернизации. *Юстиция Беларуси*. 2019;10:66–71.
21. Капустин АЯ, Боброва ЮВ. Международное право: между глобализмом и регионализмом. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2023;5:45–56.
22. Каменков ВС. От реформы хозяйственного права к перестройке экономики и кадров. У: Міхалёва ТМ, рэдактар. *Юрыдычна наука і аддукцыя ў Беларускім дзяржаўным універсітэце: гісторыя і сучаснасць. Да 95-годдзя юрыдычнага факультэта. Зборнік навуковых прац*. Мінск: БДУ; 2020. с. 226–231.

23. Бондаренко НЛ. Хозяйственное право: новое или хорошо забытое старое. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 16*. Минск: Колорград; 2021. с. 319–327.
24. Морозов СЮ. *Транспортное право*. Москва: Юрайт; 2019. 305 с.
25. Бажина МА, Морозов СЮ. Проблема понятия транспортного права. В: Габов АВ, Морозов СЮ, редакторы. *Актуальные проблемы транспортного права*. Москва: Проспект; 2023. с. 24–43.
26. Белых ВС. *Транспортное законодательство России и зарубежных государств, ЕС, ШОС, ЕврАзЭС*. Москва: Проспект; 2014. 152 с.
27. Бажина МА. Соотношение диспозитивных и императивных начал в регулировании транспортной деятельности. В: Валеев ДХ, Михайлов АВ, редакторы. *Межотраслевые связи в частном и публичном праве*. Казань: Издательство Казанского университета; 2022. с. 241–246.
28. Малько АВ. Правовые средства как общетеоретическая проблема. *Правоведение*. 1999;2:4–16.
29. Макарова ТИ. Системность современного права: взгляд с позиции комплексности и междисциплинарности. В: Шидловский АВ, редактор. *Закономерности развития государства и права в контексте современного правопонимания. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора С. Г. Дробязко; 23–24 сентября 2022 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2022. с. 24–28.
30. Хотько ОА. Правовые аспекты регулирования транспортной деятельности в контексте решения задач декарбонизации транспорта на уровне региональных межгосударственных объединений. В: Трутаева АВ, редактор. *Правоприменение в публичном и частном праве. Материалы Международной научно-практической конференции; 29 марта 2024 г.; Омск, Россия*. Омск: Издательство Омского университета; 2024. с. 213–218.
31. Хотько ОА. Преобразования правового регулирования в сфере транспортной безопасности в контексте обновления подходов к обеспечению национальной безопасности Республики Беларусь. В: Чеботарева АА, Чеботарева ВЕ, Малешина ЛМ, редакторы. *Безопасность как стратегический национальный приоритет России в условиях современности. Материалы VI Международного транспортно-правового форума; 14–15 февраля 2024 г.; Москва, Россия*. Москва: Юридический институт РУТ; 2024. с. 258–267.
32. Хотько ОА. Доктринальные подходы к регулированию отношений в сфере правового обеспечения транспортной безопасности в защиту интересов Российской Федерации и Республики Беларусь. *Транспортное право*. 2025;1:6–11.
33. Морозов СЮ. Правовые и неправовые средства как элементы гражданско-правового механизма. В: Морозов СЮ, редактор. *Гражданско-правовые механизмы в цивилистических исследованиях*. Москва: Проспект; 2023. с. 32–50.
34. Хотько ОА. Методы исследования экологической безопасности транспортной деятельности. *Государство и право*. 2019;11:78–85.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025.
Received by editorial board 17.07.2025.

ІСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

HISTORICAL MATERIALS AND SIGNIFICANT DATES

ЮРЫДЫЧНАМУ ФАКУЛЬТЭТУ
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА – 100 ГАДОЎ

ЮРИДИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ
БЕЛАРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА – 100 ЛЕТ

THE FACULTY OF LAW OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY
CELEBRATES 100th ANNIVERSARY

Наша альма-матар, юрыдычны факультэт Беларускага дзяржайна гаукультэта, у каstryчніку 2025 г. святкуе юбілей – 100-годдзе з дня заснавання. Адзначаючы гэту дату, мы падводзім вынікі вялікага этапу ў развіцці беларускай юрыдычнай навукі і юрыдычнай адукацыі.

Гісторыя развіцця юрыдычнага факультэта неразрывуна з гісторыяй станаўлення беларускай дзяржайнасці. Вытокі юрыдычнай навукі і адукацыі Беларусі знаходзяцца ў далёкай старажытнасці. Яны звязаны з адкрыццём на беларускіх землях у 1641 г. юрыдычнага факультэта ў Віленскай акадэміі, які пазней уваходзіў у склад Галоўнай школы ВКЛ (з 1773 г.), Галоўнай Віленскай школы (з 1796 г.), Віленскага ўніверсітэта (з 1803 г.).

Узнаўленне развіцця беларускай юрыдычнай науки і адукацыі непасрэдна звязана з адкрыццём у 1921 г. Беларускага дзяржайна гаукультэта, у які ўваходзілі пяць факультэтаў. На факультэце грамадскіх науку функцыянувала прававое аддзяленне. У 1925 г. БДУ выпусціў 130 юрыстаў. У гэтым жа годзе СНК БССР пастановіў адкрыць ва ўніверсітэце факультэт права і гаспадаркі.

За векавы перыяд наша альма-матар прыйшла вялікі шлях. Юрыдычнай школа БДУ мела розныя назвы і арганізацыйна-прававыя формы дзейнасці: факультэт права і гаспадаркі (1925), факультэт савецкага будаўніцтва і права (1930), Інстытут савецкага будаўніцтва і права (1931), Беларускі дзяржайны юрыдычны

інстытут (1932), Мінскі юрыдычны інстытут (1938), юрыдычны факультэт Беларускага дзяржайна гаукультэта (1954). Аднак заўсёды асноўнымі напрамкамі дзейнасці юрыдычнай школы былі падрыхтоўка высокакваліфікованых юрыстаў, выхаванне дастойных грамадзян нашай Айчыны.

Карпатлівая праца, навуковы і творчы пошук выкладчыкаў, паспяховая практычна дзейнасць дзесяткаў тысяч таленавітых выпускнікоў, славныя традыцыі, закладзеныя падчас існавання галоўнай юрыдычнай школы выдатнымі вучонымі, высокі ўзровень выкладання і передавое навуковае мысленне – гэта характарыстыкі, уласцівія юрыдычнаму факультэту БДУ.

Векавы юбілей дазваляе нам успомніць важныя вехі і старонкі гісторыі факультэта, але перш за ўсё людзей, якія яго стварылі, працавалі і вучыліся на факультэце ў розныя гады. Заснавальнікамі многіх навуковых юрыдычных школ былі ветэраны Вялікай Айчыннай вайны, прадстаўнікі пакалення пераможцаў: прафесары А. А. Галаўко, І. І. Гарэлік, В. А. Дарогін, С. Р. Драбязка, А. В. Дулаў, І. М. Ігнаценка, С. В. Курылёў, А. Ц. Лейзераў, Я. А. Мацвіенка, Г. А. Павецьеў, І. С. Цішкевіч, В. Ф. Чыгір, В. А. Шкурко, В. М. Шпілёў, М. Р. Юркевіч, Я. А. Юхно. Актыўна развівалі юрыдычную адукацыю ва ўніверсітэце франтавікі-выкладчыкі: дацэнты С. П. Бякешка, М. М. Гапановіч, К. В. Кічыгіна, М. М. Меркушаў, Я. Ф. Плюта, Я. М. Тагуноў, В. С. Швяцоў і інш.

Навуковыя школы за стагоддзе выхавалі не адно пакаленне таленавітых юрыстаў, высокаадукаўаных спецыялістаў, дастойных грамадзян нашай Айчыны. У іх і зараз закладваецца падмурок у падрыхтоўцы спецыялістаў для прававой сістэмы.

Вялікі ўнёсак у развіццё ўніверсітэцкай юрыдычнай адукацыі і навукі зрабілі прафесары А. М. Абрамовіч, С. А. Балашэнка, Н. Л. Бандарэнка, А. У. Баркоў, В. М. Бібіла, Ю. П. Броўка, Р. А. Васілевіч, В. М. Гадуной, І. А. Грунтоў, А. Я. Гучок, Т. І. Доўнар, А. Ф. Доўгань, А. М. Здрок, В. С. Камянкоў, Н. А. Карповіч, Т. І. Мakaрава, І. І. Марціновіч, М. В. Мяшчанава, Ю. І. Новік, А. Л. Савянок, М. В. Сторажаў, В. М. Талочка, Я. І. Функ, У. М. Хоміч, А. Г. Цікавенка, В. Г. Ціхіня, М. П. Чудакоў, В. І. Чупрыс, В. Б. Шабанаў, І. С. Шахрай, А. І. Швед. Палітычную навуку актыўна развівалі прафесары Н. А. Антановіч, Л. Я. Землякоў, Г. А. Круглова, С. В. Рашэнтнікаў.

Стратэгічная роля ў арганізацыі ўнутранай структуры і «зместу» юрыдычнага факультета ў савецкім перыяд належыць яго кіраўнікам – дэканам факультета грамадскіх навук У. М. Ігнатоўскуму, С. З. Кацэнбогену, М. В. Грэдзінгеру, першаму дэкану факультета права і гаспадаркі С. Я. Вольфсану, дырэктару Беларускага дзяржаўнага юрыдычнага інстытута, а пазней Мінскага юрыдычнага інстытута А. Н. Юрашкевічу, М. Н. Цвяткову, А. М. Штэйнграду, І. С. Андрэйчыку, Г. А. Павецьеву, дэканам юрыдычнага факультета Я. М. Семярыхіну, М. М. Меркушаву, В. А. Дарогіну, І. М. Ігнаценка, В. А. Шкурко, В. Ф. Чыгіру, В. Г. Ціхіні. Гісторыя паспяховага развіцця сучаснага юрыдычнага факультета звязана з імёнамі дэканаў В. М. Гадунова, С. А. Балашэнка, Т. М. Міхалёвой.

У розныя гады на факультэце вучыліся і выкладалі першая ў Беларусі жанчына – доктар юрыдычных навук І. І. Марціновіч (професар, заслужаны работнік вышэйшай школы БССР, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь), першая жанчына – праектар БДУ В. І. Чупрыс (зараў намеснік Кіраўніка Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь).

Вучоныя юрыдычнага факультета прымалі самы непасрэдныя актыўныя ўдзел у распрацоўцы (у тым ліку кадыфікацыі) праектаў заканадаўчых актаў. У цэнтры іх увагі былі актуальныя праблемы тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, міжнароднага, канстытуцыйнага, адміністрацыйнага, фінансавага, грамадзянскага, сямейнага, працоўнага, экалагічнага, зямельнага, крымінальнага, працэсуальнага права і іншых яго галін. Варта адзначыць прадуктыўныя ўдзел дактароў і кандыдатаў юрыдычных навук факультета ў работе Канстытуцыйнай Камісіі Рэспублікі Беларусь у 2021–2022 гг., а таксама ўдзел у штогадовых мерапрыемствах па ўдасканаленні галіновага нацыянальнага заканадаўства.

Вучоныя-юрысты актыўна ўдзельнічаюць ва ўдасканаленні арганізацыі і дзейнасці дзяржаўнага апа-

рату, распрацоўцы новых форм і сродкаў забеспячэння законнасці як неабходнай умовы фарміравання грамадзянскай супольнасці і сацыяльнай прававой дзяржавы. У якасці навуковых экспертаў выкладчыкі факультета рэгулярна працуюць у складзе навуковакансультатыўных саветаў па вырашэнні прававых пытанняў самага рознага ўзроўню. Так, шэраг вучоных з галіновых прававых кафедр уключаны ў Прававы кансультатыўны савет пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь і групу экспертаў у галіне права пры Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. Большасць дактароў юрыдычных навук ва ўсіх дзеючых доктарскіх саветах па абароне дысертаций па юрыдычных навуках у рэспубліцы складаюць работнікі юрыдычнага факультета БДУ. Вучоныя факультэта ўваходзяць у навукова-кансультатыўныя саветы пры Канстытуцыйным Судзе Рэспублікі Беларусь, Вярховным Судзе Рэспублікі Беларусь, Генеральнай пракуратуре Рэспублікі Беларусь, Цэнтральнай выбарчай камісіі Рэспублікі Беларусь, Следчым камітэце Рэспублікі Беларусь, іншых органах дзяржаўнай улады і кіравання. Яны з'яўляюцца членамі Вышэйшай кваліфікацыйнай калегіі суддзяў Рэспублікі Беларусь, вучонага савета Нацыянальнага цэнтра заканадаўства і прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь, рэдкалегіі і рэдсаветаў шматлікіх беларускіх і замежных юрыдычных навуковых і навукова-практычных часопісаў, навуковых зборнікаў.

Прадстаўнікі юрыдычнага факультета ўсебакова даследуюць пытанні беларуска-расійскай інтэграцыі, суверэнітэту Рэспублікі Беларусь і гарантый яго забеспячэння ў прававой, эканамічнай, сацыяльнай і іншых сферах. Актыўная працапаганда беларускай прававой сістэмы вядзеца навукоўцамі на ўзроўні пасяджэнняў навукова-кансультатыўных саветаў Парламенцкага Сходу Саюза Беларусі і Расіі, Эканамічнага Суда СНД, а таксама на ўзроўні міждзяржаўных і міжнародных рабочых груп (сустрэч, мера-прыемстваў) па падрыхтоўцы прававых актаў.

За векавую гісторыю юрыдычны факультэт выпуслі больш за 35 000 спецыялістаў. Сярод іх 84 заслужаныя юрысты (БССР, Рэспублікі Беларусь), 3 заслужаныя дзеячы навукі Рэспублікі Беларусь, 3 заслужаныя работнікі адукацыі Рэспублікі Беларусь, 5 членаў-карэспандэнтаў НАН Беларусі. Юрыдычны факультэт БДУ скончылі кіраўнікі вышэйшых органаў дзяржаўнай улады і дзяржаўных установ Рэспублікі Беларусь, прадстаўнікі дыпламатычных місій і міжнародных арганізацый, вядомыя вучоныя-юрысты, грамадскія дзеячы, юрысты-практыкі, у ліку якіх Старшыня Камітэта дзяржаўнага кантролю Рэспублікі Беларусь В. М. Герасімаў, Старшыня Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь П. П. Мікалашэвіч, Старшыня Вярховнага Суда Рэспублікі Беларусь В. А. Сукала, Генеральны пракурор Рэспублікі Беларусь І. А. Швед.

У юрыспрудэнцыі, дзяржаўнай службе і палітыцыя ярка прайвілі сябе Ю. Г. Амбразевіч, Н. У. Барысенка,

Д. Ю. Баскаў, Р. А. Васілевіч, А. А. Гаеў, А. Я. Гучок, В. Д. Іпатаў, В. С. Камянкоў, В. Л. Калінковіч, С. В. Кандратцеў, А. У. Канюк, Н. А. Карповіч, Ю. В. Кобец, М. С. Маркаў, В. В. Міцкевіч, А. М. Мяцеліца, Г. П. Падразёнак, Н. У. Пяткевіч, А. А. Рахманаў, М. У. Рыжанкоў, С. М. Сівец, А. К. Стук, І. У. Тылец, Н. М. Філіпава, Я. І. Функ, В. І. Чупрыс, А. С. Шандаровіч, А. І. Швакаў і інш. Выпускнікамі нашага факультэта ганарыцца ўся юрыдычная супольнасць Беларусі і замежжа, кожны з іх мае заслужаны аўтарытэт у грамадстве.

Зараз на факультэце гістарычныя традыцыі класічнай юрыдычнай адукацыі спалучаюцца з інавацыйнымі падыходамі ў фундаментальных і прыкладных даследаваннях. На працягу апошніх дзесяцігоддзяў юрыдычны факультэт актыўна ўдзельнічае ў выкананні дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў. На наступныя пяць гадоў (2026–2030 гг.) запланавана кіраўніцтва восьмю рэспубліканскімі праграмамі навуковых даследаванняў. Сярод новых напрамкаў, якія актыўна распрацоўваюцца навукоўцамі, інфармацыйнае і лічбавае, карпаратыўнае, медыцынскае, спартыўнае права, права ЕАЭС і ШАС, права інтэлектуальнай уласнасці.

На факультэце атрымліваюць агульную вышэйшую адукацыю каля 3000 навучэнцаў: 1500 студэнтаў дзённай формы навучання, 1100 студэнтаў завочнай формы навучання, 150 студэнтаў завочнай формы навучання, якія атрымліваюць другую і наступную вышэйшую адукацыю. Паглыбленую вышэйшую адукацыю атрымліваюць каля 50 магістрантаў, паглыбленую вышэйшую адукацыю на англійскай мове – 250 магістрантаў (навучэнцы замежных дзяржаў). Кандыдацкія і доктарскія дысертатыўныя работы, 90 суіскальнікаў, аспірантаў і дактарантаў.

На юрыдычным факультэце агульную вышэйшую адукацыю можна атрымаць па трох спецыяльнасцях і восьмі спецыялізацыях, а паглыбленую вышэйшую

адукацыю ў магістратуры – па дзвюх спецыяльнасцях і сямі прафілізацыях. Для замежных грамадзян з навучаннем на англійскай мове даступны трох прафілізацыі.

У структуру факультэта ўваходзяць 12 кафедр, Цэнтр адукацыйных інавацый, аддзел «Юрыдычная клініка», навучальная лабараторыя крыміналістычнай тэхнікі і судовых экспертыз, крыміналістычны палігон, музей юрыдычнага факультэта. На факультэце функцыянуе Міжнародны навукова-адукацыйны цэнтр медыяцыі, прымірэння і траецкіх працэдур, Цэнтр дзяржаўна-прававой палітыкі і кіравання, Цэнтр устойлівага развіцця.

На факультэце працуе больш за 250 выкладчыкаў, у тым ліку вядомыя юрысты-практыкі, 1 член-карэспандэнт НАН Беларусі, 23 дактары і 143 кандыдаты навук. На факультэце падтрымліваюцца цесныя сувязі з дзяржаўнымі органамі і ўстановамі, юрыдычнымі кансультатацыямі, юрыдычнымі кампаніямі, навуковымі ўстановамі Беларусі, а таксама краін СНД і ЕАЭС. Юрыдычны факультэт БДУ – гэта флагман айчыннай юрыдычнай навукі і калыска юрыдычных ведаў, класічнай універсітэцкай юрыдычнай адукацыі.

Сапраўдны гонар юрыдычнага факультэта – адораныя студэнты, вопытныя выкладчыкі, лепшыя выпускнікі!

Хочацца выказаць шчырую ўдзячнасць усім, хто звязаны з факультэтам. Сваёй працай, рыхтуючы новае пакаленне юрыстаў, мы ствараем будучыню Беларусі, выхоўваем сапраўдных патрыётаў.

Віншую вас, дарагія сябры! Жадаю калектыву юрыдычнага факультэта БДУ і ўсім яго выпускнікам развіцця і плёну, новых творчых поспехаў і перамог, радасці адкрыццяў, натхнення, прафесійнага даўгалаецца і ўдачы!

Са святам, родны факультэт! З юбілеем, юрфак!

A. В. Шыдлоўскі¹

¹Андрэй Віктаравіч Шыдлоўскі – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт; дэкан юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Андрей Вікторавіч Шыдловский – кандидат юридических наук, доцент; декан юридического факультета Белорусского государственного университета.

Andrey V. Shidlovsky, PhD (law), docent; dean of the faculty of law, Belarusian State University.
E-mail: shidlovsky@bsu.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 342.9(476)(075.8)

Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0421-01 «Правоведение» / БГУ ; сост.: Г. А. Василевич, В. Ю. Чешко, В. Е. Петухова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 78 с. Библиогр.: с. 74–78. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/329128>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 08.05.2025, № 006808052025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право» предназначен для студентов специальности 6-05-0421-01 «Правоведение». ЭУМК включает конспект лекций по вопросам учебной дисциплины, планы семинарских занятий, примерные темы курсовых и дипломных работ, задания для контрольной работы, юридические казусы и тестовые вопросы, а также список литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

Ад рэдакцыі.....	4
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	
Шыдлоўскі А. В., Голубева Л. Л., Доўнар Т. І. Студэнты, выкладчыкі, выпускнікі Мінскага юрыдычнага інстытута – удзельнікі Вялікай Айчыннай вайны (да 80-годдзя Вялікай Перамогі).....	6
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	
Карамышев А. В. Административный процесс: методологические аспекты отраслевой идентификации	16
Краснобаева Л. А. Структурно-функциональный анализ правовых отношений, обусловленных предоставлением публичных услуг.....	26
Масловская Т. С. Содержание современных конституций: тренды постсоветского пространства...	34
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И НАЛОГОВОЕ ПРАВО	
Пилипенко А. А. Дискуссионные вопросы применения презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика).....	40
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА	
Бибило В. Н. Корреляция уголовно-процессуальных правоотношений и уголовно-процессуальной деятельности.....	46
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО	
Макарова Т. И., Жлоба А. А., Лизгаро В. Е., Мороз О. В. Современный экологический правопорядок: теоретический фундамент и решение прикладных задач.....	52
Шахрай И. С., Кузьмич И. П. Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве в контексте проблем изменения климата.....	60
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	
Валюшко-Орса Н. В. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в Евразийском экономическом союзе.....	67
Емельянович О. В. Уязвимое положение индивидов в условиях гуманитарных кризисов в контексте торговли людьми.....	73
Толочко О. Н. Международное сотрудничество по реагированию на экологические угрозы и чрезвычайные ситуации.....	78
Хотыко О. А. Наука транспортного права: междисциплинарные связи, перспективные направления развития.....	84
ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ	
Юрыдычнаму факультету Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – 100 гадоў.....	92
Аннотации депонированных в БГУ работ	95

CONTENTS

Editorial.....	4
THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE	
<i>Shidlovsky A. V., Golubeva L. L., Dovnar T. I.</i> Students, lecturers, graduates of the Minsk Law Institute – participants of the Great Patriotic War (to the 80 th anniversary of Great Victory).....	6
CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW	
<i>Karamyshev A. V.</i> Administrative process: methodological aspects of legal identification.....	16
<i>Krasnobaeva L. A.</i> Structural and functional analysis of legal relations caused by the provision of public services.....	26
<i>Maslovskaya T. S.</i> Content of modern constitutions: trends in the post-Soviet space.....	34
FINANCE LAW AND TAX LAW	
<i>Pilipenka A. A.</i> Controversial issues of application of the presumption of rightness of the audited entity (taxpayer).....	40
CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS	
<i>Bibilo V. N.</i> Correlation between criminal procedural legal relationship and criminal procedural activities	46
ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW	
<i>Makarova T. I., Zhloba A. A., Lizgaro V. E., Moroz O. V.</i> Modern environmental legal order: theoretical foundation and applied problems solving.....	52
<i>Shakhryay I. S., Kuzmich I. P.</i> Legal environmental protection in agriculture in the context of climate change issues.....	60
INTERNATIONAL LAW	
<i>Valiushko-Orsa N. V.</i> Legal support for information security of minors in the Eurasian Economic Union.....	67
<i>Emelyanovich O. V.</i> Vulnerability of individuals to human trafficking during humanitarian crises.....	73
<i>Tolochko O. N.</i> International cooperation in response to environmental threats and emergencies.....	78
<i>Khotsko O. A.</i> Transport law science: interdisciplinary connections, promising directions of development	84
HISTORICAL MATERIALS AND SIGNIFICANT DATES	
<i>The faculty of law of the Belarusian State University celebrates 100th anniversary.....</i>	92
<i>Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....</i>	95

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам. Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Право.
№ 2. 2025**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Право» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редактор А. С. Люкевич
Технический редактор М. А. Панкратова
Корректор А. С. Люкевич

Подписано в печать 00.00.2025.
Тираж 25 экз.

© БГУ, 2025

**Journal
of the Belarusian State University. Law.
No. 2. 2025**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Journal of the Belarusian State University. Law»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gісторыя. Jekonomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editor A. S. Lyukevich
Technical editor M. A. Pankratova
Proofreader A. S. Lyukevich

Signed print 00.00.2025.
Edition 25 copies.

© BSU, 2025